

Некоторые принципы морской стратегии

Джулиан Стаффорд Корбетт

Some Principles of Maritime Strategy

Julian Stafford Corbett

Электронная книга проекта Гутенберга о некоторых принципах морской стратегии

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Некоторые принципы морской стратегии

Автор: Джулиан Стаффорд Корбетт

Дата выхода: 16 февраля 2005 г. [Электронная книга № 15076]
Последнее обновление: 14 декабря 2020 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Сюзанной Шелл, Китом Эдкинсом и командой онлайн-корректоров Project Gutenberg

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" "НЕКОТОРЫЕ ПРИНЦИПЫ МОРСКОЙ СТРАТЕГИИ" ***

Электронный текст подготовлен Сюзанной Шелл, Китом Эдкинсом и командой онлайн-корректоров Project Gutenberg

Некоторые принципы морской стратегии

Сэр Джулиан Корбетт (любезно предоставлено Д.М. Шурманом)

ЛОНДОН, 1911 год.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ВОЙНЫ —ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И ОГРАНИЧЕНИЯ	3
---	---

ЧАСТЬ I. ТЕОРИЯ ВОЙНЫ

I. ТЕОРИЯ ВОЙНЫ	15
II. ХАРАКТЕР ВОЙН — НАСТУПАТЕЛЬНЫЙ И ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ	31
III. ПРИРОДА ВОЙН—ОГРАНИЧЕННЫХ И НЕОГРАНИЧЕННЫХ	41
IV. ОГРАНИЧЕННАЯ ВОЙНА И МОРСКИЕ ИМПЕРИИ	52
V. ИНТЕРВЕНЦИОННЫЕ ВОЙНЫ — ОГРАНИЧЕННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО В НЕОГРАНИЧЕННУЮ ВОЙНУ	60
VI. УСЛОВИЯ СИЛЫ В ОГРАНИЧЕННОЙ ВОЙНЕ	72

ЧАСТЬ II. ТЕОРИЯ МОРСКОЙ ВОЙНЫ

I. ТЕОРИЯ ОБЪЕКТА—ГОСПОДСТВО На МОРЕ	91
II. ТЕОРИЯ СРЕДСТВ—УСТРОЙСТВО ФЛОТОВ	107
III. ТЕОРИЯ МЕТОДА —КОНЦЕНТРАЦИЯ И РАССЕИВАНИЕ СИЛЫ	128

ЧАСТЬ III. ВЕДЕНИЕ МОРСКОЙ ВОЙНЫ

I. ВВОДНАЯ ЧАСТЬ—	155
1. НЕОТЪЕМЛЕМЫЕ РАЗЛИЧИЯ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ На СУШЕ И На МОРЕ	155
2. ТИПИЧНЫЕ ФОРМЫ ВОЕННО-МОРСКИХ ОПЕРАЦИЙ	161
II. МЕТОДЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОМАНДОВАНИЯ—	167
1. ПРИ ПОЛУЧЕНИИ РЕШЕНИЯ	167
2. БЛОКАДА	183
III. МЕТОДЫ ОСПАРИВАНИЯ	209

КОМАНДОВАНИЯ—
1. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ ФЛОТА — 209
"СУЩЕСТВУЮЩИЙ ФЛОТ"
2. НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ КОНТРАТАКИ 227
IV. МЕТОДЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ 233
КОМАНДОВАНИЯ—
1. ЗАЩИТА ОТ ВТОРЖЕНИЯ 233
2. НАПАДЕНИЕ И ЗАЩИТА ТОРГОВЛИ 261
3. НАПАДЕНИЕ, ЗАЩИТА И ПОДДЕРЖКА 280
ВОЕННЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Приложение: "Зеленая брошюра" 305
УКАЗАТЕЛЬ 346

Введение

Теоретическое изучение войны —ее применение и ограничения

На первый взгляд ничто не может показаться более непрактичным, менее обещающим полезный результат, чем подходить к изучению войны с теоретической точки зрения. По-видимому, действительно существует нечто существенно противоположное между привычкой ума, стремящегося к теоретическому руководству, и тем, что способствует успешному ведению войны. Ведение войны - это в такой степени вопрос личности, характера, здравого смысла, быстрого принятия решений в зависимости от сложных и постоянно меняющихся факторов, а сами эти факторы настолько разнообразны, настолько неосязаемы, настолько зависят от нестабильных моральных и физических условий, что кажется, их невозможно свести к чему-либо похожему на истинно научный анализ. При одной мысли о теории или "науке" войны разум с беспокойством возвращается к хорошо известным случаям, когда высокоразвитые "ученые" офицеры терпели неудачу как лидеры. Однако, с другой стороны, никто не будет отрицать, что с тех пор, как великие теоретики начала девятнадцатого века попытались создать обоснованную теорию войны, ее планирование и ведение приобрели метод, точность и определенность понимания, которые были неизвестны ранее. Тем более никто не станет отрицать ту ценность, которую самые проникательные и успешные военачальники придавали трудам классических стратегов.

Правда в том, что недоверие к теории возникает из-за неправильного представления о том, на что претендует теория. Она не претендует на то, чтобы наделять силой поведения в данной области; она претендует не более чем на увеличение эффективной силы поведения. Его главная

практическая ценность заключается в том, что он может помочь способному человеку приобрести широкий кругозор, благодаря которому он может быть более уверен, что его план охватит все аспекты, и благодаря которому он может с большей быстротой и уверенностью использовать все факторы внезапной ситуации. Сам величайший из теоретиков ставит этот вопрос совершенно откровенно. О теоретическом изучении он говорит: "Оно должно воспитывать ум человека, который должен руководить на войне, или, скорее, направлять его к самообразованию, но оно не должно сопровождать его на поле битвы".

Однако его практическая полезность ни в коем случае не ограничивается его воздействием на полномочия лидера. Недостаточно, чтобы лидер обладал способностью принимать правильные решения; его подчиненные должны сразу уловить весь смысл его решения и быть в состоянии с уверенностью выразить его в хорошо выверенных действиях. Для этого каждый заинтересованный человек должен быть обучен мыслить в одном и том же плане; приказ начальника должен пробудить в каждом мозгу один и тот же мыслительный процесс; его слова должны иметь одинаковое значение для всех. Если бы в 1780 году существовала теория тактики и если бы капитан Каркетт хорошо изучил такую теорию, он не мог бы неправильно понять сигнал Родни. Как бы то ни было, истинное назначение сигнала было неясным, и пренебрежение Родни объяснить тактический прием, на который он указывал, лишило его страну победы в час крайней нужды. У него не было предварительной теоретической подготовки, чтобы восполнить это упущение, и прекрасная концепция Родни была непонятна никому, кроме него самого.

Теория необходима не только ради ментальной солидарности между начальником и его подчиненными. Это имеет еще большую ценность для создания подобной солидарности между ним и его начальством за столом Совета дома. Как часто офицеры молча соглашались на опрометчивые операции просто из-за отсутствия умственных способностей и словесного аппарата, чтобы убедить нетерпеливого министра в том, в чем заключаются ошибки его плана? Более того, как часто государственные деятели и офицеры, даже на самых слаженных совещаниях, были неспособны принять решение о последовательном плане ведения войны из-за неспособности научно проанализировать ситуацию, с которой им пришлось столкнуться, и осознать общий характер борьбы, в которую они собирались вступить. Редко можно ожидать, что истинная природа войны будет осознаваться современниками так ясно, как это становится видно впоследствии в более полном свете истории. На близком расстоянии случайные факторы будут выдвигаться на первый план и, как правило, затемнять истинный горизонт. Такая ошибка вряд ли когда-либо может быть устранена, но с помощью теоретического изучения мы можем уменьшить ее, и никакими другими средствами мы не можем надеяться приблизиться к той ясности видения, с которой потомки будут читать наши ошибки. Теория - это, по сути, вопрос образования и обдумывания, а вовсе не исполнения. Это зависит от сочетания неосязаемых человеческих качеств, которые мы называем исполнительными способностями.

Таким образом, это все, что когда-либо заявляли великие авторитеты в области теории, но, по крайней мере, главный из них после многих лет активной службы в Штабе придавал этому утверждению первостепенное значение. "В реальных операциях, - писал он в одном из своих последних меморандумов, - люди руководствуются исключительно своим суждением, и оно попадет в цель более или менее точно в зависимости от того, насколько они гениальны. Так поступали все великие полководцы.... Таким образом, это всегда будет в действии, и пока будет достаточно суждения. Но когда речь идет не о том, чтобы действовать самому, а о том, чтобы

убедить других за столом Совета, тогда все зависит от четких концепций и изложения внутренних взаимосвязей вещей. В этом отношении был достигнут столь незначительный прогресс, что большинство обсуждений представляют собой просто словесные споры, которые не имеют под собой прочной основы и заканчиваются либо тем, что каждый сохраняет свое собственное мнение, либо компромиссом из соображений взаимного уважения — промежуточным курсом, не имеющим реальной ценности".¹

Опыт подобных дискуссий у автора был богатым и полученным из первых рук. Ясные представления об идеях и факторах, вовлеченных в проблему войны, и определенное изложение отношений между ними были в его глазах средством от вольных и бесцельных дискуссий; и такие концепции и изложения - это все, что мы подразумеваем под теорией или наукой о войне. Это процесс, посредством которого мы координируем наши идеи, определяем значение используемых нами слов, улавливаем разницу между существенными и несущественными факторами, а также фиксируем и раскрываем фундаментальные данные, с которыми все согласны. Таким образом, мы подготавливаем аппарат практического обсуждения; мы получаем средства для приведения факторов в управляемую форму и точного и быстрого вывода из них практического плана действий. Без такого аппарата двое мужчин не смогут даже мыслить в одном направлении; и уж тем более они никогда не смогут надеяться выделить реальную точку различия, которая их разделяет, и изолировать ее для спокойного решения.

В нашем собственном случае этот взгляд на ценность стратегической теории имеет особое значение, причем гораздо более широкое, чем предполагали ее континентальные сторонники. Для всемирной морской империи успешное ведение войны часто зависит не только от решений Палаты Советов у себя дома, но и от результатов конференций во всех частях света между командующими эскадрами и местными властями, как гражданскими, так и военными, и даже между главнокомандующими соседних станций. Во время войны или подготовки к войне, в которой замешана Империя, договоренности всегда должны основываться в исключительной степени на взаимной связи военно-морских и политических соображений. Линия средней эффективности, хотя и указывается из дома, должна быть рассчитана локально и с учетом факторов, которыми не владеет ни одна служба. Конференция всегда необходима, и для успеха конференции должно быть общее средство выражения мнений и общий план мышления. Именно эту необходимую подготовку может обеспечить только теоретическое изучение; и в этом заключается его практическая ценность для всех, кто стремится к более высоким обязанностям императорской службы.

Ценность абстрактного стратегического исследования с этой точки зрения действительно настолько велика, что необходимо остерегаться переоценки. Будучи далеки от того, чтобы требовать от своей так называемой науки большего, чем те возможности, которые мы указали, классические стратеги снова и снова настаивают на опасности требовать от нее того, чего она не может дать. Они отвергают даже само название "Наука". Они предпочитают более старый термин "Искусство". Они не допускают никаких законов или правил. Такие законы, говорят они, могут только вводить в заблуждение на практике, поскольку трения, которым они подвергаются из-за одних только неисчислимых человеческих факторов, таковы, что трения сильнее закона. Старая пословица юристов гласит, что ничто так не вводит в заблуждение, как юридическая максима, но стратегическим максимам, несомненно, во всех отношениях меньше следует доверять в действии.

Каковы же тогда, спросят, ощутимые результаты, которых мы можем надеяться достичь с помощью теории? Если все, на чем мы должны основываться, так неопределенно, то как можно прийти к каким-либо практическим выводам? То, что факторы бесконечно разнообразны и их трудно определить, верно, но следует помнить, что именно это подчеркивает необходимость достижения таких твердых точек зрения, какие только возможны. Чем более расплывчатой является проблема, которую необходимо решить, тем решительнее мы должны быть в поиске отправных точек, с которых мы могли бы начать прокладывать курс, всегда следя за случайностями, которые будут окружать нас, и всегда чувствуя их отклоняющее влияние. И это как раз то, что может сделать теоретическое изучение стратегии. Оно может, по крайней мере, определить норму. При тщательном сопоставлении прошлых событий становится ясно, что определенные линии поведения обычно приводят к определенным результатам; что войны, как правило, принимают определенные формы, каждая из которых отличается ярко выраженной индивидуальностью; что эти формы обычно связаны с объектом войны и ее ценностью для одной или обеих воюющих сторон; что система операций, которая подходит для одной формы, может не подходить для другой. Мы можем даже пойти дальше. Используя исторический и сравнительный метод, мы можем обнаружить, что даже человеческий фактор не совсем поддается определению. Мы можем утверждать, что определенные ситуации обычно вызывают, будь то в нас самих или в наших противниках, определенные моральные состояния, на которые мы можем рассчитывать.

Определив норму, мы сразу же оказываемся в более сильной позиции. Любое предложение можно сравнить с ним, и мы можем перейти к четкому обсуждению веса факторов, которые побуждают нас отклоняться от нормы. Каждый случай должен оцениваться по существу, но без нормы, на основе которой мы могли бы работать, мы вообще не можем составить никакого реального суждения; мы можем только догадываться. Каждый случай, несомненно, будет в большей или меньшей степени отклоняться от нормы, и столь же несомненно, что величайшими успехами на войне были самые смелые отклонения от нормы. Но по большей части это были уходы, сделанные с открытыми глазами гениями, которые могли видеть в случайностях данного случая справедливую причину для ухода.

Возьмем аналогичный пример, и область применения стратегической теории сразу станет ясна. Навигации и относящимся к ней разделам мореплавания приходится иметь дело с явлениями столь же разнообразными и ненадежными, как явления ведения войны. Вместе они образуют искусство, которое в такой же степени, как и полководчество, зависит от суждений отдельных людей. Законы штормов и приливов, ветров и течений и вся метеорология подвержены бесконечным и неисчислимым отклонениям, и все же кто будет отрицать в наши дни, что благодаря теоретическому изучению таких вещей искусство моряка приобрело согласованность и силу? Такое обучение само по себе не сделает моряка или штурмана, но без него ни один моряк или штурман в наши дни не может претендовать на это имя. Поскольку штормы не всегда ведут себя одинаково, поскольку течения непостоянны, будет ли самый практичный моряк отрицать, что изучение нормальных условий бесполезно для него при принятии практических решений?

Таким образом, если подходить к теоретическому изучению стратегии таким образом, то есть рассматривать ее не как замену суждению и опыту, а как средство обогащения и того, и другого, то это не может причинить человеку вреда. Индивидуальная мысль и здравый смысл останутся хозяевами и проводниками, указывающими общее направление, когда масса фактов начнет

сбивать с толку. Теория предупредит нас в тот момент, когда мы начнем сходиться с проторенной дороги, и позволит нам с открытыми глазами решить, является ли расхождение необходимым или оправданным. Прежде всего, когда мужчины собираются на Совет, это подводит обсуждение к основным направлениям и помогает расставить второстепенные вопросы по своим местам.

Но помимо всего этого в теории войны заложен еще один элемент, имеющий особую ценность для морской империи. Мы привыкли, отчасти для удобства, а отчасти из-за отсутствия привычки к научному мышлению, говорить о военно-морской стратегии и военной стратегии так, как если бы они были отдельными отраслями знания, не имеющими общей основы. Именно теория войны выявляет их тесную связь. Это показывает, что объединение их обоих является более масштабной стратегией, которая рассматривает флот и армию как единое оружие, координирующее их действия и указывающее направления, по которым каждый должен двигаться, чтобы реализовать всю мощь обоих. Это подтолкнет нас к тому, чтобы назначить каждой ее надлежащую функцию в плане ведения войны; это позволит каждой службе лучше осознавать ограничения и возможности функции, которая на нее возложена, и то, как и когда ее собственные потребности должны уступить место более высоким или неотложным потребностям другой. Короче говоря, это раскрывает, что военно—морская стратегия не является чем-то само по себе, что ее проблемы редко или никогда не могут быть решены исключительно военно-морскими соображениями, но что это лишь часть морской стратегии - высшего образования, которое учит нас, что для того, чтобы морское государство могло вести успешную войну и реализовать свою особую мощь, армия и военно-морской флот должны использоваться и рассматриваться как инструменты, не менее тесно связанные, чем три вида войск на берегу.

Именно по этим причинам подходить к военно-морской стратегии иначе, как с точки зрения теории войны, бесполезно. Без такой теории мы никогда не сможем по-настоящему понять ее масштабы или значение, равно как и надеяться уловить силы, которые наиболее глубоко влияют на ее выводы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТЕОРИЯ ВОЙНЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТЕОРИЯ ВОЙНЫ

Последнее, к чему приходит исследователь, - это полная карта, которая охватит всю пройденную им территорию, но для тех, кто придет после него и захочет извлечь выгоду из его знаний и расширить их, его карта - это первое, с чего они начнут. Так же обстоит дело и со стратегией. Прежде чем мы приступим к ее изучению, мы ищем диаграмму, которая вкратце покажет нам, что именно представляет собой область, которую мы должны охватить, и каковы основные черты, определяющие ее форму и общие характеристики. Такую схему может предоставить только "теория войны". Именно по этой причине при изучении войны мы должны прояснить нашу теорию, прежде чем отправляться на поиски практических выводов. Сложность войны настолько велика, что без такого проводника мы наверняка заблудимся среди ошеломляющего множества путей и препятствий, которые встречаются нам на каждом шагу. Если для континентальной стратегии его ценность была полностью доказана, то для морской стратегии, где условия гораздо сложнее, потребность в нем еще больше.

Под морской стратегией мы подразумеваем принципы, управляющие войной, в которой море является существенным фактором. Военно-морская стратегия - это всего лишь та ее часть, которая определяет передвижения флота, когда морская стратегия определила, какую роль флот должен играть по отношению к действиям сухопутных войск; ибо едва ли нужно говорить, что почти невозможно, чтобы исход войны был решен только военно-морскими действиями. Без посторонней помощи военно-морское давление может сработать только в процессе истощения. Его последствия всегда должны быть медленными и настолько раздражающими как для нашего собственного коммерческого сообщества, так и для нейтральных стран, что всегда существует тенденция принимать условия мира, которые далеки от окончательных. Для принятия твердого решения требуется более быстрая и решительная форма давления. Поскольку люди живут на суше, а не на море, важные вопросы между воюющими нациями всегда решались — за исключением самых редких случаев — либо тем, что ваша армия может сделать против территории и национальной жизни вашего врага, либо страхом перед тем, что флот позволяет вашей армии делать.

Таким образом, первостепенной задачей морской стратегии является определение взаимоотношений вашей армии и флота в плане ведения войны. Когда это будет сделано, но не раньше, военно-морская стратегия может начать вырабатывать способ, с помощью которого флот сможет наилучшим образом выполнять возложенные на него функции.

Проблема такой координации - это проблема, которая допускает самые разные решения. Может случиться так, что командование на море имеет настолько важное значение, что армии придется посвятить себя оказанию помощи флоту в его особой задаче, прежде чем он сможет действовать непосредственно против территории и сухопутных войск противника; с другой стороны, может случиться так, что непосредственной обязанностью флота будет вести военные действия на берегу, прежде чем он сможет беззаветно посвятить себя уничтожению флотов противника. Грубые принципы относительно основных объектов, которые, по-видимому, достаточно хорошо служили в континентальной войне, никогда не работали так четко там, где море всерьез вступает в войну. В таких случаях недостаточно будет сказать, что основной целью армии является уничтожение армии противника, а флота - уничтожение флота противника. Тонкое взаимодействие факторов суши и моря создает условия, слишком сложные для таких

грубых решений. Даже исходные уравнения, которые они представляют, слишком сложны, чтобы их можно было свести к простому применению грубых максимумов. Правильное обращение с ними зависит от самых широких и фундаментальных принципов войны, и именно как точка зрения, позволяющая получить ясное и беспрепятственное представление о факторах в их истинных взаимоотношениях, теория войны имеет, пожалуй, наивысшую ценность.

Теория, которая сейчас господствует, заключается в том, что война в фундаментальном смысле является продолжением политики другими средствами. Процесс, с помощью которого континентальные стратеги пришли к этому, потребовал некоторых сложных философских рассуждений. Какими бы практичными и опытными ветеранами они ни были, их метод не из тех, которые легко сочетаются с нашей собственной привычкой мыслить. Поэтому было бы неплохо сначала попытаться представить их выводы в конкретной форме, которая сразу сделает суть вопроса понятной. Возьмем теперь обычный случай, когда военно-морского штаба просят подготовить план войны против определенного государства и сообщить, какие средства для этого потребуются. Для любого, кто рассматривал подобные вопросы, очевидно, что ответом должен быть другой вопрос — из-за чего будет война? Без определенного ответа или альтернативных ответов на этот вопрос персонал вряд ли может сделать больше, чем заниматься повышением эффективности тех сил, которые может позволить себе страна. Прежде чем они сделают какой-либо уверенный шаг дальше, они должны знать много вещей. Они должны знать, должны ли они что-то отобрать у врага или помешать ему отобрать что-то либо у нас, либо у какого-либо другого государства. Если от какого-либо другого государства, то меры, которые необходимо принять, будут зависеть от его географического положения и от его относительной силы на суше и на море. Даже когда цель ясна, необходимо будет знать, какое значение придает ей враг. Является ли это тем, за что он, скорее всего, будет бороться насмерть, или тем, от чего он откажется перед лицом сравнительно незначительного сопротивления? Если первое, то мы не можем надеяться на успех, не полностью сокрушив его силы сопротивления. Если последнее, то будет достаточно, как это часто бывало, стремиться к чему-то менее дорогостоящему и опасному и лучшему в пределах наших возможностей. Все эти вопросы лежат в компетенции министров, отвечающих за внешнюю политику страны, и прежде чем Штаб сможет приступить к разработке военного плана, на них должны ответить министры.

Короче говоря, сотрудники должны спросить их, какова политика, которую проводит ваша дипломатия, и где и почему вы ожидаете, что она сломается и вынудит вас взяться за оружие? Персонал должен фактически продолжать работу, когда дипломатия не привела к достижению поставленной цели, и метод, который они будут использовать, будет зависеть от характера этой цели. Таким образом, мы грубо приходим к нашей теории о том, что война - это продолжение политики, форма политического общения, в которой мы ведем сражения вместо того, чтобы писать заметки.

Именно эта теория, простая и даже бессмысленная, какой она кажется на первый взгляд, дала ключ к практической работе по разработке современного военного плана и произвела революцию в изучении стратегии. К такой теории пришли только в начале девятнадцатого века. На протяжении веков люди писали об "Военном искусстве", но из-за отсутствия рабочей теории их труды в целом были ненаучными, по большей части связанными с обсуждением преходящих тенденций и выработкой банальностей. Правда, над деталями было проделано много хорошей работы, но не было получено широкого обзора, который позволил бы нам определить их связь с фундаментальными константами предмета. Не было найдено никакой точки зрения, с которой

мы могли бы легко отделить такие константы от того, что было просто случайным. Результатом стала тенденция рассуждать, опираясь исключительно на новейшие примеры, и запутываться в ошибочных мыслях, пытаюсь применить методы, которые достигли последнего успеха, к войне в целом. Не существовало способа определить, в какой степени конкретный успех был обусловлен особыми условиями и в какой степени он был обусловлен факторами, общими для всех войн.

Именно революционные и Наполеоновские войны, совпавшие по времени с периодом философской деятельности, выявили поверхностность и эмпирический характер всего, что было сделано до того времени. Современникам Наполеона казалось, что методы Наполеона произвели настолько мощную революцию в ведении сухопутной войны, что она приобрела совершенно новый аспект, и было очевидно, что те концепции, которых было достаточно ранее, стали неадекватными в качестве основы для тщательного изучения. Война на суше, казалось, превратилась из рассчитанного столкновения постоянных армий в стремительный бросок одной нации с оружием в руках на другую, каждая из которых жаждала жизни другой и решила получить ее или погибнуть в этой попытке. Люди почувствовали, что столкнулись с проявлением человеческой энергии, которому не было аналогов, по крайней мере в цивилизованные времена.

Предположение было не совсем верным. Поскольку, хотя Континент никогда ранее не применял рассматриваемые методы, наша собственная страна не была новичком в них ни на море, ни на суше. Как мы увидим, наша собственная революция в семнадцатом веке породила жесткие методы ведения войны, которые были тесно связаны с теми, которые Наполеон перенял у лидеров французской революции. Более философский взгляд мог бы предположить, что это явление на самом деле не было исключительным, а скорее естественным результатом народной энергии, вдохновленной волнующим политическим идеалом. Но британский прецедент был забыт, и возмущение, вызванное новыми французскими методами, было настолько глубоким, что его последствия ощущаются нами до сих пор. На самом деле у нас все еще преобладает идея о том, что со времен наполеоновской эпохи война стала по существу другим делом. Наши учителя склонны настаивать на том, что сейчас есть только один способ ведения войны, и это путь Наполеона. Игнорируя тот факт, что в конце концов он потерпел неудачу, они клеймят как ересь простое предположение о том, что могут быть другие способы, и, не довольствуясь предположением, что его система подойдет для всех сухопутных войн, как бы сильно ни отличались их природа и цели, они будут принуждать к ведению морских войн в одной и той же униформе, очевидно, полагая, что таким образом они делают ее презентабельной и придают ей какую-то новую силу.

Видя, насколько тесной стала наполеоновская идея, будет удобно, прежде чем идти дальше, точно определить ее особые характеристики, но это непросто. В тот момент, когда мы подходим к этому в критическом духе, оно начинает становиться туманным и его очень трудно определить. Мы можем смутно различить четыре различные идеи, объединенные в текущее понятие. Во-первых, существует идея ведения войны не просто профессиональной постоянной армией, но всей вооруженной нацией — концепция, которая, конечно, на самом деле не принадлежала Наполеону. Она досталась ему в наследство от Революции, но на самом деле была намного старше. Это было всего лишь возрождение универсальной практики, сложившейся на варварских стадиях общественного развития и от которой каждая цивилизация, в свою очередь, отказалась как от экономически необоснованной и подрывающей гражданскую

специализацию. Результаты отказа были иногда хорошими, а иногда плохими, но определяющие условия были изучены еще слишком несовершенно, чтобы оправдать какое-либо широкое обобщение. Во—вторых, существует идея напряженных и настойчивых усилий — не останавливаться, чтобы получить каждое незначительное преимущество, но давить на врага без передышки, пока он не будет полностью разбит - идея, в которой Кромвель опередил Наполеона на полтора столетия. Едва ли отличима от этой третья идея — идея перехода в наступление, в котором на самом деле не было ничего нового, поскольку его преимущества всегда понимались, и Фридрих Великий довел его до крайности с немногим меньшей отвагой, чем сам Наполеон, — более того, даже с преступной опрометчивостью, как признают высшие выразители наполеоновской идеи. Наконец, существует идея сделать вооруженные силы противника, а не его территорию или какую-либо ее часть своей главной целью. Возможно, это считается самой сильной характеристикой методов Наполеона, и все же даже здесь нас сбивает с толку тот факт, что, несомненно, в некоторых очень важных случаях — например, в Аустерлицкой кампании — Наполеон ставил своей целью столицу противника, как будто считал ее оккупацию наиболее эффективным шагом на пути к свержению власти врага и его воли к сопротивлению. Он, конечно, не делал главную армию противника своей главной целью, поскольку их главной армией была не армия Мака, а армия эрцгерцога Карла.

Таким образом, в целом, когда люди говорят о наполеоновской системе, они, по—видимому, включают две группы идей: одна включает концепцию войны, в которой задействованы все силы нации; другая, группа, которая включает кромвелевскую идею постоянных усилий, предпочтение Фредериком наступления практически при любом риске и, наконец, идею вооруженных сил противника как главной цели, которая также принадлежала Кромвелю.

Нам говорят, что именно сочетание этих отнюдь не оригинальных и не очень отчетливых идей привело к столь радикальным изменениям в ведении войны, что она стала совершенно другим делом. Для нашей цели нет необходимости рассматривать, насколько факты, по-видимому, подтверждают такой вывод, поскольку по самой природе вещей он должен быть радикально необоснованным. Ни война, ни что-либо другое не может изменить сути дела. Если кажется, что это так, то это потому, что мы все еще ошибочно принимаем случайности за главное, и именно так это поражало самых проницательных мыслителей наполеоновских времен.

Какое-то время они, правда, были сбиты с толку, но как только у них появилось время прочистить головы от шума борьбы, в которой они принимали участие, они начали понимать, что новые явления, в конце концов, были всего лишь случайностями. Они поняли, что методы Наполеона, взявшего мир штурмом, увенчались успехом только в войнах определенного характера, и что-тогда он попытался распространить эти методы на другие виды войны, он потерпел неудачу и даже катастрофу. Как это можно было объяснить? Какая теория, например, могла бы охватить успехи Наполеона в Германии и Италии, а также его неудачи в Испании и России? Если бы изменилась вся концепция войны, как вы могли бы объяснить успех Англии, которая не изменила своих методов? Для нас ответ на эти вопросы имеет живое и бесконечно важное значение. Наша точка зрения по-прежнему остается неизменной. Присуще ли концепции войны что-либо, оправдывающее такое отношение в нашем случае? Вправе ли мы ожидать от нее такого же успеха, какого она добивалась в прошлом?

Первым человеком, сформулировавшим теорию, которая объясняла явления наполеоновской эпохи и согласовывала их с предыдущей историей, был генерал Карл фон Клаузевиц, человек, чья тяжелая служба в Штабе и фактическая работа в высших учебных заведениях научили необходимости систематизации изучения его профессии. Он был не простым профессором, а солдатом, воспитанным в самой суровой военной школе. Ученик и друг Шарнхорста и Гнейзенау, он служил в штабе Блюхера в 1813 году, был начальником штаба Вальмодена в его кампании против Даву на Нижней Эльбе, а также в Третьем прусском армейском корпусе в кампании 1815 года. После этого более десяти лет он был директором Общей военной академии в Берлине и умер в 1831 году в должности начальника штаба маршала Гнейзенау. В течение пятидесяти лет, последовавших за его смертью, его теории и система, как он и ожидал, подвергались нападкам со всех сторон. Однако сегодня его работы более прочно, чем когда-либо, утвердились как необходимая основа всей стратегической мысли, и прежде всего в немецкой школе "крови и железа".

Процесс, посредством которого он пришел к своей знаменитой теории, можно проследить в его классической работе *О войне* и в *заметках* об этом, которые он оставил после себя. В соответствии с философской модой своего времени он начал с попытки сформулировать абстрактную идею войны. Определение, с которого он начал, гласило, что "Война - это акт насилия, направленный на то, чтобы заставить нашего противника выполнять нашу волю". Но этот акт насилия был не просто "ударом армий", как определил его Монтекукколи полтора столетия назад. Если довести абстрактную идею войны до ее логического завершения, то акт насилия должен быть совершен всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами и с максимальным напряжением нашей воли. Следовательно, мы получаем концепцию двух вооруженных наций, бросающихся одна на другую и продолжающих борьбу с предельной силой и энергией, на которые они способны, до тех пор, пока та или иная из них больше не будет способна к сопротивлению. Клаузевиц назвал это "Абсолютной войной". Но его практический опыт и глубокое изучение истории сразу подсказали ему, что "Настоящая война" - это нечто радикально иное. Это было правдой, как он сказал, что методы Наполеона приблизились к абсолюту и придали некоторую окраску использованию абсолютной идеи в качестве рабочей теории. "Но должны ли мы, - резко спрашивает он, — удовлетвориться этой идеей и судить по ней обо всех войнах, как бы сильно они ни отличались от нее, должны ли мы вывести из нее все требования теории?" Мы должны решить этот вопрос, поскольку мы не можем сказать ничего достоверного о плане войны, пока не решим, должна ли война быть только такого рода или она может быть другого рода ". Он сразу понял, что теория, основанная на абстрактной или абсолютной идее войны, не охватит всех вопросов и, следовательно, не сможет дать того, что требуется для практических целей. Это исключило бы почти все войны со времен Александра до Наполеона. И где гарантия, что следующая война подтвердит наполеоновский тип и приспособится к абстрактной теории? "Эта теория, - говорит он, - все еще совершенно бессильна против силы обстоятельств". И это подтвердилось, поскольку войны середины девятнадцатого века действительно вернулись к донаполеоновскому типу.

Короче говоря, трудность Клаузевица в принятии своей абстрактной теории в качестве рабочего правила заключалась в том, что его практический ум не мог забыть, что война началась не с революционной эры и вряд ли ею закончится. Если бы та эпоха изменила ведение войны, следует предположить, что война снова изменилась бы в другие времена и при других условиях. Теория войны, которая не допускала этого и не охватывала всего, что было до этого, вообще не была теорией. Если теория войны должна быть хоть как-то полезна в качестве практического

руководства, она должна охватывать и объяснять не только крайние проявления враждебности, свидетелями которых он был сам, но и каждое проявление, которое имело место в прошлом или, вероятно, повторится в будущем.

Именно в поиске глубинных причин колебаний, проявляющихся в энергии и интенсивности враждебных отношений, он нашел свое решение. Его опыт работы в Штабе и изучение внутренних причин войны подсказали ему, что на самом деле это никогда не было вопросом чисто военных усилий, всегда направленных на крайность того, что было возможно или целесообразно с чисто военной точки зрения. Проявляемая энергия всегда будет изменяться политическими соображениями и глубиной национального интереса к объекту войны. Он видел, что настоящая война на самом деле была международными отношениями, которые отличались от других международных отношений только методом, который мы использовали для достижения цели нашей политики. Так он пришел к своей знаменитой теории: "война — это просто продолжение политики другими средствами".

На первый взгляд, в этом мало что есть. Возможно, может показаться, что мы наблюдали за рожавшей горой, а на свет появилась всего лишь мышь. Но только на такой простой, даже очевидной формуле может быть безопасно построена любая научная система. Нам нужно только развить смысл этого текста, чтобы увидеть, насколько важны и практичны исходящие из него руководящие линии.

Имея в виду концепцию войны как продолжения политических отношений, ясно, что все, что лежит за пределами политической концепции, то есть все, что исключительно характерно для военных и военно-морских операций, относится просто к средствам, которые мы используем для достижения нашей политики. Следовательно, первое пожелание военного плана состоит в том, чтобы используемые средства как можно меньше противоречили политическим условиям, из которых проистекает война. На практике, конечно, как и во всех человеческих отношениях, будет достигнут компромисс между средствами и целью, между политическими и военными потребностями. Но Клаузевиц считал, что политика всегда должна быть хозяином положения. Офицер, на которого возложено ведение войны, может, конечно, требовать, чтобы тенденции и взгляды политики не были несовместимы с военными средствами, которые предоставлены в его распоряжение; но как бы сильно это требование ни влияло на политику в конкретных случаях, военные действия все равно следует рассматривать только как проявление политики. Это никогда не должно подменять политику. Политика - это всегда цель; война - это только средство, с помощью которого мы достигаем цели, а средства всегда должны быть направлены на достижение цели.

Теперь станет ясна практическая важность этой концепции. Будет видно, что она обеспечивает логическое или теоретическое изложение того, с чего мы начали, в его чисто конкретной форме. Когда начальника штаба спрашивают о плане войны, он не должен говорить, что мы будем вести войну таким-то способом, потому что это был путь Наполеона или Мольтке. Он спросит, какова политическая цель войны, каковы политические условия и насколько значим рассматриваемый вопрос соответственно для нас и для нашего противника. Именно эти соображения определяют характер войны. Решив этот первичный вопрос, он сможет сказать, носит ли война тот же характер, что и те, в которых методы Наполеона и Мольтке были успешными, или же она другого характера, в которой эти методы потерпели неудачу. Затем он разработает и предложит план ведения войны не потому, что он имеет отличительный знак того

или иного великого мастера войны, а потому, что было доказано, что он подходит для данного вида войны. Предполагать, что один метод ведения войны подойдет для всех видов войн, значит пасть жертвой абстрактной теории, а не быть пророком реальности, как склонны видеть себя самые узкие последователи наполеоновской школы.

Следовательно, говорит Клаузевиц, первое, величайшее и важнейшее решение, при принятии которого Государственный деятель и генерал должны проявить свое суждение, - это определить природу войны, убедиться, что они не принимают ее за что-то другое и не пытаются сделать из нее что-то такое, чем в силу присущих ей условий она никогда не может быть. "Это, - заявляет он, - первый и наиболее далеко идущий из всех стратегических вопросов".

Таким образом, первая ценность его теории войны заключается в том, что она дает четкую линию, следуя которой мы можем продолжать определять характер войны, в которую мы собираемся вступить, и гарантировать, что мы не будем пытаться применить к одному характеру войны какой-либо конкретный ход операций просто потому, что они оказались успешными в войне другого характера. Он настаивает, что только рассматривая войну не как самостоятельную вещь, а как политический инструмент, мы можем правильно усвоить уроки истории и понять для нашего практического руководства, как войны должны отличаться по характеру в зависимости от природы мотивов и обстоятельств, из которых они происходят. Он утверждает, что эта концепция является первым лучом света, который приведет нас к истинной теории войны и тем самым позволит нам классифицировать войны и отличать их одну от другой.

Жоини, его великий современник и соперник, хотя и придерживается менее философского, но не менее ясного метода, полностью разделяет эту точку зрения. Швейцарский солдат удачи, его опыт был во многом таким же, как у Клаузевица. Она была получена в основном в штабе маршала Нея, а впоследствии и в штабе русского командования. Он не пришел к определенной теории войны, но его фундаментальные выводы были такими же. Первая глава его заключительной работы *"Краткое изложение военного искусства"* посвящена "Военной политике". В ней он классифицирует войны на девять категорий в соответствии с их политической целью и выдвигает в качестве базового предположение, "Что эти различные виды войн будут оказывать большее или меньшее влияние на характер операций, которые потребуются для достижения поставленной цели, на количество энергии, которая должна быть задействована, и на масштабы предприятий, в которых мы должны участвовать". "Будут, - добавляет он, - большие различия в операциях в зависимости от рисков, которым нам придется подвергнуться".

Таким образом, оба человека, хотя в деталях средств они часто расходились во мнениях, согласны в том, что фундаментальная концепция войны является политической. Оба, конечно, согласны с тем, что если мы мысленно вычленим силы, задействованные на любом театре военных действий, то вновь возникает абстрактная концепция. Что касается этих сил, то война - это вопрос боевых действий, в которых каждая воюющая сторона должна стремиться всеми имеющимися в ее распоряжении средствами и со всей своей энергией уничтожить другую. Но даже в этом случае они могут обнаружить, что определенные средства им недоступны по политическим причинам, и в любой момент ход войны или развитие политических условий, с которыми она связана, могут отбросить их назад, к фундаментальной политической теории.

Над этой теорией будет невыгодно работать дальше на данном этапе. Пока будет достаточно отметить, что это дает нам представление о войне как о применении насилия для достижения

политической цели, которую мы желаем достичь, и что из этой широкой и простой формулы мы можем сразу сделать вывод, что войны будут различаться в зависимости от характера цели и интенсивности нашего желания ее достичь. Здесь мы можем оставить его набирать силу и согласованность по мере изучения практических соображений, которые являются его непосредственным результатом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ХАРАКТЕР ВОЙН — НАСТУПАТЕЛЬНЫЙ И ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ

Определив, что войны должны различаться по характеру в соответствии с природой и важностью их объекта, мы сталкиваемся с трудностью, заключающейся в том, что вариаций будет бесконечное количество и все степени различия. Представленная градация действительно настолько сложна, что на первый взгляд кажется едва ли возможным сделать ее основой практического изучения. Но при дальнейшем рассмотрении будет видно, что при применении обычного аналитического метода весь предмет поддается значительному упрощению. Короче говоря, мы должны попытаться достичь какой-то системы классификации; то есть мы должны посмотреть, невозможно ли сгруппировать вариации по каким-то хорошо обоснованным категориям. С таким сложным и неосязаемым предметом группировка, конечно, должна быть до некоторой степени произвольной, и в некоторых местах демаркационные линии будут размытыми; но если классификация была признана возможной и полезной в зоологии или ботанике, с бесконечными и мельчайшими индивидуальными вариациями, с которыми им приходится иметь дело, она должна быть не менее возможной и полезной при изучении войны.

Политическая теория войны, во всяком случае, даст нам две широкие и четко обозначенные классификации. Первый прост и хорошо известен, в зависимости от того, является ли политическая цель войны положительной или отрицательной. Если она будет позитивной, то есть если наша цель состоит в том, чтобы вырвать что-то у врага, тогда наша война по своим основным направлениям будет наступательной. Если, с другой стороны, наша цель негативная, и мы просто стремимся помешать врагу получить какое-то преимущество в ущерб нам, тогда война в ее общем направлении будет оборонительной.

Эта классификация имеет ценность только в широком смысле. Хотя она и фиксирует общую тенденцию наших операций, сама по себе она не влияет на их характер. По крайней мере, для морской державы очевидно, что это должно быть так. Ибо ни при каких обстоятельствах для такой Державы невозможно ни установить свою оборону, ни полностью развить свое наступление, не обеспечив реального контроля над морем путем агрессивных действий против флотов противника. Более того, мы всегда обнаруживали, что какой бы строго оборонительной ни была наша цель, наиболее эффективным средством ее достижения было контрнаступление на море, либо для прямой поддержки союзника, либо для лишения нашего врага его

колониальных владений. Таким образом, ни одна из категорий не исключает использования наступательных операций или идеи свержения нашего врага настолько, насколько это необходимо для достижения нашей цели. Ни в том, ни в другом случае эта концепция не приводит нас в конечном счете к какой-либо другой цели, кроме вооруженных сил противника, и особенно его военно-морских сил. Единственное реальное различие заключается в том, что если наша цель положительна, наш общий план должен быть наступательным, и мы должны, по крайней мере, начать с настоящего наступательного движения; тогда как, если наша цель отрицательна, наш общий план будет превентивным, и мы можем выждать время для нашей контратаки. В этой степени наши действия всегда должны быть направлены на наступление. Ибо контратака - это душа обороны. Защита - это не пассивная позиция, поскольку это отрицание войны. При правильном понимании это позиция бдительного ожидания. Мы ждем момента, когда противник подставит себя под контрудар, успех которого настолько покалечит его, что сделает нас достаточно сильными, чтобы самим перейти в наступление.

Из этих соображений следует, что какой бы реальной и логичной ни была классификация, присвоение ей обозначения "наступательная и оборонительная" является нежелательным со всех точек зрения. Начнем с того, что в нем не подчеркивается, в чем заключается реальное и логическое различие. Это наводит на мысль, что в основе классификации лежит не столько различие в объекте, сколько различие в средствах, используемых для достижения цели. Следовательно, мы постоянно боремся с ложным предположением, что позитивная война означает использование нападения, а негативная война довольствуется обороной.

Это достаточно сбивает с толку, но второе возражение против такого обозначения гораздо более серьезное и более чревато ошибками. Ибо классификация "наступательный и оборонительный" подразумевает, что наступательный и оборонительный являются взаимоисключающими идеями, тогда как истина заключается в том, и это фундаментальная истина войны, что они взаимно дополняют друг друга. Любая война и все ее формы должны быть как наступательными, так и оборонительными. Независимо от того, насколько ясна наша позитивная цель или насколько высок наш наступательный дух, мы не можем в полной мере развить агрессивную линию стратегии без поддержки обороны на всех направлениях, кроме основных. В тактике то же самое. Самый убежденный приверженец нападения признает лопату так же, как и винтовку. И даже когда дело доходит до людей и материальных средств, мы знаем, что без определенной защиты ни корабли, ни орудия, ни люди не могут развить свою максимальную энергию и выносливость в плане ударной мощи. На самом деле никогда не бывает однозначного выбора между атакой и защитой. В агрессивных операциях вопрос всегда заключается в том, насколько далеко защита должна входить в методы, которые мы используем, чтобы позволить нам сделать все возможное в пределах наших ресурсов, чтобы сломить или парализовать силы противника. То же самое и с обороной. Даже при самом законном использовании он всегда должен быть дополнен атакой. Даже за стенами крепости люди знают, что рано или поздно крепость должна пасть, если только контратакой по осадным сооружениям или коммуникациям противника они не смогут подорвать его атакующую мощь.

Поэтому, по-видимому, было бы лучше вообще отказаться от обозначения "наступательный и оборонительный" и заменить его терминами "позитивный и негативный". Но здесь мы снова сталкиваемся с трудностью. Было много войн, в которых на протяжении всего времени использовались позитивные методы для достижения негативного результата, и такие войны нелегко отнести ни к одному классу. Например, в Войне за испанское наследство нашей целью

было главным образом предотвратить превращение Средиземного моря во французское озеро союзом французской и испанской корон, но метод, с помощью которого нам удалось достичь нашей цели, заключался в захвате военно-морских позиций Гибралтара и Менорки, и поэтому на практике наш метод оказался положительным. Опять же, в конце русско-японской войны главной целью Японии было предотвратить поглощение Кореи Россией. Эта цель была превентивной и негативной. Но единственным эффективным способом достижения ее цели было захватить саму Корею, и поэтому для нее война на практике была позитивной.

С другой стороны, мы не можем закрывать глаза на тот факт, что в большинстве войн сторона, преследующая позитивную цель, действовала, как правило, в наступлении, а другая сторона, как правило, в обороне. Следовательно, каким бы непрактичным ни казалось это различие, от него невозможно отказаться, не задаваясь вопросом, почему это было так, и именно в этом исследовании будут обнаружены практические результаты классификации — то есть это заставляет нас анализировать сравнительные преимущества нападения и защиты. Четкое представление об их относительных возможностях является краеугольным камнем стратегического изучения.

Теперь преимущества наступления очевидны и признаны. Только наступление может привести к положительным результатам, в то время как сила и энергия, порождаемые моральным стимулированием атаки, имеют практическую ценность, которая перевешивает почти все остальные соображения. Каждый сильный духом человек пожелал бы перейти в наступление, независимо от того, была ли его цель положительной или отрицательной, и все же есть ряд случаев, когда некоторые из самых энергичных мастеров войны выбирали оборону, и делали это с успехом. Они выбрали его, когда обнаружили, что уступают в физической силе своему врагу, и когда поверили, что никакой агрессивный дух не сможет исправить эту неполноценность.

Очевидно, что при всей неполноценности обороны как радикальной формы войны она должна обладать каким-то неотъемлемым преимуществом, которого нет у наступления. На войне мы применяем все методы, для которых у нас достаточно сил. Если, таким образом, мы применяем менее желательный метод защиты, то это должно быть связано либо с тем, что у нас недостаточно сил для нападения, либо с тем, что защита придает нам какие-то особые силы для достижения нашей цели.

Что же тогда представляют собой эти элементы силы? Крайне необходимо выяснить это не только для того, чтобы мы могли знать, что, если на какое-то время мы будем вынуждены вернуться к обороне, не все потеряно, но и для того, чтобы мы могли судить, с какой отвагой мы должны продолжать наше наступление, чтобы помешать врагу воспользоваться преимуществами обороны.

В качестве общего принципа мы все знаем, что владение - это девять пунктов закона. Легче держать деньги в своем кармане, чем брать их у другого человека. Если один человек хочет ограбить другого, он должен быть сильнее или лучше вооружен, если только он не может сделать это ловкостью или хитростью, и в этом заключается одно из преимуществ преступления. Сторона, которая проявляет инициативу, обычно имеет больше шансов обеспечить себе преимущество за счет ловкости или скрытности. Но это не всегда так. Если на суше или на море мы сможем занять оборонительную позицию настолько хорошую, что ее нельзя будет обойти и она должна быть разрушена до того, как наш враг достигнет своей цели,

тогда преимущество ловкости и скрытности переходит к нам. Мы сами выбираем почву для испытания силы. Мы прячемся на знакомой земле; он обнажен на менее знакомой. Мы можем расставлять ловушки и готовить сюрпризы, контратакуя, когда он наиболее уязвим. Отсюда парадоксальная доктрина о том, что там, где защита надежна и хорошо продумана, преимущество внезапности перевешивает нападение.

Таким образом, будет видно, что какие бы преимущества ни заключались в обороне, они зависят от сохранения наступательного духа. Его суть заключается в контратаке — сознательном ожидании возможности нанести удар, а не в бездействии. Защита — это условие сдержанной активности, а не просто состояние покоя. Его настоящая слабость заключается в том, что при чрезмерном затягивании он имеет тенденцию приглушать дух обиды. Это настолько важная истина, что некоторые власти в своем стремлении обеспечить ее соблюдение извратили ее, превратив в вводную в заблуждение сентенцию: "Нападение - лучшая защита". Отсюда снова дилетантское представление о том, что оборона всегда глупа или малодушна, всегда ведет к поражению, и что то, что называется "военным духом", означает не что иное, как переход в наступление. Нет ничего более далекого от учения или практики лучших мастеров. Подобно Веллингтону при Торрес-Ведрасе, все они время от времени использовали оборону, пока элементы силы, присущие этой форме ведения войны, в противоположность изматывающему напряжению, присущему форме, которую они навязали своим противникам, не подняли их до положения, когда они, в свою очередь, были относительно достаточно сильны, чтобы использовать более изматывающую форму.

Путаница в мышлении, которая привела к неправильным представлениям об обороне как методе ведения войны, обусловлена несколькими очевидными причинами. Контратаки из общей оборонительной позиции рассматривались как настоящее наступление, как, например, в наиболее известных операциях Фридриха Великого, или в блестящем контрударе адмирала Тегетгофа при Лиссе, или в наших собственных операциях против испанской армады. Опять же, оборона приобрела дурную славу из-за того, что ее путали с ошибочно остановленным наступлением, когда у превосходящей Силы с позитивной целью не хватало духа использовать свое материальное превосходство с достаточной активностью и настойчивостью. Против такой Силы слабый враг всегда может исправить свою неполноценность, перейдя в смелое и быстрое наступление, приобретая таким образом импульс как моральный, так и физический, который с лихвой компенсирует его недостаток веса. Оборона также потерпела неудачу из-за выбора плохой позиции, которую противник смог обойти. Оборонительная позиция вообще ничего не значит, ее элементы силы полностью исчезают, если только она не такова, что противник должен сломить ее силой, прежде чем он сможет достичь своей конечной цели. Еще чаще она терпит неудачу, когда воюющая сторона, применяющая ее, обнаруживая, что у нее нет доступной оборонительной позиции, которая преградила бы продвижение противника, пытается защитить все возможные направления атаки. В результате, конечно, ослабляя свою силу, он только подчеркивает свою неполноценность.

Какими бы ясными и хорошо доказанными ни были эти соображения для ведения сухопутной войны, их применение к морю не столь очевидно. Будут возражены, что на море нет защиты. Это в целом верно для тактики, но даже в этом случае не универсально. Оборонительные тактические позиции возможны на море, например, на защищенных якорных стоянках. Они всегда были реальностью, и мины увеличили их возможности. В последних событиях военно-морской войны мы видели, как японцы на островах Эллиот готовили настоящую

оборонительную позицию для прикрытия высадки своей Второй армии на полуострове Ляотун. Стратегически это утверждение совершенно неверно. Стратегическая оборона была столь же распространена на море, как и на суше, и наши собственные самые серьезные проблемы часто заключались в том, как сломить такую позицию, когда ее занял наш противник. Обычно это означало, что противник оставался в своих водах и вблизи своих баз, где для нас было почти невозможно атаковать его с решающим результатом, и откуда он всегда угрожал нам контратакой в моменты истощения, как это делали голландцы в Соле-Бэй и на Медузе. Трудность решительного боя с противником, избравшим такой курс, была осознана нашей службой очень рано, и с начала и до конца одной из наших главных забот было помешать врагу воспользоваться этим приемом и вынудить его сражаться в открытую или, по крайней мере, встать между ним и его базой и навязать бой там.

Вероятно, наиболее замечательное проявление преимуществ, которые могут быть получены в подходящих условиях от стратегической обороны, также можно найти в конце русско-японской войны. В заключительном кризисе морской борьбы японский флот смог воспользоваться оборонительной позицией в своих собственных водах, которую русскому Балтийскому флоту пришлось бы разрушить, чтобы достичь своей цели, и результатом стала самая решающая морская победа, когда-либо зафиксированная.

Сдерживающая сила активных и ловких операций с такой позиции была хорошо известна нашей старой традиции. Это устройство использовалось несколько раз, особенно в наших родных водах, чтобы помешать флоту, который в то время мы были на месте слишком слабы, чтобы уничтожить, выполнять порученную ему работу. Типичная позиция такого рода находилась у Силли, и снова и снова доказывалось, что даже превосходящий флот не может надеяться на какие-либо действия в Ла-Манше, пока флот у Силли не будет приведен к решительным действиям. Но суть устройства заключалась в сохранении агрессивного духа в его самой дерзкой форме. Успех зависел, по крайней мере, от желания использовать любую возможность для смелых и изматывающих контратак, подобных той, которую Дрейк и его коллеги нанесли Армаде.

Подчиниться блокаде, чтобы привлечь внимание превосходящего флота противника, - это еще одна форма защиты, но она почти полностью порочна. На короткое время это может принести пользу, разрешив наступательные операции в других местах, которые в противном случае были бы невозможны. Но если это затянется, то рано или поздно разрушит дух вашего отряда и сделает его неспособным к эффективной агрессии.

Таким образом, вывод состоит в том, что, хотя для практических целей разработки или оценки планов войны классификация войн на наступательные и оборонительные малопригодна, необходимо четкое понимание неотъемлемых относительных преимуществ наступления и обороны. Мы должны понимать, что в определенных случаях, при условии, что мы всегда сохраняем агрессивный дух, оборона позволит уступающим силам достигать очков, когда наступление, вероятно, привело бы к их уничтожению. Но элементы силы полностью зависят от воли и проницательности, позволяющих наносить быстрые удары в моменты незащищенности противника. Как только оборона перестает рассматриваться как средство усиления силы для нанесения удара и уменьшения силы атаки противника, она теряет всю свою силу. Это перестает быть даже приостановленной деятельностью, а все, что не является деятельностью, не является войной.

С этими общими указаниями на относительные преимущества нападения и защиты мы можем пока оставить эту тему. Конечно, можно составить каталог преимуществ и недостатков каждой формы, но любое такое голословное утверждение — без конкретных примеров, объясняющих значение, — всегда должно казаться противоречивым и может ввести в заблуждение. Лучше приберечь их более полное рассмотрение до тех пор, пока мы не перейдем к стратегическим операциям и не сможем отметить их фактическое влияние на ведение войны в ее различных формах. Таким образом, оставляя нашу первую классификацию войн на наступательную и оборонительную, мы перейдем ко второй, которая является единственной, имеющей реальное практическое значение.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРИРОДА ВОЙН — ОГРАНИЧЕННАЯ И НЕОГРАНИЧЕННАЯ

Вторая классификация, к которой нас подводит политическая теория войны, - это классификация, которую Клаузевиц сформулировал первым и которой он стал придавать первостепенное значение. Следовательно, возникает необходимость изучить его взгляды несколько подробнее — не потому, что есть какая-либо необходимость рассматривать континентального солдата, каким бы выдающимся он ни был, как незаменимого представителя морской державы. Причина как раз в обратном. Это потому, что тщательное изучение его доктрины по этому вопросу откроет, в чем заключаются радикальные и существенные различия между немецкой или континентальной школой стратегии и британской или Морской школой - то есть нашей собственной традиционной школой, которую слишком многие авторы как дома, так и за рубежом спокойно считают несуществующей. Нельзя слишком подчеркивать пагубную тенденцию этого предположения, и главная цель этой и следующих глав будет состоять в том, чтобы показать, как и почему даже величайшим из континентальных стратегов не удалось полностью реализовать характерную концепцию британской традиции.

В соответствии с рассматриваемой классификацией Клаузевиц подразделял войны на войны с "Ограниченной" целью и те, цель которых была "Неограниченной". Такая классификация была полностью характерна для него, поскольку основывалась не только на материальной природе объекта, но и на определенных моральных соображениях, которым он первым придал их реальную ценность на войне. Другие авторы, такие как Жомини, пытались классифицировать войны по особой цели, ради которой они велись, но длительный курс изучения Клаузевица убедил его, что такое разграничение нефилософично и не имеет справедливого отношения к какой-либо разумной теории войны. То есть, была ли война позитивной или негативной, имело большое значение, но ее особая цель, была ли, например, согласно системе Жомини, это война "за утверждение прав", или "за помощь союзнику", или "за приобретение территории", не имела никакого значения.

Какой бы ни была цель, жизненно важным и первостепенным вопросом была интенсивность, с которой дух нации был поглощен ее достижением. Реальный момент, который необходимо определить при разработке любого плана войны, заключался в том, что этот объект значил для двух воюющих сторон, на какие жертвы они готовы были пойти ради этого, на какой риск они были готовы пойти? Так он изложил свою точку зрения. "Чем меньших жертв мы требуем от нашего противника, тем меньшими предположительно будут средства сопротивления, которые он будет использовать, и чем меньше его средств, тем меньшими должны быть наши. Точно так же, чем меньше наша политическая цель, тем меньшую ценность мы будем придавать ей и тем легче нас заставят отказаться от нее ". Таким образом, политическая цель войны, ее первоначальный мотив, не только взаимно определяет для обеих воюющих сторон цель применяемой ими силы, но и будет мерилем интенсивности усилий, которые они будут прилагать. Таким образом, он приходит к выводу, что могут вестись войны любой степени важности и энергии, от войны на уничтожение до использования армии наблюдения. Точно так же и в военно-морской сфере может идти борьба не на жизнь, а на смерть за господство на море или военные действия, которые никогда не выходят за рамки блокады.

Такой взгляд на предмет, конечно, сильно отличался от теории "Абсолютной войны", над которой начал работать Клаузевиц. Согласно этой теории, "Абсолютная война" была идеальной формой, которой должна была достичь любая война, а те, которые не соответствовали ей, были несовершенными войнами, стесненными отсутствием истинного военного духа. Но как только он осознал тот факт, что в реальной жизни моральный фактор всегда должен преобладать над чисто военным фактором, он увидел, что работал на слишком узкой основе — основе чисто теоретической, поскольку она игнорировала человеческий фактор. Он начал понимать, что логически необоснованно предполагать в качестве основы стратегической системы, что существует единый образец, которому должны соответствовать все войны. В свете своего полного и окончательного понимания ценности человеческого фактора он увидел, что войны делятся на две четко обозначенные категории, к каждой из которых законно подходить радикально по-разному и не обязательно в русле "Абсолютной войны".

Он видел, что существует один вид войны, в котором политическая цель имеет настолько важное значение для обеих воюющих сторон, что они будут стремиться сражаться на пределе своей выносливости, чтобы добиться ее достижения. Но был и другой класс, где объект был менее важен, то есть где его ценность для одной или обеих воюющих сторон была не настолько велика, чтобы стоить неограниченных жертв крови и сокровищ. Именно эти два вида войны он условно обозначил как "Неограниченные" и "Ограниченные", под которыми он подразумевал не то, что вы не должны применять применяемые силы со всей энергией, которую вы можете развить, но то, что может существовать предел, за которым было бы плохой политикой расходовать эту энергию, точка, в которой задолго до того, как ваши силы будут исчерпаны или даже полностью развернуты, было бы разумнее отказаться от вашей цели, а не тратить на нее больше.

Это различие крайне необходимо понимать совершенно ясно, поскольку его часто поверхностно путают с уже упомянутым различием, которое Клаузевиц провел в предыдущей части своей работы, то есть с различием между тем, что он называл характером современной войны, и характером войн, предшествовавших наполеоновской эпохе. Следует помнить, что он настаивал на том, что войны его времени были войнами между вооруженными нациями с тенденцией бросать в бой всю мощь нации, тогда как в семнадцатом и восемнадцатом веках

войны велись постоянными армиями, а не всей нацией с оружием в руках. Это различие, конечно, реально и имеет далеко идущие последствия, но оно не имеет никакого отношения к различию между "Ограниченной" и "Неограниченной" войной. Война с наполеоновской системой может вестись как с ограниченной, так и с неограниченной целью.

Современный экземпляр послужит для расчистки поля. Недавняя русско-японская война велась с ограниченной целью — предъявлением определенных претензий на территорию, которая не входила во владения ни одной из воюющих сторон. Военные действия велись по совершенно современным линиям двумя вооруженными нациями, а не только постоянными армиями. Но в случае с одной воюющей стороной ее интерес к объекту был настолько ограничен, что заставил ее отказаться от него задолго до того, как все ее силы как вооруженной нации были исчерпаны или даже выдвинуты вперед. Затраты на жизнь и сокровища, связанные с этой борьбой, были выше того, чего стоил этот объект.

Это второе различие, то есть различие между ограниченными и неограниченными войнами, Клаузевиц считал более важным, чем его предыдущее различие, основанное на негативной или позитивной природе объекта. Он долго шел к этому. Его великая работа *О войне* в том виде, в каком он ее оставил, почти полностью основана на концепции наступления или обороны применительно к наполеоновскому идеалу абсолютной войны. Новая идея пришла к нему ближе к концу, когда он достиг полной зрелости в своем длительном исследовании, и она пришла к нему, когда он пытался применить свои стратегические рассуждения к практическому процессу разработки плана войны в ожидании угрозы разрыва с Францией. Только в своем последнем разделе, *посвященном военным планам*, он начал разбираться с этим. К тому времени он понял первый практический результат, к которому привела его теория. Он видел, что различие между ограниченной и Неограниченной войной подразумевает кардинальное различие в методах ее ведения. Когда цель была неограниченной и, следовательно, требовала задействования всей военной мощи вашего врага, было очевидно, что никакое твердое решение о борьбе не может быть принято до тех пор, пока его военная мощь не будет полностью сокрушена. Если у вас не было разумной надежды на то, что вы сможете это сделать, было плохой политикой добиваться своего силой — то есть вам не следовало вступать в войну. Однако в случае с ограниченным объектом полное уничтожение вооруженных сил противника выходило за рамки того, что было необходимо. Очевидно, что вы могли бы достичь своей цели, если бы смогли захватить объект, и, используя элементы силы, присущие обороне, могли бы создать такую ситуацию, при которой противнику выгнать вас обошлось бы дороже, чем сам объект стоил для него.

Тогда в фундаментальном постулате вашего военного плана было большое различие. В случае неограниченной войны ваше главное стратегическое наступление должно быть направлено против вооруженных сил противника; в случае ограниченной войны, даже если ее цель была позитивной, в этом нет необходимости. Если бы условия были благоприятными, этого было бы достаточно, чтобы сделать сам объект целью вашего главного стратегического наступления. Очевидно, что тогда он достиг теоретического различия, которое изменило всю его концепцию стратегии. Логически больше не существует ничего, кроме одного вида войны, Абсолютной, и больше нет ничего, кроме одной законной цели - вооруженных сил противника. Будучи здоровой теорией, она, конечно, имела непосредственную практическую ценность, поскольку, очевидно, это было различие, от которого должна была отталкиваться фактическая работа по разработке плана войны.

Любопытным подтверждением обоснованности этих взглядов является то, что Жомини пришел к почти идентичной точке зрения независимо и совершенно другим путем. Его метод был строго конкретным, основанным на сравнении наблюдаемых фактов, но он так же верно, как и абстрактный метод его соперника, привел его к выводу, что существуют два различных класса объектов. "Они бывают двух разных видов, - говорит он, - один из которых можно назвать территориальным или географическим ... другой, напротив, состоит исключительно в уничтожении или дезорганизации сил противника, не заботясь о каких-либо географических пунктах". Именно в рамках первой категории его первой основной классификации "Наступательных войн с целью отстаивания прав" он имеет дело с тем, что Клаузевиц назвал бы "Ограниченными войнами". Приводя в качестве примера войну Фридриха Великого за завоевание Силезии, он говорит: "В такой войне ... наступательные операции должны быть пропорциональны поставленной цели. Первым шагом, естественно, является оккупация заявленных провинций" (следует отметить, не для того, чтобы направлять свой удар по основным силам противника). "После этого, - продолжает он, - вы можете продолжить наступление в соответствии с обстоятельствами и вашими относительными силами, чтобы добиться желаемой уступки, угрожая врагу дома". Здесь мы имеем всю доктрину Клаузевица об "ограниченной войне"; во-первых, первичную, или территориальную стадию, на которой вы пытаетесь оккупировать географический объект, а затем вторичную, или стадию принуждения, на которой вы стремитесь, оказывая общее давление на своего врага, заставить его принять созданную вами неблагоприятную ситуацию.

Очевидно, что такой метод ведения войны фундаментальным образом отличается от того, который обычно применял Наполеон, и все же у нас он представлен Жомини и Клаузевицем, двумя апостолами наполеоновского метода. Объяснение, конечно, в том, что они оба слишком много повидали, чтобы не знать, что метод Наполеона применим только тогда, когда вы можете добиться реального физического или морального перевеса. Учитывая такой перевес, оба были твердо настроены на использование крайних средств в манере Наполеона. Они восхваляют низший путь не как нечто лучшее, чем высший, но, будучи опытными штабными офицерами, а не просто теоретиками, они хорошо знали, что воюющая сторона иногда должна находить высший путь за пределами своих сил или за пределами усилий, которые дух нации готов приложить для достижения поставленной цели, и, как практичные люди, которыми они были, они поставили перед собой задачу изучить возможности низшего пути, если суровая необходимость вынудит их пойти по нему. Они обнаружили, что эти возможности при определенных обстоятельствах были велики. В качестве примера случая, когда более подходящей была младшая форма, Жомини приводит кампанию Наполеона против России в 1812 году. По его мнению, было бы лучше, если бы Наполеон удовлетворился более простым методом с ограниченной территориальной целью, и он приписывает свою неудачу злоупотреблению методом, который, как бы хорошо ни подходил для его войн в Германии, был неспособен добиться успеха в условиях войны с Россией.

Учитывая, насколько высокого мнения был Наполеон о Жомини как о мастере военной науки, любопытно, что его взгляды на две природы войн игнорируются в наши дни. В случае с Клаузевицем это еще более любопытно, поскольку мы знаем, что в расцвете своих сил он стал рассматривать эту классификацию как главный ключ к предмету. Объяснение заключается в том, что это различие не очень четко сформулировано в его первых семи книгах, которые единственные он оставил в сколько-нибудь законченном виде. Только когда он приступил к написанию своей восьмой книги *О военных планах*, он осознал жизненно важную важность

различия, вокруг которого он витал. В этой книге четко проводится различие, но, к сожалению, книга так и не была завершена. Однако вместе со своей рукописью он оставил "Записку", предостерегающую нас от того, чтобы рассматривать его более ранние книги как полное изложение его развитых идей. Из примечания также очевидно, что он считал классификацию, на которую он обратил внимание, чрезвычайно важной, что он верил, что она прояснит все трудности, с которыми он столкнулся в своих более ранних книгах, — трудности, которые, как он пришел к пониманию, возникли из-за слишком исключительного рассмотрения наполеоновского метода ведения войны. "Я рассматриваю первые шесть книг, - писал он в 1827 году, - всего лишь как массу материала, который все еще в некотором роде бесформенен и который еще предстоит переработать. В этом пересмотре два вида войн будут более отчетливо представлены на всем протяжении, и, таким образом, все идеи приобретут ясность, точность и безошибочность применения". Очевидно, его перестала удовлетворять теория Абсолютной войны, с которой он начинал. Его новое открытие убедило его, что эта теория не будет служить стандартом для всех видов войн. "Должны ли мы, - спрашивает он в своей последней книге, - должны ли мы теперь удовлетвориться этой идеей и по ней судить обо всех войнах, как бы сильно они ни отличались?"² Он отвечает на свой вопрос отрицательно. "Вы не можете определить требования ко всем войнам наполеоновского типа. Держите этот тип и его абсолютный метод перед собой, чтобы использовать, *когда вы сможете* или *когда вы должны*, но в равной степени помните, что есть две основные природы войны".

В своей записке, написанной в то время, когда до него впервые дошло различие, он определяет эти две природы войны следующим образом: "Во-первых, те, целью которых является *свержение врага*, независимо от того, стремимся ли мы к его политическому уничтожению или просто к его разоружению и принуждению к заключению мира на наших условиях; и, во-вторых, те, в которых нашей целью является *просто совершить некоторые завоевания на границах его страны*, либо с целью их постоянного удержания, либо для привлечения их к ответственности в обмен на урегулирование условий войны". мир".³ Именно в своей восьмой книге он намеревался, будь он жив, развить задуманную им всеобъемлющую идею. Об этой книге он говорит: "Главной целью будет утверждение двух вышеупомянутых точек зрения, благодаря которым все упростится и в то же время получит дыхание жизни. Я надеюсь в этой книге разглядеть многие складки в головах стратегов и государственных деятелей и, по крайней мере, показать цель действий и реальный смысл, который следует учитывать на войне".⁴

Эта надежда так и не была реализована, и, возможно, именно поэтому его проницательный анализ так часто игнорировался. Восьмая книга в том виде, в каком она у нас есть, - всего лишь фрагмент. Весной 1830 года — в тревожный момент, когда казалось, что Пруссии потребуются все ее силы для новой борьбы в одиночку с Францией, — он был отозван для активного командования. То, что он оставил от книги о "Военных планах", он описывает как "просто дорожку, грубо расчищенную, так сказать, в массе, чтобы определить наиболее важные моменты". По его словам, его намерением было "перенести дух этих идей в свои первые шесть книг" — фактически, увенчать свою работу, развивая и настаивая на двух своих великих положениях, а именно: что война - это форма политики, и поэтому она может быть Ограниченной или Неограниченной.

Насколько он внедрил бы свою новую идею в целое, каждый волен судить сам; но этот неоспоримый факт остается. Зимой, ввиду угрожающего отношения Франции к Бельгии, он

разработал план войны, и он был основан не на наполеоновском методе превращения вооруженных сил противника в главную стратегическую цель, а на захвате ограниченного территориального объекта и принуждении французов к невыгодному контрнаступлению. Революционное движение по всей Европе разорвало Священный союз на части. Пруссия не только оказалась практически в одиночку против Франции, но и сама была подорвана революцией. Принять высшую форму войны и стремиться уничтожить вооруженные силы врага было выше ее сил. Но она все еще могла использовать низшую форму, и, захватив Бельгию, она могла сама навязать Франции столь изнуряющую задачу, что успех был вполне в ее силах. Именно так мы пытались начать Семилетнюю войну; и именно так японцы успешно вели свою войну с Россией; и что еще более поразительно, именно по тому же принципу в 1859 году Мольтке при аналогичных обстоятельствах разработал свой первый план войны против Франции. Его идея в то время заключалась в том, что линии, которых придерживался Жomini, должны были принадлежать Наполеону в 1812 году. Цель заключалась не в том, чтобы нанести прямой удар по Парижу или основным силам французской армии, а в том, чтобы оккупировать Эльзас-Лотарингию и удерживать эту территорию до тех пор, пока изменившиеся условия не дадут ему необходимый перевес для перехода к более высокой форме или принуждения к благоприятному миру.

Итак, в заключение мы должны отметить, что зрелым плодом наполеоновского периода была теория войны, основанная не на единой абсолютной идее, а на двойственном различии Ограниченного и Неограниченного. Какое бы практическое значение мы ни придавали этому различию, столь же многое следует признать в ясных и решительных заявлениях Клаузевица и Жomini. Практическое значение - это другой вопрос. Справедливо можно утверждать, что в континентальной войне — несмотря на примеры, приводимые обоими классическими авторами, — она не очень велика по причинам, которые будут выяснены непосредственно. Но следует помнить, что континентальная война - не единственная форма, в которой решаются важные международные вопросы. Стоя на заключительном этапе, которого достигли Клаузевиц и Жomini, мы действительно находимся только на пороге темы. Мы должны начать с того, на чем они остановились, и выяснить, что их идеи могут сказать о современных условиях имперских государств по всему миру, где море становится прямым и жизненно важным фактором.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОГРАНИЧЕННАЯ ВОЙНА И МОРСКИЕ ИМПЕРИИ —

Развитие теории ограниченного территориального объекта Клаузевица и Жomini и ее применение к современным имперским условиям

Уже упомянутые военные планы Германии, которые основывались соответственно на оккупации Бельгии и Эльзас-Лотарингии, и замечания Жomini о катастрофической русской кампании

Наполеона хорошо показывают, до какой точки продвинулись континентальные стратеги по пути, который первым четко указал Клаузевиц. Теперь мы должны рассмотреть его применение к современным имперским условиям, и прежде всего там, где морская стихия насильственно заявляет о себе. Затем мы увидим, насколько незначительным был этот прогресс по сравнению с его далеко идущими последствиями для морской и, прежде всего, островной державы.

Ясно, что сам Клаузевиц никогда не осознавал всего значения своей блестящей теории. Его мировоззрение все еще было чисто континентальным, а ограничения континентальной войны, как правило, затушевывают более полное значение сформулированного им принципа. Если бы он был жив, нет никаких сомнений, что он довел бы это до логического завершения, но его смерть обрекла его теорию ограниченной войны оставаться в том зачаточном состоянии, в котором он ее оставил.

Следует заметить, что это было достаточно естественно, что на протяжении всей своей работы Клаузевиц имел в виду войну между двумя смежными или, по крайней мере, смежными континентальными государствами, и минутное рассмотрение покажет, что в такого рода войнах принцип ограниченной цели редко, если вообще когда-либо, может проявляться с совершенной точностью. Сам Клаузевиц выразил это совершенно ясно. Предполагая случай, когда "свержение врага", то есть неограниченная война, выше наших сил, он указывает, что поэтому нам не обязательно действовать в обороне. Наши действия все еще могут быть позитивными и наступательными, но целью может быть не что иное, как "завоевание части страны противника". Он знал, что такое завоевание может настолько ослабить вашего врага или укрепить ваши собственные позиции, что позволит вам обеспечить удовлетворительный мир. Путь истории действительно усеян подобными случаями. Но он был осторожен, указывая на то, что такая форма войны вызывает самые серьезные возражения. Как только вы оккупировали территорию, на которую нацелились, ваши наступательные действия, как правило, приостанавливались. Необходимо было занять оборонительную позицию, и такое прекращение наступательных действий, которое он продемонстрировал ранее, было по сути порочным, хотя бы по моральным соображениям. Вдобавок к этому вы могли бы обнаружить, что в ваших попытках занять территориальный объект вы настолько безвозвратно отделили свои ударные силы от сил внутренней обороны, что оказались бы не в состоянии встретить своего врага, если бы он был в состоянии ответить, действуя на неограниченных направлениях, ударом в ваше сердце. Показательным примером была кампания при Аустерлице, где целью Австрии было вырвать Северную Италию из рук империи Наполеона. Она послала свою основную армию под командованием эрцгерцога Карла захватить желаемую территорию. Наполеон немедленно нанес удар по Вене, уничтожил ее армию крайовой и занял столицу прежде, чем эрцгерцог успел преградить ему путь.

Аргумент таков: поскольку любая стратегическая атака имеет тенденцию оставлять ваши собственные точки неприкрытыми, она всегда предполагает большее или меньшее обеспечение их защиты. Следовательно, очевидно, что если мы нацеливаемся на ограниченный территориальный объект, то требуемая доля обороны будет, как правило, намного больше, чем если бы мы направляли наше наступление на основные силы противника. В неограниченной войне наша атака сама по себе будет иметь тенденцию защищать все остальное, заставляя противника концентрироваться против нашей атаки. Следовательно, оправдана ли ограниченная форма или нет, зависит, как указывает Клаузевиц, от географического положения объекта.

Пока что британский опыт на его стороне, но затем он продолжает говорить, что чем больше рассматриваемая территория является нашей собственной аннексией, тем безопаснее эта форма войны, потому что тогда наши наступательные действия будут более надежно прикрывать нашу родную страну. В качестве примера он приводит начало Семилетней войны Фридрихом Великим с оккупации Саксонии — работы, которая существенно укрепила оборону Пруссии. О британском открытии в Канаде он ничего не говорит. Его мировоззрение было слишком исключительно континентальным, чтобы ему пришло в голову проверить свою доктрину на явно успешном примере, в котором территория, на которую он нацеливался, была удалена от родной территории и никоим образом ее не охватывала. Если бы он сделал это, то, должно быть, увидел, насколько более сильным примером силы ограниченной войны был случай Канады, чем случай Саксонии. Более того, он увидел бы, что трудности, которые, несмотря на его веру в свое открытие, сопровождали его попытки применить его, возникли из-за того факта, что выбранные им примеры на самом деле вовсе не были примерами.

Когда он задумал эту идею, единственной ограниченной целью, которая была у него в голове, были, по его собственным словам, "некоторые завоевания на границах страны противника", такие как Силезия и Саксония для Фридриха Великого, Бельгия в его собственном военном плане и Эльзас-Лотарингия в плане Мольтке. Теперь очевидно, что такие объекты на самом деле не ограничены по двум причинам. Во-первых, такая территория обычно является органической частью страны вашего противника или иным образом имеет для него такое большое значение, что он будет готов приложить неограниченные усилия, чтобы удержать ее. Во-вторых, не будет никаких стратегических препятствий для того, чтобы он смог использовать все свои силы для достижения этой цели. Чтобы полностью соответствовать концепции ограниченного объекта, необходимо одно из двух условий. Во-первых, он должен быть не просто ограничен по площади, но иметь действительно ограниченное политическое значение; и, во-вторых, он должен быть расположен так, чтобы быть стратегически изолированным или чтобы его можно было свести к практической изоляции стратегическими операциями. Пока этого условия не существует, во власти любой из воюющих сторон, как видел сам Клаузевиц, перейти к неограниченной войне, если она того пожелает, и, игнорируя территориальную цель, нанести удар в сердце своего врага и заставить его прекратить.

Таким образом, если мы рассматриваем войну только между сопредельными континентальными государствами, целью которой является завоевание территории на любой из их границ, мы не получаем реальной общей разницы между ограниченной и неограниченной войной. Граница между ними в любом случае слишком размыта или неустойчива, чтобы дать какую-либо четкую классификацию. Это различие скорее в степени, чем в виде. Если, с другой стороны, мы распространим наш взгляд на войны между мировыми империями, то различие сразу же станет органичным. Владения, лежащие за морем или на окраинах обширных территорий с неполным заселением, относятся к совершенно иной категории, чем те ограниченные объекты, которые рассматривал Клаузевиц. История показывает, что они никогда не смогут иметь политического значения объектов, которые органически являются частью европейской системы, и это показывает далее, что они могут быть изолированы военно-морскими действиями в достаточной степени, чтобы создать условия настоящей ограниченной войны.

Жомини подходит к сути, но четко не отделяет ее. В своей главе "О великих вторжениях и дальних экспедициях" он указывает, насколько небезопасно брать условия войны между сопредельными государствами и грубо применять их к случаям, когда воюющие стороны

разделены большими пространствами суши или моря. Он витает вокруг фактора моря, чувствуя, насколько велика разница, которую это имеет, но так и не приблизившись к реальному различию. Его концепция взаимодействия флотов и армий никогда не поднимается выше их фактического сотрудничества в соприкосновении друг с другом на отдаленном театре военных действий. Он имеет в виду помощь, которую британский флот оказал Веллингтону на полуострове, и мечты Наполеона о завоевании Азии, объявляя такие отдаленные вторжения невозможными в наше время, за исключением, возможно, в сочетании с мощным флотом, который мог бы обеспечить армии вторжения несколько передовых баз. О первостепенной ценности изолирующих и превентивных функций флота он даже не намекает.

Даже когда он имеет дело с зарубежными экспедициями, что он и делает довольно долго, его понимание сути дела ничуть не становится ближе. Действительно, показательно, насколько континентальная мысль не смогла проникнуть в суть предмета, что, посвящая более тридцати страниц перечислению принципов заморских экспедиций, он, подобно Клаузевицу, даже не упоминает завоевание Канады; и все же это яркий пример того, как слабая военная держава преуспела за счет использования ограниченной формы войны в навязывании своей воли сильной, и преуспела потому, что она смогла с помощью военно-морских действий обеспечить свою внутреннюю оборону и изолировать территориальный объект.

Следовательно, исходя из наших представлений об истинно ограниченных объектах, мы должны оставить континентальные театры военных действий и обратиться к смешанным или морским войнам. Мы должны обратиться к таким случаям, как Канада и Гавана в Семилетнюю войну и Куба в испано-американскую войну, случаям, в которых была возможна полная изоляция объекта военно-морскими действиями, или к таким примерам, как Крым и Корея, где достаточная изоляция была достигнута военно-морскими действиями из-за протяженности и сложности наземных коммуникаций противника и стратегического положения территории, о которой шла речь.

Эти примеры также послужат иллюстрацией и усилением второго существенного аспекта такого рода войны. Как уже было сказано, для достижения истинно ограниченной цели мы должны обладать не только способностью к изоляции, но и способностью путем надежной внутренней защиты предотвращать неограниченный контрудар. Во всех вышеперечисленных случаях это условие существовало. Во всех них у воюющих сторон не было смежных границ, и этот момент жизненно важен. Ибо очевидно, что если у двух воюющих сторон есть общая граница, то превосходящая их сторона, независимо от того, насколько удаленной или насколько легко изолировать ограниченный объект, может по своему желанию перейти к неограниченной войне путем вторжения. Этот процесс возможен даже тогда, когда воюющие стороны разделены нейтральным государством, поскольку территория слабого нейтрала будет нарушена, если объект будет иметь достаточную важность, или если нейтрал будет слишком силен для принуждения, все еще остается возможность того, что его союз может быть обеспечен.

Таким образом, мы приходим к последнему утверждению, что ограниченная война постоянно возможна только между островными державами или между державами, разделенными морем, и то только тогда, когда Держава, желающая ограниченной войны, способна господствовать на море до такой степени, чтобы иметь возможность не только изолировать удаленный объект, но и сделать невозможным вторжение на свою домашнюю территорию.

Таким образом, здесь мы достигаем истинного значения и высшей военной ценности того, что мы называем командованием на море, и здесь мы прикасаемся к секрету успеха Англии против держав, столь значительно превосходящих ее по военной мощи. Вполне уместно, что в такую тайну первым проник англичанин. Ибо так оно и было, хотя следует сказать, что, кроме как в свете доктрины Клаузевица, полный смысл знаменитого афоризма Бэкона не раскрывается. "Одно несомненно, - сказал великий елизаветинец по опыту нашей первой войны с империей. - Тот, кто командует на море, пользуется большой свободой и может участвовать в войне столько или так мало, сколько пожелает, тогда как те, кто сильнее на суше, тем не менее часто оказываются в большом затруднении". Было бы трудно более емко изложить конечное значение доктрины Клаузевица. Его основная истина четко обозначена — что ограниченные войны зависят не от вооруженной силы воюющих сторон, а от количества этой силы, которую они могут или желают пустить в ход в решающий момент.

Следует очень сожалеть, что Клаузевиц не дожил до того, чтобы увидеть глазами Бэкона всю полноту его учения. Его честолюбивой целью было сформулировать теорию, которая объяснила бы все войны. Он верил, что ему это удалось, и все же ясно, что он никогда не знал, насколько полным был его успех и насколько обширной была область, которую он охватил. До конца, похоже, он не осознавал, что нашел объяснение одной из самых непостижимых проблем в истории — экспансии Англии - по крайней мере, в той мере, в какой это было связано с успешной войной. То, что маленькая страна со слабой армией смогла прибрать к рукам самые желанные регионы земли, причем за счет величайших военных держав, является парадоксом, с которым таким державам трудно примириться. Это явление всегда казалось делом случая - случайностью, не имеющей никакого основания в основных константах войны. Клаузевицу, неизвестному самому себе, оставалось найти это объяснение, и он раскрывает его нам в присущей ограниченной войне силе, когда средства и условия благоприятствуют ее применению.

Таким образом, мы обнаруживаем, что, если взглянуть шире, чем это было доступно Клаузевицу, и подвергнуть его новейшие идеи проверке нынешними имперскими условиями, они не только не смогут охватить почву, но и обретут более полное значение и более прочную основу. Примените их к войне на море, и станет ясно, что его различие между ограниченной и неограниченной войной основывается не только на моральном факторе. Война может быть ограниченной не только потому, что важность объекта слишком мала, чтобы задействовать все национальные силы, но также и потому, что море может стать непреодолимым физическим препятствием для задействования всех национальных сил. Иными словами, война может быть ограничена физически стратегической изоляцией объекта, а также морально его сравнительной незначительностью.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ИНТЕРВЕНЦИОННЫЕ ВОЙНЫ — ОГРАНИЧЕННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО В НЕОГРАНИЧЕННУЮ ВОЙНУ

Прежде чем оставить общее рассмотрение ограниченной войны, нам еще предстоит разобраться с ее формой, которая еще не упоминалась. Клаузевиц условно назвал это "Войной, ограниченной контингентами" и не смог найти для этого места в своей системе. Ему казалось, что она существенно отличается от войны, ограниченной своей политической целью, или, как выразился Жомини, войны с территориальной целью. И все же это должно было быть принято во внимание и объяснено, хотя бы из-за той роли, которую оно сыграло в европейской истории.

Для нас это требует самого тщательного изучения не только потому, что великому немецкому стратегу было трудно согласовать это с его теорией войны, но и потому, что именно в такой форме Великобритания наиболее успешно продемонстрировала потенциальную возможность прямого континентального вмешательства небольшой армии, действующей совместно с доминирующим флотом.

Комбинированные операции, которые были обычным выражением британского метода ведения войны на ограниченной основе, подразделялись на два основных класса. Во-первых, были операции, предназначенные исключительно для завоевания объектов, ради которых мы вступали в войну, обычно это были колониальные или отдаленные заморские территории; и, во-вторых, операции более или менее на европейском побережье, предназначенные не для постоянного завоевания, а как метод нарушения планов нашего врага и укрепления рук наших союзников и нашего собственного положения. Такие операции могли принимать форму незначительных береговых диверсий, или же они могли приобретать все большую важность, пока, как в операциях Веллингтона на полуострове, они не стали неотличимы по форме от регулярных континентальных боевых действий.

Таким образом, может показаться, что эти операции отличались не столько характером цели, сколько тем фактом, что мы направили на них не всю нашу военную мощь, а лишь определенную ее часть, которая была известна как наши "силы распоряжения". Следовательно, они, по-видимому, требуют какой-то такой специальной классификации и естественным образом подпадают под категорию, которую Клаузевиц назвал "Войной, ограниченной контингентами".

Это была природа войны, достаточно хорошо известная на Континенте в другой форме. В течение восемнадцатого века было большое количество случаев войны, фактически ограниченной контингентом, то есть случаев, когда страна, не имеющая жизненно важного интереса к объекту, начинала войну, предоставляя главной воюющей стороне вспомогательные силы оговоренной численности.

Именно в шестой главе своей последней книги Клаузевиц намеревался разобраться с этой аномальной формой враждебности. Однако его безвременная кончина оставила нам не более чем фрагмент, в котором он признается, что подобные случаи "ставят в неловкое положение его теорию". Если бы, добавляет он, вспомогательные силы были безоговорочно предоставлены в распоряжение главной воюющей стороны, проблема была бы достаточно простой. Тогда это было бы, по сути, то же самое, что неограниченная война с помощью субсидируемых

вооруженных сил. Но на самом деле, как он замечает, это случалось редко, поскольку контингент всегда более или менее контролировался в соответствии с особыми политическими целями правительства, которое его предоставляло. Следовательно, единственный вывод, к которому ему удалось прийти, состоял в том, что это была форма войны, которую необходимо было принимать во внимание, и что это была форма ограниченной войны, которая, по-видимому, существенно отличалась от войны, ограниченной объектом. Фактически, у нас сложилось впечатление, что должно быть два вида ограниченной войны.

Но если мы продолжим его исторический метод и исследуем случаи, в которых этот вид войны был успешным, и те, в которых он не увенчался успехом, мы обнаружим, что везде, где успех принимается за показатель его законного применения, практическое различие между двумя видами ограниченной войны имеет тенденцию исчезать. Это указывает на то, что там, где существенные факторы, оправдывающие использование войны, ограниченной объектом, присутствуют в войне, ограниченной контингентом, тогда эта форма войны имеет тенденцию к успеху, но не иначе. Фактически, мы приходим к такому утверждению, что различие "Ограниченное контингентом" не является тем, что присуще войне, и совершенно не соответствует рассматриваемой теории — что в действительности это *неформа* войны, а *метод*, который может быть использован как для ограниченной, так и для неограниченной войны. Другими словами, война, ограниченная контингентом, если ее вообще можно рассматривать как законную форму войны, должна откровенно принимать ту или иную форму. Либо контингент должен действовать как органичная единица сил, ведущих неограниченную войну без каких-либо оговорок, либо ему должен быть предоставлен определенный территориальный объект с независимой организацией и независимыми ограниченными функциями.

Наш собственный опыт, по-видимому, указывает на то, что война контингентами или война с использованием "располагаемых сил" достигает наибольшего успеха, когда она наиболее приближается к настоящей ограниченной войне, то есть, как в случае с полуостровом и Крымом, где ее целью является отвоевать или обезопасить от противника определенный участок территории, который в большей или меньшей степени может быть изолирован военно-морскими действиями. Фактически, его оперативная мощь, по-видимому, имеет некоторое прямое отношение к тесноте, с которой военно-морские и военные действия могут сочетаться для придания контингенту веса и мобильности, выходящих за рамки его внутренней мощи.

Таким образом, если мы хотим разобраться в трудностях войны, ограниченной контингентами, то представляется необходимым проводить различие между континентальной и британской ее формами. Континентальная форма, как мы видели, лишь немногим отличается по концепции от неограниченной войны. Контингент, по крайней мере, внешне, снабжен идеей, что он должен быть использован главной воюющей стороной для оказания ей помощи в свержении общего врага, и что его целью будут организованные силы противника или его столица. Или же этот контингент может быть использован в качестве наблюдательной армии для предотвращения контрудара, с тем чтобы облегчить и обезопасить основное наступательное движение главной воюющей стороны. В любом случае, каким бы незначительным ни был наш вклад в силы союзников, мы используем неограниченную форму и нацелены на неограниченный, а не просто территориальный объект.

Если теперь мы обратимся к британскому опыту ведения войны, ограниченной контингентами, мы обнаружим, что континентальная форма войны часто использовалась, но мы также

обнаруживаем, что она почти неизменно сопровождалась народным отвращением, как будто в ней было что-то антагонистичное национальному инстинкту. Ярким примером является помощь, которую мы направили Фридриху Великому в Семилетней войне. В начале войны народное отвращение было настолько велико, что эта мера была признана невозможной, и только после того, как ослепительное сопротивление Фредерика католическим властям облекло его славой протестантского героя, Питт смог делать то, что хотел. Старый религиозный огонь был разожжен. Самый мощный из всех национальных инстинктов разжег в людях великодушное тепло, которое преодолело их врожденную антипатию к операциям на континенте, и стало возможным послать значительный контингент на помощь Фридриху. В конце концов, поддержка полностью достигла своей цели, но следует отметить, что даже в этом случае операции были ограничены не только контингентом, но и объектом. Это правда, что Фридрих был вовлечен в неограниченную войну, в которой на карту было поставлено дальнейшее существование Пруссии, и что британские войска были органичным элементом его военного плана. Тем не менее, она входила в состав субсидируемой британией армии под командованием принца Фердинанда Брауншвейгского, который, хотя и был назначен Фредериком, был британским главнокомандующим. Его армия по организации полностью отличалась от армии Фридриха, и на нее была возложена вполне определенная и ограниченная функция - помешать французам оккупировать Ганновер и таким образом обойти правый фланг пруссии. Наконец, следует отметить, что его способность выполнять эту функцию была обусловлена тем фактом, что закрепленный за ним театр военных действий был таков, что ни при каких вероятных обстоятельствах он не мог потерять связь с морем, равно как и противник не мог перерезать его пути снабжения и отступить.

Следует отметить эти особенности предприятия. Они отличают это от нашего более раннего использования войны, ограниченной контингентом, на континентальном уровне, типичным для которого были кампании Мальборо, и они демонстрируют особую форму, которую Мальборо выбрал бы, если бы позволили политические требования, и которая должна была стать характерной чертой британских усилий со времен Питта и далее. В методе нашего величайшего военного министра мы имеем не только ограничение по контингенту, но также и ограничение определенной и независимой функции, и, наконец, у нас есть связь с морем. Это действительно жизненно важный фактор, и от него, как сейчас выяснится, зависит эффективность метода.

В начале Великой войны мы использовали ту же форму в наших операциях в Северо-Западной Европе. Там у нас также была ограниченная функция по обеспечению безопасности Голландии, а также полная связь с морем, но наш театр военных действий не был независимым. Были задействованы тесные согласованные действия с другими силами, и результатом в каждом случае был провал. Позже, на Сицилии, где была достигнута абсолютная изоляция, сила метода позволила нам добиться стойкого результата очень скромными средствами. Но результат был чисто оборонительным. Только после того, как разразилась война на полуострове, мы обнаружили театр военных действий, ограниченный контингентом, на котором присутствовали все условия, необходимые для успеха. Даже там, пока наша армия рассматривалась как условный вспомогательный контингент испанской армии, последовала обычная неудача. Только в Португалии, оборона которой была действительно ограниченной задачей и где у нас был окруженный морем театр военных действий, независимый от посторонних союзников, успех был достигнут с самого начала. Этот метод был настолько силен и настолько изматывал противника, что в конечном итоге местный баланс сил был изменен, и мы смогли перейти в решительное наступление.

Настоящий секрет успеха Веллингтона — помимо его собственного гения — заключался в том, что в идеальных условиях он применял ограниченную форму к неограниченной войне. Наша цель была неограниченной. Это было ни что иное, как свержение Наполеона. Полного успеха на море добиться не удалось, но этот успех дал нам возможность применять ограниченную форму, которая была наиболее решительной формой нападения в пределах наших возможностей. Его существенный вклад в конечное достижение цели в настоящее время признан всеми.

Таким образом, общий результат этих рассуждений состоит в том, что война контингентами в континентальной форме редко или вообще никогда не отличается от неограниченной войны, поскольку условия, требуемые для ограниченной войны, редко или никогда не присутствуют. Но то, что можно назвать британской или морской формой, на самом деле является применением ограниченного метода к неограниченной форме в качестве вспомогательного средства для более крупных операций наших союзников — метода, который обычно был открыт для нас, потому что контроль над морем позволил нам выбрать театр военных действий, по сути, действительно ограниченный.⁵

Но что, если условия борьбы, в которую мы хотим вмешаться, таковы, что по-настоящему ограниченный театр действий недоступен? В этом случае нам придется выбирать между предоставлением контингента в полное распоряжение нашего союзника или ограничением диверсий на побережье, как мы делали по просьбе Фридриха Великого в первых кампаниях Семилетней войны. Такие операции редко могут быть удовлетворительными для какой-либо из сторон. Небольшие положительные результаты наших усилий по вмешательству таким образом действительно сделали больше, чем что-либо другое, чтобы дискредитировать эту форму войны и заклеймить ее как недостойную первоклассной Державы. И все же факт остается фактом: все великие континентальные мастера войны опасались или ценили британское вмешательство такого характера даже в самых неблагоприятных условиях. Это было потому, что они искали его последствия скорее в угрозе, чем в исполнении. Они вообще не рассчитывали на положительные результаты. До тех пор, пока такое вмешательство принимало форму десанта, они знали, что его тревожное воздействие на ситуацию в Европе всегда было непропорционально применяемой внутренней силе или положительным результатам, которые оно могло дать. Его оперативное действие заключалось в том, что оно угрожало положительным результатам, если не принимать решительных мер. Короче говоря, его эффект был отрицательным. Его ценность заключалась в способности сдерживать силу, превосходящую его собственную. Это все, что можно для этого предъявить, но это может быть и все, что требуется. Это не самый радикальный метод вмешательства, но он зарекомендовал себя наиболее радикальным для Державы, силы которой не приспособлены для более высокого метода. Фридрих Великий был первым великим солдатом, осознавшим это, а Наполеон — последним. Годами он закрывал на это глаза, смеялся над этим, прикрывал это презрением, которое становилось все более раздражительным. В 1805 году он назвал экспедицию Крейга "пигмейской комбинацией", однако подготовка другого объединенного отряда для совершенно другого назначения заставила его рассматривать первую как авангард движения, которое он не мог игнорировать, и он пожертвовал своим флотом в бессильной попытке справиться с ним.

Однако только четыре года спустя он был вынужден официально заявить о своем признании этого принципа. Затем, что довольно любопытно, его убедила экспедиция, которую мы

привыкли рассматривать как прежде всего осуждающую десантные операции против Континента. Экспедиция Вальхерена теперь обычно рассматривается как ведущий пример бессмысленного военного управления. Историки не могут найти для нее слишком плохих слов. Они игнорируют тот факт, что это был шаг — последний и самый трудный шаг — в нашей послетрафальгарской политике использования армии для совершенствования нашего господства на море против флота, упорно действующего в обороне. Это началось с Копенгагена в 1807 году. Оно потерпело неудачу в Дарданеллах, потому что флот и армия были разделены; оно преуспело в Лиссабоне и Кадисе только демонстрацией. Вальхерен, о котором долго думали, откладывался до последнего как самый грозный и наименее неотложный. Наполеон ожидал этого покушения с тех пор, как эта идея впервые была высказана в этой стране, но по мере того, как шло время, а удар не наносился, опасность все больше и больше игнорировалась. Наконец, настал момент, когда он был сильно занят в Австрии и вынужден призвать большую часть своих сил, чтобы расправиться с эрцгерцогом Карлом. Риски по-прежнему были велики, но британское правительство смело смотрело на них с открытыми глазами. Сейчас или никогда. Они были склонны наращивать свою максимальную военную мощь на полуострове, и до тех пор, пока мощный и растущий флот оставался в Северном море, это всегда будет все больше тормозить такое развитие. Предполагаемый успех был в глазах правительства совершенно непропорционален вероятным потерям в результате неудачи. Поэтому, когда Наполеон меньше всего этого ожидал, они решили действовать и застали его врасплох. Оборона Антверпена осталась незавершенной. Не было армии, способной отразить удар — ничего, кроме разноязычной толпы без штаба или даже офицеров. По крайней мере, неделю успех был в наших руках. Флоту Наполеона удалось спастись всего на двадцать четыре часа, и все же неудача была не только полной, но и катастрофической. И все же причины неудачи были настолько случайными, и дело было так близко к успеху, что Наполеон испытал сильное потрясение и надеялся на быстрое повторение попытки. Он действительно настолько серьезно относился к своему чудом спасшемуся бегству, что оказался вынужденным пересмотреть всю свою систему защиты дома. Он не только счел необходимым потратить большие суммы на усиление постоянной обороны Антверпена и Тулона, но и его директору по призыву было поручено разработать схему предоставления постоянных сил Национальной гвардии численностью не менее 300 000 человек для защиты французского побережья. "Имея 30 000 человек на транспортах в Даунсе, - писал император, - англичане могут парализовать 300 000 человек моей армии, и это низведет нас до ранга державы второго сорта".⁶

Концентрация британских усилий на полуострове, по—видимому, сделала реализацию этого проекта ненужной - то есть было объявлено направление наших действий, и угроза прекратилась. Но, тем не менее, признание Наполеоном этого принципа остается зафиксированным — не в одной из его речей, произнесенных с какой-то скрытой целью, а в штабном приказе соответствующему высшему должностному лицу.

Обычно считается, что современные достижения в военной организации и транспорте позволят великой континентальной державе игнорировать подобные угрозы. Наполеон игнорировал их в прошлом, но только для того, чтобы убедиться в том, что на войне игнорировать угрозу слишком часто означает создавать возможности. Такие возможности могут представиться поздно или рано. Как и лорд Лигонье, и Вулф предусмотрели для подобных операций, неожиданность не обязательно ожидать с самого начала. Обычно нам приходилось создавать или ждать своей

возможности — слишком часто потому, что мы были либо не готовы, либо недостаточно смелы, чтобы воспользоваться первой подвернувшейся возможностью.

Случаи, в которых такое вмешательство было наиболее эффективным, были двух классов. Во-первых, это вмешательство в план войны, который наш враг разработал без учета нашего вмешательства и которому он безвозвратно привержен своими первыми действиями. Во-вторых, существует вмешательство, направленное на то, чтобы лишить врага плодов победы. Эта форма находит свою эффективность в том принципе, что неограниченные войны не всегда решаются уничтожением армий. Обычно после этого остается трудная работа по завоеванию народа с измотанной армией. Вторжения небольших свежих сил с моря в таких случаях может быть достаточно, чтобы переломить чашу весов, как это произошло на полуострове и как, по мнению некоторых высокопоставленных лиц, это могло произойти во Франции в 1871 году.

Такое предположение покажется почти еретическим, поскольку противоречит принципу, осуждающему стратегический резерв. Мы говорим, что все имеющиеся силы должны быть развернуты для жизненно важного периода борьбы. В наши дни не найдется никого, кто оспаривал бы это. Это слишком очевидно, когда речь идет о конфликте между организованными силами, но в отсутствие каких-либо доказательств мы вправе усомниться в том, верно ли это для того изматывающего и деморализующего периода, который лежит за пределами шока армий.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

УСЛОВИЯ СИЛЫ В ОГРАНИЧЕННОЙ ВОЙНЕ

Элементы силы в ограниченной войне во многом аналогичны тем, которые обычно присущи обороне. То есть, как правильное использование обороны иногда позволяет подчиненным силам добиться своей цели против превосходящих, так и существуют случаи, когда правильное использование ограниченной формы войны позволяло слабой военной силе добиться успеха против гораздо более сильной, и этих примеров слишком много, чтобы позволить нам рассматривать результаты как случайные.

Очевидным элементом силы является то, что там, где географические условия благоприятны, мы можем с помощью нашего военно-морского флота ограничить количество сил, с которыми нашей армии придется иметь дело. На самом деле мы можем задействовать наш флот, чтобы исправить неблагоприятный баланс наших сухопутных войск. Но помимо этой сугубо практической причины есть и другая, которая коренится в первых принципах стратегии.

Дело в том, что ограниченная война позволяет использовать оборону без ее обычных недостатков в такой степени, которая невозможна в неограниченной войне. Эти недостатки заключаются главным образом в том, что это приводит к передаче инициативы противнику и лишает нас морального воодушевления от наступления. Но в ограниченной войне, как мы

увидим, этого не должно быть, и если, не идя на эти жертвы, мы сможем действовать в основном в обороне, наша позиция станет чрезвычайно прочной.

Это утверждение действительно не допускает никаких сомнений. Ибо даже если мы не полностью согласны с доктриной Клаузевица о силе обороны, все же мы можем, по крайней мере, принять ее модификацию Мольтке. Он считал, что самой сильной формой войны, то есть формой, которая экономически способствует наивысшему развитию мощи данного подразделения, является стратегическое наступление в сочетании с тактической обороной. Таковы, по сути, условия, которые должна создать ограниченная война — то есть, если театр военных действий и метод будут выбраны правильно. Давайте помнить, что использование этой формы войны предполагает, что мы способны за счет более высокой боеготовности или мобильности или за счет более удобного расположения закрепиться на территориальном объекте до того, как наш противник сможет собрать силы, чтобы помешать нам. Сделав это, мы перехватываем инициативу, и враг, поскольку гипотетически не может атаковать нас дома, должен соответствовать нашему открытию, пытаясь выгнать нас. Мы в состоянии встретить его атаку на территории по нашему собственному выбору и воспользоваться такими возможностями для контратаки, которые, вероятно, предоставят его дальние и, следовательно, изматывающие наступательные действия. Предполагая, как в нашем собственном случае мы всегда должны предполагать, что территориальный объект окружен морем и наш противник не в состоянии господствовать на море, такие возможности наверняка представятся, и даже если они не будут использованы, это сильно затруднит нанесение главного удара - как наглядно показала нервозность русских во время их продвижения на Ляотунский полуостров из—за страха контрудара из залива Пе-чи-ли.

Фактическая ситуация, которую создает этот метод процедуры, заключается в том, что наша основная стратегия является наступательной, то есть наше основное движение является позитивным, имея своей целью оккупацию территориального объекта. Нижеследующая второстепенная стратегия должна быть в общих чертах оборонительной, рассчитанной на то, чтобы, как только противник начнет нас вытеснять, развить максимальную энергию контратаки, которую оправдывают наши силы и возможности.

Теперь, если мы примем во внимание, что по всеобщему согласию больше невозможно в нынешних условиях ведения сухопутной войны проводить границу между тактикой и второстепенной стратегией, в нашу пользу для всех практических целей говорит идентичная позиция, которую Мольтке рассматривал как составляющую самую сильную форму войны. Иными словами, наша основная стратегия - наступательная, а второстепенная - оборонительная.

Таким образом, если ограниченная форма войны обладает этим элементом силы сверх неограниченной формы, то должно быть правильным использовать его, когда мы недостаточно сильны для использования более изматывающей формы и когда цель ограничена; точно так же, как правильно использовать оборону, когда наша цель негативна и мы слишком слабы для наступления. Этот пункт имеет первостепенное значение, поскольку он является прямым отрицанием существующей доктрины, согласно которой на войне может быть только одна законная цель - уничтожение средств сопротивления противника, и что главной целью всегда

должны быть его вооруженные силы. Фактически, возникает целый вопрос о том, не является ли иногда законным и даже правильным нацеливаться непосредственно на скрытый объект войны.

, По—видимому, преобладает впечатление — несмотря на все, что Клаузевиц и Жомини сказали по этому поводу, - что вопрос допускает только один ответ. Фон дер Гольц, например, особенно настойчиво утверждает, что целью современной войны всегда должно быть свержение врага. Он называет это "первым принципом современной войны", согласно которому "непосредственной целью, против которой должны быть направлены все наши усилия, является основная армия противника". Точно так же принц Крафт придерживается максимы, что "первой целью должно быть разгром армии противника. Все остальное, оккупация страны и т. Д., Стоит только на второй строчке".

Следует отметить, что здесь он признает, что процесс оккупации территории противника является операцией, отличной от свержения силы противника. Фон дер Гольц идет дальше и протестует против распространенной ошибки, заключающейся в том, что уничтожение основных сил противника отождествляется с полным достижением цели. Он осторожно утверждает, что нынешняя доктрина справедлива только тогда, "когда два воюющих государства имеют приблизительно одинаковую природу". Итак, если есть случаи, когда оккупация территории должна проводиться как операция, отличная от разгрома сил противника, и если в таких случаях условия таковы, что мы можем занять территорию с преимуществом, не нанося сначала поражения врагу, то, несомненно, просто педантизм настаивать на том, что мы должны отложить до завтра то, что мы можем сделать лучше сегодня. Если речь идет об оккупации всей территории противника или даже значительной ее части, немецкий принцип, конечно, остается в силе, но не все войны носят такой характер.

Настаивание на принципе "свержения" и даже его преувеличение имело значение в свое время для предотвращения возврата к старым и дискредитировавшим себя методам. Но его работа выполнена, и слепое следование ей без оглядки на принципы, на которых она зиждется, имеет тенденцию превращать военное искусство в простую игру дубинками.

Клаузевиц, во всяком случае, как указал генерал фон Кеммерер,⁷ был слишком практичным солдатом, чтобы придерживаться столь абстрактного утверждения во всей его современной грубости. Если бы это было правдой, то более слабая держава никогда не смогла бы вести успешную войну против более сильной по какой бы то ни было причине — вывод, полностью опровергнутый историческим опытом. Несомненно, что более высокая форма, такая как наступление, является более решительной, если условия подходят для ее использования, но следует помнить, что Клаузевиц четко устанавливает, что такие условия предполагают у воюющей стороны, применяющей более высокую форму, большое физическое или моральное превосходство или большой дух предприимчивости - врожденную склонность к крайним опасностям. Жомини не зашел даже так далеко, как это. Он, конечно, исключил бы "врожденную склонность к крайним опасностям", поскольку, по его мнению, именно эта врожденная склонность побудила Наполеона злоупотреблять высшей формой к собственной гибели. История, не в меньшей степени, чем теория, настолько не поддерживает идею единственного ответа, что, казалось бы, даже в Германии начинается реакция на реальное учение Клаузевица. Излагая это, фон Кеммерер говорит: "Поскольку большинство наиболее выдающихся военных авторов нашего времени придерживаются принципа, согласно которому на войне наши усилия всегда должны быть направлены на предел, и что преднамеренное

использование меньших средств в большей или меньшей степени свидетельствует о слабости, я чувствую себя обязанным заявить, что широта взглядов Клаузевица внушила мне высокую степень восхищения".

Итак, Клаузевиц точно придерживался следующего мнения— когда условия не благоприятствуют использованию высшей формы, захват небольшой части территории противника может рассматриваться как правильная альтернатива уничтожению его вооруженных сил. Но он явно рассматривает эту форму войны лишь как временную. Его чисто континентальный взгляд помешал ему учесть, что могут быть случаи, когда цель на самом деле была настолько ограниченной по своему характеру, что низшая форма войны была бы одновременно и более эффективной, и более экономичной в использовании. В континентальной войне, как мы видели, такие случаи едва ли могут иметь место, но они имеют тенденцию ярко заявлять о себе, когда морской фактор проявляется в какой-либо серьезной степени.

Тенденция британских военных действий принимать низшую или ограниченную форму всегда была столь же четко обозначена, как и противоположная тенденция на Континенте. Приписывать такую тенденцию, как это иногда входит в моду, врожденному недостатку воинственного духа в достаточной степени противоречит достигнутым результатам. На самом деле нет никаких оснований списывать это на что-либо, кроме пронизательного инстинкта вести ту войну, которая наилучшим образом соответствует условиям нашего существования. Этот инстинкт был настолько силен, что обычно приводил нас к применению низшей формы не только там, где целью войны была четко определенная территориальная цель, но и в тех случаях, когда ее правильность была менее очевидна. Как было объяснено в предыдущей главе, мы применяли его, и применяли в целом с успехом, когда мы действовали согласованно с континентальными союзниками для достижения неограниченной цели, то есть когда общей целью было свержение общего врага.

Выбор между двумя формами действительно зависит от обстоятельств каждого конкретного случая. Мы должны рассмотреть, действительно ли политическая цель ограничена, может ли она, будучи неограниченной абстрактно, быть сведена к конкретной ограниченной цели и, наконец, таковы ли стратегические условия, которые способствуют успешному применению ограниченной формы.

Что нам требуется сейчас, так это определить эти условия с большей точностью, и лучше всего это сделать, изменив наш метод на конкретный и взяв ведущий пример.

Тот, который представляет их в их наиболее ясной и простой форме, - это, без сомнения, недавняя война между Россией и Японией. Здесь мы имеем особенно яркий пример того, как небольшая Держава навязала свою волю гораздо большей Силе, не "свергнув" ее, то есть не сокрушив ее силу сопротивления. Это было совершенно не по силам Японии. настолько очевидным был тот факт, что повсюду на Континенте, где свержение вашего врага рассматривалось как единственно допустимая форма войны, действия японцев по развязыванию военных действий рассматривались как безумие. Только в Англии, с ее традициями и чутьем на то, чего островная держава может достичь низшими средствами, считалось, что у Японии есть какие-то разумные шансы на успех.

Этот случай особенно поразителен, поскольку каждый чувствовал, что реальная цель войны была абстрактно неограниченной, что фактически она заключалась в том, чтобы решить, кто будет доминирующей державой на Дальнем Востоке - Россия или Япония. Как и франко-германская война 1870 года, она имела все аспекты того, что немцы называют "пробой сил". Такая война - это та, которая, прежде всего, кажется неспособной привести к решению, кроме как путем полного свержения той или иной Державы. Не было ни осложнения союзов, ни каких-либо ожиданий от них. Англо-японский договор изолировал борьбу. Если когда-либо вопрос зависел от чистой боевой силы двух воюющих сторон, то, похоже, это был именно этот. После этого события мы склонны приписывать результат моральным качествам, а также превосходной подготовке и подготовленности победителей. Эти качества действительно сыграли свою роль, и их не следует преуменьшать; но кто станет утверждать, что, если бы Япония попыталась начать войну с Россией, как Наполеон начал свою, она могла бы преуспеть не хуже, чем он? У нее не было такого перевеса, который Клаузевиц выдвинул в качестве условия, предшествующего попытке свержения ее врага, — начала неограниченной войны.

К счастью для нее, обстоятельства не требовали применения столь крайних средств. Политические и географические условия были таковы, что она смогла свести нематериальную цель утверждения своего престижа к чисто конкретной форме территориальной цели. Проникновение России в Маньчжурию угрожало поглощением Кореи Российской империей, и это Япония рассматривала как фатальное для своего собственного положения и будущего развития. Ее способность поддерживать целостность Кореи была бы внешним и видимым признаком ее способности заявить о себе как о Тихоокеанской державе. Следовательно, ее абстрактная ссора с Россией могла быть трансформирована в конкретную цель точно так же, как ссора западных держав с Россией в 1854 году трансформировалась в конкретную цель Севастополя.

В случае Японии непосредственная политическая цель была исключительно хорошо приспособлена для ведения ограниченной войны. Из-за географического положения Кореи и обширных и неосвоенных территорий, отделяющих ее от центра российской мощи, она может быть практически изолирована военно-морскими действиями. Более того, оно выполнило условие, которому Клаузевиц придавал наибольшее значение, то есть захват конкретного объекта не только не ослабил внутреннюю оборону Японии, но и значительно усилил бы ее позиции. Несмотря на наступательный эффект и намерения, это было также, как и захват Фридрихом Саксонии, надежной оборонительной работой. Это не только не обнажало ее сердце, но служило почти неприступным прикрытием. Причина проста. Из-за большого расстояния между двумя российскими арсеналами в Порт-Артуре и Владивостоке, а также из-за ущелья, контролируемого Японией, позиция русского флота была очень ошибочной. Единственным способом исправить это для России было обеспечить себе базу в Корейском проливе, и к этому она уже некоторое время стремилась дипломатическими средствами в Сеуле. Стратегически целостность Кореи была для Японии во многом тем же, чем целостность Нидерландов была для нас, но в случае с Нидерландами, поскольку они были неспособны к изоляции, наша способность к прямым действиям всегда была сравнительно слабой. Португалия, с ее непревзойденной стратегической гаванью в Лиссабоне, была аналогичным случаем в наших старых океанских войнах, и поскольку она была способна быть в определенной степени изолированной от силы нашего великого соперника морскими средствами, мы добились там почти одинакового успеха. В целом следует сказать, что, несмотря на успех, которого мы достигли в нашей длинной серии войн, которые велись на ограниченной основе,

ни в одной из них условия не были для нас столь благоприятными, как в данном случае для Японии. Ни в одном из них наше основное наступательное движение так полностью не обеспечивало нашу домашнюю оборону. Канада действовала настолько эксцентрично, насколько это было возможно, по отношению к нашей линии внутренней обороны, в то время как в Крыму наше наступление настолько полностью обнажило Британские острова, что нам пришлось дополнить наши действия против ограниченного объекта отправкой нашего основного боевого флота удерживать выход из Балтийского моря от опасности неограниченного контрудара.⁸

Не имеет большого значения, руководствовались ли японцы этим принципом с самого начала войны. Основные соображения заключаются в том, что при таком благоприятном территориальном объекте, как Корея, была возможна ограниченная война в ее самой грозной форме, что война действительно развивалась по ограниченным направлениям и что она была полностью успешной. Не дожидаясь закрепления господства на море, Япония начала с внезапного захвата Сеула, а затем под прикрытием незначительных операций флота приступила к завершению оккупации Кореи. Когда она перешла ко второму этапу, к защите своего завоевания, еще больше проявилась замечательная природа ее географического объекта. Теоретическая слабость ограниченной войны на данном этапе заключается в приостановке ваших наступательных действий. Но в данном случае такой арест не был ни необходимым, ни возможным, и по этим причинам. Для обеспечения безопасности завоевания необходимо не только сделать корейскую границу неприкосновенной, но и надолго изолировать Корею с моря. Это повлекло за собой уничтожение русского флота, а это, в свою очередь, повлекло за собой взятие Порт-Артура военными средствами. Таким образом, на втором этапе Япония оказалась вовлеченной в два направления операций с двумя различными целями: Порт-Артур и русская армия, которая медленно концентрировалась в Маньчжурии — совершенно порочная ситуация. Однако географическое расположение театра военных действий было настолько удачным, что благодаря оперативности и смелому использованию необитаемого моря его можно было свести к чему-то гораздо более правильному. Продолжив наступление корейской армии в Маньчжурию и высадив еще один десант между ней и порт-артурской армией, можно было сконцентрировать три корпуса, и порочное разделение направлений операций пошло на пользу. Их можно было бы объединить таким образом, чтобы создать угрозу охватывающей контратаки на Ляоян до того, как удастся завершить сосредоточение наступательных сил русских. Ляоян был не только пунктом сосредоточения русских войск, но и надежной позицией как для защиты Кореи, так и для прикрытия осады Порт-Артура. Будучи захваченным, он дал японцам все преимущества обороны и вынудил русских истощить себя в наступательных операциях, которые были выше их сил. Это преимущество было получено не только на берегу. Успех этой системы, кульминацией которого стало падение Порт-Артура, пошел еще дальше. Это не только обеспечило Японии относительное превосходство на море, но и позволило ей перейти к морской обороне и, таким образом, навязать России окончательное военно-морское решение, используя все преимущества времени, места и силы в свою пользу.

В результате Цусимского сражения территориальный объект был полностью изолирован с моря, и позиция Японии в Корее стала такой же неприступной, как позиция Веллингтона при Торрес-Ведрасе. Все, что оставалось, — это перейти к третьему этапу и продемонстрировать России, что принятие создавшейся ситуации было больше в ее интересах, чем дальнейшие попытки ее разрушить. На этом завершилось последнее наступление на Мукден, и Япония добила своего,

не успев разгромить своего врага. Наступательная мощь России никогда не была столь велика, в то время как наступательная мощь Японии была почти, если не совсем, исчерпана.

При таком подходе дальневосточная борьба рассматривается как развивающаяся по тем же линиям, что и все наши великие морские войны прошлого, которые континентальные стратеги так упорно исключали из области своих исследований. В нем представлены обычные три фазы — начальное наступательное движение с целью захвата территориального объекта, вторичная фаза, которая вынуждает к ослабленному наступлению на противника, и заключительная стадия давления, на которой происходит возврат к наступлению "в соответствии", как выразился Жомини, "с обстоятельствами и вашими относительными силами, чтобы добиться желаемой уступки".

Конечно, не следует требовать, чтобы эти этапы всегда были четко определены. Стратегический анализ никогда не может дать точных результатов. Он нацелен только на приближения, на группировки, которые будут служить руководством, но всегда оставляют многое на усмотрение. Три фазы русско-японской войны, хотя и были необычайно четко определены, постоянно накладывались друг на друга. Так и должно быть; ибо на войне эффект операции никогда не ограничивается пределами ее непосредственного или первичного замысла. Таким образом, оккупация Кореи имела вторичный оборонительный эффект, заключавшийся в прикрытии родной страны, в то время как первоначальный удар, нанесенный адмиралом Того в Порт-Артуре для прикрытия основного наступательного движения, оказался, благодаря деморализации, которую он вызвал в русском флоте, отличным шагом во вторичной фазе изоляции завоевателя. На более поздних этапах войны грань между тем, что было необходимо для создания второй фазы совершенствования изоляции, и третьей фазой общего давления, кажется, стала очень размытой.

Именно на этом этапе японская стратегия подверглась наиболее суровой критике, и именно здесь они, похоже, утратили концепцию ограниченной войны, если на самом деле они когда-либо твердо усвоили эту концепцию в том виде, в каком ее понимал Питт-старший. Утверждалось, что в своем стремлении нанести удар по главной армии противника они пренебрегли выделением достаточных сил для взятия Порт-Артура, что было важным шагом для завершения второго этапа. Независимо от того, сделали ли обстоятельства дела такое распределение сил неизбежным или это было вызвано неправильным расчетом трудностей, результатом стало самое дорогостоящее отступление. Ибо это не только повлекло за собой огромную потерю времени и человеческих жизней в самом Порт-Артуре, но и когда июньская вылазка русского флота выявила их ошибку, наступление на Ляоян пришлось отложить, и возможность нанести решающий контрудар по сосредоточению противника на берегу была упущена.

Это несчастье, которое так дорого обошлось японцам, возможно, по крайней мере частично, объясняется континентальным влиянием, в условиях которого обучалась их армия. Мы, по крайней мере, можем проследить неограниченный кругозор на страницах истории немецкого персонала. При рассмотрении японского плана операций предполагается, что оккупация Кореи и изоляция Порт-Артура были лишь предварительными шагами к концентрическому наступлению на Ляоян, "которое рассматривалось как первая цель операций на суше". Но, несомненно, по любой теории войны первой целью японцев на суше был Сеул, где они ожидали провести свою первую важную операцию против войск, наступающих с Ялу; и, несомненно, их

второй целью был Порт-Артур с его флотом и арсеналом, которые они рассчитывали взять с немногим большими трудностями, чем те, с которыми они столкнулись десять лет назад в борьбе с китайцами. Таков, по крайней мере, был фактический ход событий, и критика, которая рассматривает операции такого масштаба и чрезвычайной важности как простые случаи стратегического развертывания, может быть объяснена только господством наполеоновской идеи войны, против универсального применения которой так торжественно протестовал Клаузевиц. Это работа людей, которые испытывают естественные трудности при разработке плана войны, который не завершится в Йене или Седане. Это точка зрения, несомненно, порождение теории, не имеющая никакого отношения к действительности рассматриваемой войны и не дающая объяснения ее конечному успеху. Правда в том, что до тех пор, пока японцы действовали по принципам ограниченной войны, изложенным Клаузевицем и Жомини и явно выводимым из нашего собственного богатого опыта, их успехи превосходили все их ожидания, но как только они отошли от них и позволили спутать себя с континентальными теориями, они были удивлены необъяснимой неудачей.

Выражение "Ограниченная война", без сомнения, не совсем удачно. Однако не было найдено другого выражения, которое бы выражало идеи ограниченной цели и ограниченного интереса, которые являются ее особыми характеристиками. Тем не менее, если рассматривать приведенный выше пример как типичный случай, значение термина не будет ошибочным. Остается только подчеркнуть один важный момент. Тот факт, что доктрина ограниченной войны противоречит нынешнему убеждению, что нашей главной целью всегда должны быть вооруженные силы противника, может привести к ложному выводу, что она также отвергает следствие о том, что война означает использование сражений. Ничто не является более далеким от концепции. Какой бы ни была форма войны, маловероятно, что мы когда-либо вернемся к старой логике попыток решать войны с помощью маневров. Все формы в равной степени требуют использования сражений. Согласно нашей фундаментальной теории, война всегда является "продолжением политических контактов, в которых боевые действия заменяют написание записок". Каким бы сильным ни было контролирующее влияние политической цели, оно никогда не должно заслонять тот факт, что именно борьбой мы должны достичь своей цели.

Настаивать на этом тем более необходимо, что идею сделать часть территории своей целью можно спутать со старым методом ведения войны, при котором армией доводилось маневрировать для завоевания стратегических позиций, а сражение стало рассматриваться почти как признак плохого полководческого мастерства. С таким парадом ограниченная война не имеет ничего общего. Ее ведение отличается от ведения неограниченной войны только тем, что вместо того, чтобы уничтожать всю мощь сопротивления нашего врага, нам нужно уничтожить только ту часть его активных сил, которую он способен или желает задействовать, чтобы предотвратить или прекратить нашу оккупацию данного территориального объекта.

Таким образом, первое соображение при вступлении в такую войну - попытаться определить, каковы будут силы. Это будет зависеть, во-первых, от важности, которую противник придает ограниченному объекту, в сочетании с характером и масштабом его забот в других местах, и, во-вторых, это будет зависеть от естественных трудностей на его линиях связи и от степени, до которой мы можем увеличить эти трудности путем проведения наших первоначальных операций. Следовательно, при благоприятных обстоятельствах (и в этом заключается великая ценность ограниченной формы) мы можем контролировать количество силы, с которой нам придется столкнуться. Наиболее благоприятные обстоятельства и единственные

обстоятельства, которыми мы сами можем воспользоваться, - это такие, которые допускают более или менее полную изоляцию объекта морскими действиями, и такая изоляция никогда не может быть установлена, пока мы полностью не разгромим военно-морские силы противника.

Итак, здесь мы вступаем в область военно-морской стратегии. Теперь мы можем оставить позади теорию войны в целом и, чтобы проложить путь к нашим окончательным выводам, уделить наше внимание теории морской войны в частности.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ТЕОРИЯ МОРСКОЙ ВОЙНЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТЕОРИЯ ОБЪЕКТА—ГОСПОДСТВА НА МОРЕ

Целью морской войны всегда должно быть, прямо или косвенно, либо обеспечение господства на море, либо предотвращение захвата его противником.

Вторая часть предложения должна быть отмечена с особой тщательностью, чтобы исключить привычку думать, которая является одним из самых распространенных источников ошибок в военно-морских спекуляциях. Эта ошибка заключается в самом общем предположении, что, если одна воюющая сторона теряет господство на море, оно немедленно переходит к другой воюющей стороне. Самого беглого изучения военно-морской истории достаточно, чтобы выявить ложность такого предположения. Это говорит нам о том, что наиболее распространенной ситуацией в морской войне является то, что ни одна из сторон не имеет командования; что нормальная позиция - это не контролируемое море, а необитаемое море. Простое утверждение, которое никто не отрицает, что целью морской войны является получение господства на море, на самом деле подразумевает предположение о том, что командование обычно оспаривается. Именно это состояние спора больше всего касается военно-морской стратегии, поскольку, когда командование теряется или выигрывается, чистой военно-морской стратегии приходит конец.

Эта истина настолько очевидна, что вряд ли о ней стоило бы упоминать, если бы не постоянное повторение таких фраз, как: "Если бы Англия потеряла господство на море, с ней было бы

покончено". Ошибочность этой идеи заключается в том, что она игнорирует силу стратегической обороны. Это предполагает, что если перед лицом какой-то экстраординарной враждебной коалиции или по какой-то экстраординарной случайности мы окажемся без достаточных сил, чтобы сохранить командование, мы, следовательно, должны быть слишком слабы, чтобы помешать врагу получить его - отрицание всей теории войны, которая, по крайней мере, требует большей поддержки, чем когда-либо получала.

И это предположение является не только отрицанием теории; это отрицание как практического опыта, так и выраженного мнения наших величайших учителей. Мы сами с успехом использовали оборону на море, как при Вильгельме Третьем, так и в Войне за независимость Америки, в то время как в наших длительных войнах с Францией она обычно использовала ее таким образом, что иногда в течение многих лет, хотя у нас был значительный перевес, мы не могли получить командование и в течение многих лет были неспособны осуществить наш план ведения войны без серьезных помех со стороны ее флота.

Оборона на море отнюдь не является незначительным фактором или даже просто пагубной ересью, которой ее обычно представляют, она, конечно, присуща любой войне, и, как мы видели, первостепенные вопросы стратегии как на море, так и на суше зависят от относительных возможностей наступления и обороны и от относительных пропорций, в которых каждое из них должно входить в наш план войны. На море самая могущественная и агрессивно настроенная воюющая сторона может избежать чередующихся периодов обороны, которые являются результатом неизбежных остановок наступательных действий, не больше, чем их можно избежать на суше. Следовательно, необходимо подумать об обороне; но прежде чем мы сможем сделать это с пользой, мы должны продолжить наш анализ фразы "Господство на море" и точно установить, что именно мы подразумеваем под этим на войне.

Во-первых, "господство на море" по своим стратегическим условиям не тождественно завоеванию территории. Вы не можете переходить от одного к другому, как это слишком часто делается. Такие фразы, как "Завоевание водной территории" и "Превращение побережья противника в нашу границу", имели свое применение и значение в устах тех, кто их сформулировал, но на самом деле это всего лишь риторические выражения, основанные на ложной аналогии, а ложная аналогия не является надежной основой для теории войны.

Аналогия неверна по двум причинам, обе из которых имеют существенное значение для ведения морской войны. Вы не можете завоевать море, потому что оно не подлежит владению, по крайней мере, за пределами территориальных вод. Вы не можете, как говорят юристы, "превратить его во владение", потому что вы не можете исключить из него нейтралов, как вы можете исключить из завоеванной вами территории. Во-вторых, вы не можете содержать на нем свои вооруженные силы так, как вы можете на территории противника. Таким образом, очевидно, что делать выводы из предположения, что господство на море аналогично завоеванию территории, ненаучно и наверняка приведет к ошибке.

Единственный безопасный метод - выяснить, что именно мы можем обеспечить для себя, и в чем мы можем отказать врагу, господствуя на море. Теперь, если мы исключим права на рыболовство, которые не имеют отношения к данному вопросу, единственное право, которое мы или наш враг можем иметь на море, - это право прохода; другими словами, единственное положительное значение, которое открытое море имеет для национальной жизни, - это как средство коммуникации. Для активной жизни нации такие средства могут значить многое или

мало, но для каждого морского государства они имеют определенную ценность. Следовательно, лишая врага этого средства передвижения, мы препятствуем развитию его национальной жизни на море таким же образом, как мы препятствуем этому на суше, оккупируя его территорию. Пока аналогия верна, но не более того.

Вот и все о положительном значении моря в жизни страны. У него есть и отрицательное значение. Ибо это не только средство коммуникации, но, в отличие от средств связи на берегу, это еще и барьер. Завоевав господство на море, мы убираем этот барьер с нашего собственного пути, тем самым ставя себя в положение, позволяющее оказывать прямое военное давление на национальную жизнь нашего врага на берегу, и в то же время мы укрепляем его против него и предотвращаем оказание им прямого военного давления на нас самих.

Следовательно, командование на море означает не что иное, как контроль над морскими коммуникациями, будь то в коммерческих или военных целях. Целью морской войны является контроль над коммуникациями, а не завоевание территории, как в сухопутной войне. Разница фундаментальна. Правда, справедливо говорят, что стратегия на берегу - это в основном вопрос коммуникаций, но это коммуникации в другом смысле. Эта фраза относится к коммуникациям только армии, а не к более широким коммуникациям, которые являются частью жизни нации.

Но на суше также существуют своего рода коммуникации, необходимые для жизни страны, — внутренние коммуникации, соединяющие пункты распределения. Здесь мы снова касаемся аналогии между двумя видами войны. Сухопутная война, как признают самые преданные приверженцы современных взглядов, не может быть достигнута одними военными победами. Уничтожение сил вашего противника наверняка ничего не даст, если у вас не будет в резерве достаточных сил для завершения оккупации его внутренних коммуникаций и основных пунктов распределения. Эта власть - настоящий плод победы, сила, способная задушить всю национальную жизнь. Только после того, как это будет сделано, энергичная нация, все сердце которой отдано войне, согласится заключить мир и исполнить вашу волю. Точно таким же образом морское командование работает в направлении мира, хотя, конечно, гораздо менее принудительным образом, против континентального государства. Перекрывая ее морские коммуникации и закрывая пункты распределения, в которых они заканчиваются, мы разрушаем национальную жизнь на плаву и тем самым сдерживаем жизнеспособность этой жизни на берегу, поскольку одно зависит от другого. Таким образом, мы видим, что до тех пор, пока мы сохраняем за собой власть и право прекращать морское сообщение, аналогия между господством на море и завоеванием территории в этом аспекте очень близка. И эта аналогия имеет огромное практическое значение, поскольку в ней затрагивается самый животрепещущий вопрос морской войны, который будет полезно рассмотреть в этом месте.

Очевидно, что если целью морской войны является контроль над коммуникациями, то она должна предусматривать право запрещать, если это возможно, проход как общественной, так и частной собственности по морю. В настоящее время единственным средством, которым мы располагаем для обеспечения такого контроля над коммерческими коммуникациями на море, является в крайнем случае захват или уничтожение морского имущества. Такой захват или уничтожение - это наказание, которое мы налагаем на нашего врага за попытку использовать коммуникации, которые он не контролирует. На языке юриспруденции это высшая санкция запрета, которую мы стремимся обеспечить. Нынешний термин "Уничтожение торговли" на

самом деле не является логическим выражением стратегической идеи. Чтобы прояснить позицию, мы должны сказать "Предотвращение торговли".

Методы этого "Предотвращения торговли" имеют не больше отношения к старой и варварской идее грабежа и репрессий, чем упорядоченные реквизиции на берегу к старой идее грабежа и разорения. Ни одна форма войны на самом деле не причиняет так мало человеческих страданий, как захват собственности на море. Это больше похоже на судебный процесс, такой как возмещение ущерба за аренду, или исполнение судебного решения, или арест судна, чем на военную операцию. Когда-то, правда, это было не так. Во времена каперов это слишком часто сопровождалось, особенно в Средиземноморье и Вест-Индии, прискорбной жестокостью и беззаконием, и существование таких злоупотреблений было реальной причиной общего согласия с Парижской декларацией, которой каперство было отменено.

Но это была не единственная причина. Идея каперства была пережитком примитивной и ненаучной концепции войны, которая в основном определялась общим стремлением нанести своему врагу как можно больший ущерб и отомстить за зло, которое он тебе причинил. К тому же классу идей относилась практика грабежа и опустошения на берегу. Но ни один из этих методов войны не был отменен по гуманитарным причинам. Они действительно исчезли как обычная практика еще до того, как мир начал говорить о человечности. Их отменили, потому что война стала более научной. Никто не отрицал права на грабеж и разорение. Но было обнаружено, что грабеж деморализует ваши войска и делает их непригодными к боевым действиям, а опустошение оказалось менее мощным средством принуждения вашего врага, чем эксплуатация оккупированной страны посредством регулярных реквизиций для снабжения вашей собственной армии и увеличения дальности ее наступления. Короче говоря, реформа возникла из желания использовать ресурсы вашего врага для вашего собственного использования, вместо того чтобы бессмысленно растрачивать их.

Подобным же образом каперство всегда оказывало изнуряющее воздействие на наши собственные регулярные силы. Это значительно усложнило укомплектование военно-морского флота, а случайные крупные прибыли оказывали деморализующее влияние на командиров отдельных крейсеров. Это имело тенденцию поддерживать средневековый корсарский дух за счет современного военного духа, который позволял вести прямые операции против вооруженных сил противника. Было неизбежно, что по мере того, как новое общественное движение набирало силу, оно должно было нести с собой убеждение, что для действий против морской торговли спорадические нападения никогда не могли быть столь эффективными, как организованная система операций по обеспечению реального стратегического контроля над морскими коммуникациями противника. Более трезвый взгляд на войну показал, что то, что можно назвать тактической торговой блокадой, то есть блокадой портов, может быть расширено и дополнено стратегической блокадой великих торговых путей. В моральном принципе между ними нет разницы. Признайте принцип тактической или ближней блокады, и, как между воюющими сторонами, вы не можете осуждать принцип стратегической или дистанционной блокады. За исключением их воздействия на нейтральных лиц, между ними нет никакой юридической разницы.

Почему, в самом деле, этот гуманный, но радикальный процесс ведения войны должен отвергаться на море, если то же самое допускается на суше? Если на суше вы допускаете контрибуции и реквизиции, если вы разрешаете оккупацию городов, портов и внутренних

коммуникаций, без чего ни одно завоевание не является полным и ни одна эффективная война невозможна, почему вы должны отказываться от подобной процедуры на море, где она причиняет гораздо меньше страданий людям? Если вы отказываетесь от права контроля над коммуникациями на море, вы также должны отказаться от права на суше. Если вы признаете право взносов на суше, вы должны признать право захвата на море. В противном случае вы предоставите военным державам крайние права ведения войны и не оставите морским державам вообще никаких эффективных прав. Их окончательный аргумент исчезнет.

Поскольку идея отмены частного отлова на море является гуманитарной и поскольку она основывается на вере в то, что это укрепило бы наши позиции как торгового морского государства, пусть к ней отнесутся с честью. Но, насколько уже высказались его сторонники, это предложение, по-видимому, основано на двух заблуждениях. Во-первых, вы можете избежать нападения, лишив себя силы нападения и полагаясь только на оборону, а во-вторых, идея о том, что война полностью состоит из сражений между армиями или флотами. Это игнорирует фундаментальный факт, что сражения - это всего лишь средство, позволяющее вам делать то, что действительно приводит к прекращению войн, то есть оказывать давление на граждан и их коллективную жизнь. "После разгрома основной армии противника, - говорит Фон дер Гольц, - перед нами все еще стоит принудительное заключение мира как отдельная и, при определенных обстоятельствах, более трудная задача ... заставить страну противника ощутить бремя войны с такой тяжестью, чтобы возобладало стремление к миру. Именно в этом пункте Наполеон потерпел неудачу.... Возможно, потребуется захватить гавани, торговые центры, важные транспортные магистрали, укрепления и арсеналы, другими словами, все важное имущество, необходимое для существования народа и армии".

Таким образом, если нас лишат права использовать аналогичные средства на море, объект, за который мы ведем сражения, практически перестанет существовать. Как бы мы ни разгромили вражеский флот, ему будет ненамного хуже. Мы откроем путь для вторжения, но любая из великих континентальных держав может посмеяться над нашими попытками вторгнуться в одиночку. Если мы не сможем пожать плоды нашего успеха, ослабив его национальную деятельность на море, нам будет отказано в единственном законном средстве давления, имеющемся в наших силах. Наш флот, если он продолжит второстепенные операции, необходимые для принуждения к миру, будет вынужден прибегнуть к таким варварским средствам, как бомбардировка портовых городов и разрушительные набеги на вражеские побережья.

Если бы средства давления, которые следуют за успешными боевыми действиями, были отменены как на суше, так и на море, в пользу изменения был бы такой аргумент, что это, возможно, означало бы для цивилизованных государств полное прекращение войны; ибо война стала бы настолько бессильной, что никто не захотел бы в нее ввязываться. Это было бы дело регулярных армий и флотов, которое мало волновало людей. Международные ссоры, как правило, принимали форму средневековых частных споров, которые разрешались чемпионами в судебном порядке, абсурд, который быстро привел к господству чисто юридической процедуры. Если бы международные распри могли развиваться таким же образом, человечество продвинулось бы далеко вперед. Но мир едва ли созрел для такой революции. Между тем, отмена права на вмешательство в движение частной собственности на море без отмены соответствующего права на берегу лишь нанесла бы ущерб целям гуманитариев. Великий сдерживающий фактор, самый мощный сдерживающий фактор в войне, исчезнет.

Именно торговля и финансы сейчас более чем когда-либо контролируют или сдерживают внешнюю политику государств. Если торговля и финансы могут потерпеть поражение в результате войны, их влияние на мирное решение будет велико; и до тех пор, пока существует право частного захвата на море, они могут проиграть в каждой морской войне немедленно и неизбежно, каким бы ни был конечный результат. Отмените это право, и этот сдерживающий фактор исчезнет; более того, они даже смогут получить немедленную выгоду благодаря внезапному увеличению государственных расходов, которое повлекут за собой военные действия, и расширению морской торговли, которое создадут потребности вооруженных сил. Любые такие потери, которые должна немедленно нанести морская война в существующих условиях, будут незначительными, если вмешательство в собственность будет ограничено сушей. Они никогда не будут по-настоящему серьезными, кроме как в случае полного поражения, а никто не вступает в войну, ожидая поражения. Именно в надежде на победу и завоевание рождаются агрессивные войны. Страх быстрой и неминуемой потери - их самая верная профилактика. Тогда человечество, несомненно, будет остерегаться того, что в слишком поспешном стремлении к мирным идеалам оно бросает лучшее оружие, которое у него есть для борьбы со злом, которое оно пока не в силах уничтожить.

Следовательно, в дальнейшем предполагается рассматривать право частного отлова на море как все еще действующее. Без этого, действительно, морская война почти немыслима, и в любом случае ни у кого нет опыта применения такого урезанного метода ведения войны, на котором можно было бы основать плодотворное изучение.

Таким образом, основной метод, с помощью которого мы используем победу или превосходство на море и применяем его к населению противника для обеспечения мира, заключается в захвате или уничтожении собственности противника, будь то государственной или частной. Но сравнивая этот процесс с аналогичной оккупацией территории и взиманием контрибуций и реквизиций, мы должны заметить заметную разницу. Оба процесса представляют собой то, что можно назвать экономическим давлением. Но на берегу экономическое давление может быть оказано только в результате победы или завоеванного господства в результате военного успеха. На море процесс начинается сразу. Действительно, чаще всего первым враждебным актом в морских войнах был захват частной собственности на море. В некотором смысле это справедливо и на берегу. Первым шагом захватчика после пересечения границы будет установление контроля в меньшей или большей степени над той частной собственностью, которую он в состоянии использовать в своих целях. Но такое вмешательство в частную собственность по сути является военным актом и не относится к вторичной фазе экономического давления. На море это происходит, и причина, по которой это должно быть так, кроется в определенных фундаментальных различиях между сухопутной и морской войной, которые подразумеваются в коммуникационной теории морской войны.

Чтобы прояснить этот момент, необходимо повторить, что морские коммуникации, которые лежат в основе идеи господства на море, не являются аналогом военных коммуникаций в обычном понимании этого термина. Военные коммуникации относятся исключительно к армейским линиям снабжения и отступления. Морские коммуникации имеют более широкое значение. Хотя фактически они охватывают линии снабжения флота, по стратегическим ценностям они соответствуют не военным линиям снабжения, а тем внутренним линиям связи, с помощью которых поддерживается течение национальной жизни на берегу. Следовательно, морские коммуникации находятся на совершенно иной основе, чем сухопутные. На море

коммуникации по большей части являются общими для обеих воюющих сторон, тогда как на берегу каждая имеет свои собственные коммуникации на своей территории. Стратегический эффект имеет далеко идущее значение, поскольку он означает, что на море стратегическое наступление и оборона, как правило, сливаются таким образом, который неизвестен на берегу. Поскольку морские коммуникации являются обычным явлением, мы, как правило, не можем атаковать коммуникации противника, не защищая свои собственные. В военных операциях правилом является обратное. Обычно атака на коммуникации нашего противника приводит к разоблачению его собственных.

Теория общих коммуникаций станет понятной на примере. Во время наших войн с Францией наши коммуникации со Средиземным морем, Индией и Америкой пролегли от устья Ла-Манша мимо Финистерре и Сент-Винсента; а коммуникации Франции, по крайней мере из ее атлантических портов, были идентичными почти на всем своем протяжении. В наших войнах с голландцами идентичность была еще более тесной. Даже в случае с Испанией ее великие торговые пути на большей части своей протяженности проходили по тем же линиям, что и наши собственные. Следовательно, первые шаги, которые мы обычно предпринимали для защиты нашей торговли путем занятия этих линий, давали нам возможность атаковать торговлю нашего противника. Такая же ситуация возникала даже тогда, когда наши начальные позиции были разработаны для защиты от внутреннего вторжения или от нападений на наши колонии, поскольку позиции, которые наш флот должен был занимать для достижения этих целей, всегда находились на терминалах и фокусных точках торговых путей или около них. Была ли нашей непосредственной целью привести в действие основные флоты противника или оказать экономическое давление, это не имело большого значения. Если противник в равной степени стремился вступить в бой, то мы были почти уверены, что установим контакт именно в одном из конечных или фокусных районов. Если он хотел избежать принятия решения, лучший способ заставить его действовать - занять его торговые пути в тех же жизненно важных точках.

Таким образом, получается, что, в то время как на суше процесс экономического давления, по крайней мере в современной концепции войны, должен начинаться только после решающей победы, на море он начинается автоматически с самого начала. Действительно, такое давление может быть единственным средством навязывания решения, к которому мы стремимся, что станет более ясно, когда мы перейдем к рассмотрению другого фундаментального различия между войной на суше и на море.

Между тем мы можем отметить, что на море использование экономического давления с самого начала оправдано по двум причинам. Первое, как мы видели, заключается в экономии средств на использовании наших оборонительных позиций для атаки, когда атака не подрывает эти позиции, и она не разрушит их, если крейсера флота будут действовать сдержанно. Во-вторых, вмешательство в торговлю противника имеет два аспекта. Это не только средство оказания вторичного экономического давления, это также основное средство для свержения силы сопротивления противника. Войны не решаются исключительно военной и военно-морской силой. Финансы едва ли менее важны. При прочих равных условиях выигрывает тот, у кого кошелек длиннее. Это даже много раз исправляло неблагоприятный баланс вооруженных сил и давало победу физически более слабой державе. Следовательно, все, чего мы можем добиться для нанесения ущерба финансам нашего врага, является прямым шагом к его свержению, и

самое эффективное средство, которое мы можем использовать с этой целью против морского государства, - это лишить его ресурсов морской торговли.

Следовательно, будет видно, что в морской войне, как бы тщательно мы ни концентрировали наши усилия на уничтожении вооруженных сил нашего противника как прямого средства к его свержению, было бы глупостью сдерживать наши действия, когда появляются возможности, а они появятся автоматически, для подрыва его финансового положения, от которого в значительной степени зависит дальнейшая мощь этих вооруженных сил. Таким образом, захват морских коммуникаций нашего противника и связанные с ним конфискационные операции являются в некотором смысле первичными операциями, а не второстепенными, как на суше.

Итак, таковы абстрактные выводы, к которым мы приходим в нашей попытке проанализировать идею господства на море и уточнить ее как контроль над общими коммуникациями. Их конкретная ценность проявится, когда мы перейдем к рассмотрению различных форм, которые могут принимать военно-морские операции, таких как "поиск флота противника", блокада, нападение и защита торговли, а также обеспечение безопасности объединенных экспедиций. Пока остается разобраться с различными видами морского командования, вытекающими из идеи коммуникации.

Если целью морского командования является контроль над коммуникациями, очевидно, что оно может существовать в различной степени. Возможно, мы сможем контролировать все общие коммуникации либо в результате большого первоначального перевеса, либо в результате решающей победы. Если мы недостаточно сильны для этого, мы все равно можем контролировать некоторые коммуникации; то есть наш контроль может быть общим или локальным. Каким бы очевидным ни был этот тезис, его необходимо подчеркнуть из-за ставшей популярной максимы о том, что "море - это все одно". Как и другие максимы подобного рода, она передает истину, за которой тянется шлейф ошибок. Содержащаяся в нем истина, по-видимому, заключается просто в том, что, как правило, местный контроль может помочь нам лишь временно, поскольку до тех пор, пока у противника где-либо есть достаточный флот, теоретически в его силах свергнуть наш контроль над любым особым морским районом.

На самом деле это не более чем риторическое выражение, используемое для подчеркивания высокой мобильности флотов в отличие от армий и отсутствия физических препятствий, ограничивающих эту мобильность. То, что эта жизненно важная особенность морской войны должна быть освящена в максиме, хорошо, но когда это карикатурно превращают в доктрину, как это иногда бывает, что вы не можете перебросить батальон за море, пока полностью не разгромите флот противника, это заслуживает виселицы. Столь же мудро было бы считать, что на войне вы никогда не должны ничем рисковать.

По-видимому, именно дурное влияние этой пародийной сентенции имело большое отношение к ограниченной и робкой стратегии американцев в их последней войне с Испанией. У них было достаточно военно-морских сил, чтобы обеспечить такое местное и временное господство в Мексиканском заливе, которое оправдывало их немедленную переброску всех войск, которые у них были наготове, на Кубу для поддержки повстанцев в соответствии с их планом ведения войны. Они также располагали достаточными силами для обеспечения того, чтобы связь с экспедиционным корпусом не могла быть прервана навсегда. И все же, поскольку у испанцев где-то в море был непобежденный флот, они колебались и чуть не погибли. У японцев не было таких иллюзий. Не нанеся никакого морского удара и имея вражеский флот фактически в

пределах театра военных действий, они начали свои основные военные действия за морем, довольные тем, что, хотя они, возможно, и не смогут обеспечить контроль над линией прохода, они были в состоянии лишить противника эффективного контроля. Наша собственная история полна подобных операций. Есть множество случаев, когда результаты, обещанные успешным военным ударом за морем, до того, как было получено постоянное командование, были достаточно велики, чтобы оправдать риск, который, как и японцы, мы знали, как свести к минимуму, разумно используя наше выгодное географическое положение и определенную систему защиты, с которой нужно будет разобраться позже.

Таким образом, для разработки плана войны или кампании необходимо исходить из того, что командование может существовать в различных состояниях или степенях, каждая из которых имеет свои особые возможности и ограничения. Оно может быть общим или местным, постоянным или временным. Общее командование может быть постоянным или временным, но простое местное командование, за исключением очень благоприятных географических условий, вряд ли когда-либо следует рассматривать как более чем временное, поскольку обычно оно всегда может быть прервано с других театров военных действий, пока противник обладает эффективными военно-морскими силами.

Наконец, следует отметить, что даже постоянное общее командование никогда не может на практике быть абсолютным. Никакое военно-морское превосходство не может обеспечить наши коммуникации от спорадических атак отдельных крейсеров или даже рейдовых эскадр, если ими смело руководить и они готовы рисковать уничтожением. Даже после того, как решающая победа Хоука при Кибероне завершила разгром морских сил противника, британский транспорт был захвачен между Корком и Портсмутом, а "Индиец" находился в поле зрения "Лизарда", в то время как жалобы Веллингтона на полуострове на ненадежность его коммуникаций хорошо известны.⁹ Под общим и постоянным контролем мы не подразумеваем, что противник ничего не может сделать, но что он не может вмешиваться в нашу морскую торговлю и заграничные операции настолько серьезно, чтобы повлиять на исход войны, и что он не может вести свою собственную торговлю и операции иначе, как с таким риском, чтобы исключить их из поля практической стратегии. Другими словами, это означает, что противник больше не может эффективно атаковать наши проходы и коммуникации и что он не может использовать или защищать свои собственные.

Чтобы дополнить наше оборудование для оценки любой ситуации, для которой должны быть разработаны операции, необходимо помнить, что когда команда находится в споре, общие условия могут создавать стабильное или неустойчивое равновесие. Возможно, ни одна из сторон не имеет сколько-нибудь заметного перевеса. Также может быть, что перевес на нашей стороне, а может быть, что он на стороне врага. Такое превосходство, конечно, не будет полностью зависеть от фактической относительной силы, физической или моральной, но будет зависеть от взаимосвязи военно-морских позиций и сравнительного удобства их расположения по отношению к объекту войны или кампании. Под военно-морскими позициями мы подразумеваем, во-первых, военно-морские базы и, во-вторых, терминалы крупных линий связи или торговых путей и центральные районы, где они имеют тенденцию сходиться, как в Финистерре, Гибралтаре, Суэце, Кейптауне, Сингапуре и многих других.

От степени и распределения этого перевеса в целом будет зависеть, в какой степени наши планы будут руководствоваться идеей защиты или нападения. Вообще говоря, преобладающей

стороне будет выгодно как можно быстрее добиться принятия решения, с тем чтобы прекратить состояние спора. И наоборот, более слабая сторона, как правило, будет стремиться избежать или отложить принятие решения в надежде на то, что сможет с помощью незначительных операций, вероятности войны или привлечения свежих сил изменить баланс сил в свою пользу. Такова была линия, которую Франция часто проводила в своих войнах с нами, иногда законно, но иногда доходя до таких крайностей, что серьезно деморализовывала свой флот. Ее опыт привел к поспешному выводу, что оборона на море даже для более слабой державы является несомненным злом. Такой вывод противоречит фундаментальным принципам войны. Бесплезно исключать использование выжидательной позиции, потому что само по себе это не может привести к окончательному успеху, и потому что чрезмерное использование приводит к деморализации и потере воли к атаке. Это неправильное представление, по-видимому, возникло из-за того, что авторы настаивали на недостатках обороны, стремясь убедить свою страну подготовить в мирное время достаточные военно-морские силы, чтобы оправдать наступление с самого начала.

Определив теперь фундаментальные принципы, лежащие в основе идеи господства на море, мы можем рассмотреть, каким образом создаются флоты, чтобы приспособить их к выполнению поставленных задач.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТЕОРИЯ СРЕДСТВ—СТРУКТУРА ФЛОТОВ

Во все эпохи военно-морских войн боевые корабли проявляли тенденцию к разделению на группы в соответствии с основной функцией, для выполнения которой был разработан каждый класс. Эти группировки или классификации - это то, что подразумевается под составом флота. Тройственное разделение на линкоры, крейсера и флотилии так долго доминировало в военно-морской мысли, что мы привыкли считать это нормальным и даже необходимым. Может быть, это и так, но такая классификация ни в коем случае не была постоянной. Другие идеи устройства флота не только существовали, но и выдерживали испытание войной в течение длительных периодов, и игнорировать такие факты ненаучно и небезопасно, если мы хотим прийти к обоснованной доктрине.

Истина заключается в том, что классы кораблей, составляющие флот, являются или должны быть материальным выражением стратегических и тактических идей, преобладающих в любой данный момент времени, и, следовательно, они менялись не только в зависимости от идей, но и от материала, вошедшего в моду. Можно также сказать в более широком смысле, что они менялись в зависимости от теории войны, в которой более или менее сознательно доминировала военно-морская мысль. Верно, что немногие века формулировали теорию войны или даже ясно осознавали ее влияние; но, тем не менее, такие теории существовали всегда, и

даже в своих самых туманных и неосязаемых формах, по-видимому, оказывали несомненное влияние на устройство флотов.

Возвращаясь к началу нового времени, мы отмечаем, что в начале шестнадцатого века, когда галерная война достигла своей кульминации, конституция состояла из трех частей, что имеет поверхностную аналогию с тем, что мы привыкли считать нормальным. Там были галеасы и тяжелые галеры, соответствующие нашим линейным кораблям, легкие галеры, соответствующие нашим крейсерам, в то время как флотилия была представлена небольшими "фрегатами", "бригантинами" и подобными судами, у которых не было команды рабов в качестве движителя, но которыми управляла боевая команда. Такие вооруженные парусные суда, какие тогда существовали, рассматривались как вспомогательные и составляли отдельную категорию, как брандеры и бомбовозы в период плавания и как минные заградители сейчас. Но параллель не должна быть чрезмерной. Функциональное различие между двумя классами галер было не так сильно выражено, как между более легкими судами и галерами; иными словами, научное разграничение между линейными кораблями и крейсерами еще не было так прочно разработано, как ему суждено было стать в более поздние времена, и галеры меньшего размера обычно занимали свое место в боевой линии.

С появлением парусного судна как типичного военного корабля появилась совершенно новая структура. Доминирующая классификация стала двоякой. Это была классификация на суда подчиненного движения с использованием парусов и суда свободного движения с использованием весел. Именно по этим принципам наш настоящий Королевский военно-морской флот был впервые организован Генрихом Восьмым, экспертом в военной науке, одним из самых передовых мастеров в Европе. В этой конституции, по-видимому, еще меньше, чем в конституции галерного периода, представления о радикальном различии между линейными кораблями и крейсерами. Поскольку флот Генриха был изначально спроектирован, практически все линейные корабли были парусными судами, хотя это правда, что когда французы пригнали галеры из Средиземного моря, он снабдил самых умных из них веслами. Конституция фактически была одним из линкоров и флотилий. Крейсеров в нашем понимании не было. Разведку флота вели "Гребные баржи" и недавно появившиеся "Пинасы" флотилии, в то время как для защиты торговли торговым судам обычно приходилось самим заботиться о себе, более крупные из них регулярно вооружались для собственной защиты.

Влияние этой двойной конституции продолжалось еще долго после того, как исчезли условия ее возникновения. Действительно, можно сказать, что оно продолжалось в течение двухсот лет во все меньшей степени. Во время голландских войн семнадцатого века, которые окончательно закрепили доминирующий статус парусного военного корабля, практически все настоящие парусные суда, то есть суда, не имевшие вспомогательного гребного движителя, заняли позиции в линии. "Фрегаты" того времени отличались от "Большого корабля" вовсе не по своим функциям, а только по конструкции. Однако к началу XVIII века старая тенденция к тройственной организации начала проявляться вновь, но только к середине столетия процесс развития можно было считать завершенным.

Вплоть до окончания войны за австрийское наследство — периода, который обычно считается периодом заметного упадка военно—морского искусства, — классификация наших более крупных парусных судов была чисто произвольной. "Ставки" (которые были введены во время

голландских войн) не имели никакого отношения к какой-либо философской концепции сложных обязанностей флота. В первом классе были 100-пушечные корабли; во втором, 90-пушечные корабли - все трехпалубные. До сих пор система оценок была достаточно надежной, но когда мы переходим к третьему рейтингу, мы обнаруживаем, что он включает 80-пушечные корабли, которые также были трехпалубными, в то время как основную массу остальных составляли 70-пушечные двухпалубные корабли. Четвертый курс также состоял из двухпалубных кораблей — слабых боевых единиц из 60 и 50 орудий — и это был самый крупный класс. Все эти четыре курса были классифицированы как линейные корабли. Ниже них шли пятые корабли, которые, хотя и использовались как крейсера, не имели четкого названия класса. На самом деле они отличались от линейных кораблей только степенью, будучи тесными двухпалубными кораблями из 44 и 40 орудий, и их следует рассматривать, поскольку они выражали какую-либо логическую идею морской войны, как предшественников "Промежуточного" класса, представленного в последующие эпохи 50-пушечными кораблями, а в наше время броненосными крейсерами. Единственный настоящий крейсер находился в шестом эшелоне, который состоял из небольших и слабо вооруженных 20-пушечных кораблей, и между ними и "Сороковыми" не было ничего. Ниже них, но опять же без какого-либо четкого разграничения, шли нерейтинговые шлюпы, представляющие флотилию.

В такой системе рейтингов нет логического различия ни между большими и малыми линкорами, ни между линкорами и крейсерами, ни между крейсерами и флотилией. Единственный заметный разрыв в постепенном снижении - это разрыв между 40-пушечными двухпалубными кораблями и 20-пушечными крейсерами. Поскольку эти последние суда, а также шлюпы использовали тралы для вспомогательного движения, мы вынуждены заключить, что единственной основой классификации была классификация, принятая Генрихом Восьмым, которая, какой бы разумной она ни была в его время, давно перестала иметь какое-либо реальное отношение к реальной морской войне.

Только при достопамятном правлении Энсона была восстановлена научная система рейтингов, и флот наконец принял логическую структуру, которую он сохранил до наших дней. В первых двух ставках появляется флагманский класс флота, трехпалубные корабли на 100 и 90 орудий соответственно. Все меньшие трехпалубные корабли исключаются. В следующих двух эшелонах у нас есть рядовой состав боевой линии, двухпалубники увеличенного размера, а именно семидесятичетырехметровые в третьем эшелоне и шестидесятичетырехметровые в четвертом. Здесь, однако, есть небольшой пробел в совершенстве системы, поскольку четвертый курс также включал 50-пушечные корабли с двумя палубами, которые в ходе Семилетней войны перестали рассматриваться как линейные корабли. Военный опыт исключал малые линкоры, и поэтому он требовал создания типа, промежуточного между линейными кораблями и крейсерами, с функциями которого нам придется иметь дело непосредственно. На практике эти подразделения вскоре сами по себе сформировали курс, в который, по той же тенденции, полвека спустя были обречены погрузиться 60-пушечные корабли.

Но наиболее значимой из всех реформ Энсона было введение настоящего крейсера, уже не небольшого линкора, а судна, специализированного по своим логическим функциям и отличающегося по конструкции как от боевых кораблей, так и от флотилии. Оба 40-пушечных и 20-пушечных типа были упразднены, и на их месте появились два крейсерских расчета, причем пятый состоял из 32-пушечных настоящих фрегатов, а шестой - из 28-пушечных фрегатов, оба полностью оторваны от каких-либо боевых функций. Наконец, после очень заметного перерыва,

появились нерейтинговые шлюпы и суда поменьше, которые сформировали флотилию для береговых и прибрежных работ, отправки грузов и выполнения родственных обязанностей.

Реформы великого Первого лорда фактически сводились к четко осознанной тройственной конституции, в которой различные группы были откровенно специализированы в соответствии с функциями, которые каждая из них должна была выполнять. Следует отметить, что специализация является отличительной чертой процесса развития. Мы больше не пытаемся приспособить флот к его разнообразным обязанностям, увеличивая количество сравнительно слабых боевых кораблей, которые могли действовать в линии и при этом иметь достаточное количество для защиты торговли, но которые не были хорошо приспособлены ни для той, ни для другой службы. Вместо этого мы отмечаем определенное признание принципа, согласно которому линкоры должны быть настолько мощными, насколько это возможно, и что для обеспечения их надлежащего развития они должны быть освобождены от своих крейсерских функций классом судов, специально приспособленных для этой цели. Вопрос, который мы должны рассмотреть, заключается в том, была ли эта специализация, утвердившаяся вплоть до нашего времени, истинной линией развития? Было ли это на самом деле правильным выражением потребностей, на которые указывает теория морской войны?

Следует повторить, что под теорией морской войны мы подразумеваем не что иное, как изложение фундаментальных принципов, лежащих в основе любой морской войны. Следует признать, что эти принципы, если мы правильно их определили, определяют форму не только стратегии и тактики, но и материальной части, какие бы методы и средства ведения морской войны ни использовались в любой данный момент времени. И наоборот, если мы обнаружим, что стратегия, тактика или организация проявляют тенденцию воспроизводить одни и те же формы при сильно различающихся условиях использования метода и материала, мы сможем показать, что эти формы имеют постоянную и определенную связь с принципами, которые пытается выразить наша теория.

В случае тройственной организации Энсона искать связь не так уж далеко, хотя она и была затемнена двумя максимами. Первая заключается в том, что "господство на море зависит от линкоров", а вторая - в том, что "крейсеры - это глаза флота". Врожденное зло максим заключается в том, что они имеют тенденцию выходить за рамки своего первоначального значения. Оба они выражают истину, но ни один из них не выражает всей истины. Ни по какой теории морской войны мы не можем ожидать, что линкоры будут командовать на море, равно как и по теории связи мы не можем рассматривать основную функцию крейсеров как разведку боевого флота. Совершенно верно, что контроль в конечном счете зависит от боевого флота, если контроль оспаривается враждебным боевым флотом, как это обычно бывает. Верно также, что в той мере, в какой это необходимо для того, чтобы дать возможность линейному флоту обеспечить контроль, мы должны обеспечить его наблюдением со стороны наших крейсеров. Но из этого не следует, что это основная функция крейсеров. Правда в том, что мы должны отстранить их от их основной функции, чтобы выполнять для боевого флота работу, которую он не может выполнять сам.

Как бы ни была хорошо известна максима "Глазами флота", было бы очень трудно доказать, что разведка когда-либо рассматривалась высшими властями как основная функция крейсеров. В практике Нельсона, по крайней мере, их первостепенной функцией было осуществлять контроль, который он обеспечивал своей боевой эскадрой. Нет ничего более знакомого в

военно-морской истории, чем его непрекращающийся призыв из Средиземного моря о дополнительных крейсерах, но значение этого призыва стало неясным. Дело было не в том, что его крейсеров было мало по сравнению с его линкорами — обычно их было почти вдвое больше, — а скорее в том, что он был настолько глубоко убежден в их истинном назначении, что использовал их для осуществления контроля до такой степени, что иногда количество крейсеров его флота было ниже предела крайней необходимости. Результатом памятного события стало бегство вражеского боевого флота, но дальнейший результат не менее важен. Дело было в том, что бегство этого флота не лишило его контроля, который ему было поручено поддерживать. Возможно, его суждения были ошибочными, но стратегическое распределение его сил было последовательным на протяжении всего периода его командования на Средиземном море. Судя по его послужному списку, никто никогда так ясно не понимал, как Нельсон, что целью морской войны является контроль над коммуникациями, и если он обнаружил, что у него недостаточно крейсеров для осуществления этого контроля, а также для обеспечения наблюдения за своим боевым флотом, то пострадал именно боевой флот, и, несомненно, это, по крайней мере, логичная точка зрения. Если бы французы были готовы рискнуть решить вопрос о контроле в действиях флота, все было бы по-другому. Тогда он был бы прав, пожертвовав осуществлением контроля на время, чтобы убедиться, что акция состоится и завершится решительно в его пользу. Но он знал, что они не были готовы пойти на такой риск, и не позволил врагу занять чисто оборонительную позицию, чтобы отвлечь его от выполнения особой функции, которая была ему поручена.

Если целью ведения морской войны является контроль над коммуникациями, то фундаментальным требованием являются средства осуществления этого контроля. Следовательно, по логике вещей, если противник воздерживается от принятия решения о сражении, мы должны отвести линейному флоту второстепенное положение, поскольку крейсера - это средство осуществления контроля; линейный флот - это всего лишь средство предотвращения вмешательства в их работу. Проверьте это на практике. Мы ни в коем случае не можем осуществлять контроль только с помощью линкоров. Их специализация сделала их непригодными для этой работы и сделала их слишком дорогостоящими, чтобы их когда-либо было достаточно много. Следовательно, даже если бы у нашего противника не было боевого флота, мы не смогли бы обеспечить эффективный контроль с помощью одних только линейных кораблей. Нам все равно потребовались бы специализированные для этой работы крейсера в достаточном количестве, чтобы прикрыть необходимую территорию. Но обратное неверно. Мы могли бы осуществлять контроль только с помощью крейсеров, если бы у противника не было боевого флота, который мог бы им помешать.

Таким образом, если мы будем искать формулу, которая выражала бы практические результаты нашей теории, она приняла бы примерно такую форму, как эта. От крейсеров зависит осуществление нами контроля; от боевого флота зависит безопасность контроля. Это логическая последовательность идей, и она показывает нам, что текущая максима на самом деле является завершением логического аргумента, в котором нельзя игнорировать начальные шаги. Таким образом, максима о том, что командование на море зависит от боевого флота, является совершенно обоснованной до тех пор, пока она включает в себя все другие факты, на которых она основывается. Истинная функция боевого флота заключается в защите крейсеров и флотилий при выполнении ими особой работы. Лучшим средством для достижения этой цели, конечно же, является уничтожение силы вмешательства противника. Доктрина уничтожения вооруженных сил противника как первостепенной цели здесь подтверждает себя, и утверждает

себя настолько сильно, что допускает для большинства практических целей грубое обобщение, что командование зависит от боевого флота.

Тогда, можно спросить, какая практическая польза от всего этого расщепления волос? Почему бы не оставить незапятнанным убеждение в том, что нашей первой и первостепенной задачей является сокрушение боевого флота противника и что с этой целью должны быть сосредоточены все наши усилия? Ответ заключается в том, чтобы указать на дилемму Нельсона. Это была дилемма, которую в золотой век военно-морских войн каждый адмирал на море должен был решать для себя сам, и это всегда было одной из самых сложных деталей любого плана военно-морской войны. Если мы стремимся обеспечить эффективные действия линейного флота, предоставляя ему большую долю крейсеров, то тем самым мы ослабляем фактическое и непрерывное осуществление контроля. Если мы стремимся сделать этот контроль эффективным, направляя на службу большую часть крейсеров, то тем самым мы снижаем наши шансы установить контакт с боевым флотом противника и нанести ему поражение, что является единственным средством совершенствования контроля.

Правильное решение дилеммы, конечно, будет зависеть от условий каждого конкретного случая - главным образом от относительной силы и активности вражеского боевого флота и вероятных намерений нашего противника. Но независимо от того, насколько полно мы свели в таблицу все относящиеся к делу факты, мы никогда не сможем надеяться прийти к обоснованному заключению на их основе без справедливой оценки всех элементов, которые необходимы для получения команды, и без возможности оценить их относительную важность. Это, и только это, в конечном счете решит жизненно важный вопрос о том, какую долю наших крейсерских сил правильно выделить для боевого флота.

Если доктрина управления крейсерами верна, то каждый крейсер, приданный боевому флоту, является крейсером, отстраненным от выполнения своих истинных функций. Такой отзыв неизбежен. Эскадра линкоров - несовершенный организм, неспособный выполнять свою работу без помощи крейсера, и поскольку выполнение ее работы необходимо для свободы крейсера, некоторыми крейсерами приходится пожертвовать. Но в какой пропорции? Если мы ограничимся мнением, что командование зависит от боевого флота, то мы придадим ему такое количество, какое его командующий сочтет необходимым для установления абсолютно уверенного контакта с противником и окружения себя непроницаемым экраном. Если бы мы знали, что враг так же жаждет принятия решения, как и мы сами, такой курс мог бы быть оправдан. Но нормальным условием является то, что если мы желаем принятия решения, то это потому, что у нас есть определенные надежды на успех, и, следовательно, враг, вероятно, будет стремиться избежать его принятия на наших условиях. На практике это означает, что, если мы усовершенствуем наши меры по уничтожению его основного флота, он откажется раскрывать его, пока не увидит более благоприятной возможности. И каков будет результат? Он продолжает обороняться, и теоретически весь последующий период бездействия имеет тенденцию попадать под его влияние. Не выходя из порта, его флот выполняет свою работу. Чем больше он вынуждает нас концентрировать наши крейсерские силы перед лицом его боевого флота, тем больше он освобождает море для своей собственной торговли и тем больше подвергает наши крейсерские набеги опасности.

Таким образом, как опыт, так и теория в равной степени диктуют, что в качестве общего принципа крейсера следует рассматривать как имеющие первостепенное значение для

активного захвата коммуникаций, и что отвод войск для целей флота должен быть сведен к максимально возможному разумному риску. Какой должна быть эта разница, можно решить только с учетом обстоятельств каждого случая по мере его возникновения и личных характеристик ответственных должностных лиц. Практика Нельсона заключалась в том, чтобы сократить количество крейсеров флота ниже, чем, возможно, у любого другого командующего. Запас эффективности, который он оставил, был настолько мал, что в уже упомянутой кампании, когда его суждения созрели, одно невезение - случайное предательство его позиции нейтральным лицом — лишило его желаемого решения и позволило флоту противника уйти.

Таким образом, мы приходим к такому общему выводу. Целью морской войны является контроль над морскими коммуникациями. Чтобы эффективно осуществлять этот контроль, мы должны располагать многочисленным классом судов, специально приспособленных для преследования. Но их способность осуществлять контроль пропорциональна степени нашего командования, то есть нашей способности предотвращать вмешательство противника в их операции. Их собственная сила сопротивления обратно пропорциональна их способности осуществлять контроль; иными словами, чем многочисленнее и лучше приспособлены они к добыче на торговле и транспорте, тем слабее будет их индивидуальная боевая мощь. Мы не можем наделить их в целом способностью сопротивляться возмущениям, не уменьшая в то же время их способности осуществлять контроль. Общепринятым решением проблемы в период расцвета школы Энсона было предоставление им сил прикрытия из боевых единиц, специально приспособленных для ведения боевых действий. Но здесь возникает соответствующая трудность. Поскольку мы наделяем наши боевые единицы боевой мощью, мы лишаем их возможности вести разведку, а разведка необходима для их эффективной работы. У боевого флота должны быть глаза. Теперь сосуды, приспособленные для управления коммуникациями, также хорошо приспособлены и для "глаз". Поэтому становится практикой выводить из операций контроля достаточное количество единиц, чтобы дать возможность линейному флоту эффективно прикрывать операции тех, кто остается.

Таковы были общие принципы, на которых всегда приходилось решать неизбежную дилемму и на которых была основана организация Энсона. Они естественным образом вытекают из коммуникационной теории морской войны, и именно эта теория тогда доминировала в военно-морской мысли, как это видно из технического использования таких фраз, как "линии прохода и коммуникации". Военные планы великих стратегов Энсона и Бархэма всегда можно разложить на эти простые элементы, и там, где мы обнаруживаем, что хватка Адмиралтейства за них ослабла, мы сталкиваемся с путаницей и совершенно ненужными неудачами Войны за независимость Америки. В том плохо организованном сражении кардинальной ошибкой было то, что мы позволили линейным флотам противника выйти на жизненно важные линии "прохода и коммуникаций" и занять их, не приведя их сначала в действие, ошибка, частично вызванная неготовностью слабой администрации, а частично недостаточным выделением крейсеров для обеспечения контакта в нужных местах.

Итак, принципы, на которых строилось наше военно-морское превосходство, пока ясны. Для врагов, с которыми нам приходилось иметь дело, система Энсона была задумана превосходно. И Испания, и Франция придерживались теории коммуникации настолько сильно, что были

довольны тем, что считали успехом способность постоянно нарушать наш контроль без каких-либо реальных попыток закрепить его за собой. Чтобы победить такую политику, конституция Энсона и стратегия, которую она подразумевала, были тщательно адаптированы и просты в применении. Но из этого ни в коем случае не следует, что его доктрина является последним словом. Даже в его время начали возникать сложности, которые, как правило, сбивали с толку точность его системы. К кульминационному году Трафальгарской битвы появились признаки того, что она изнашивалась, в то время как новые методы и материалы, использованные американцами в 1812 году, нанесли ей серьезный ущерб. Начавшиеся тогда беспорядки продолжали развиваться, и необходимо учитывать, насколько серьезно они внесли путаницу в проблему формирования флота.

Во-первых, существует общее признание, всегда очевидное для нас самих, что на сегодняшний день наиболее радикальным, экономичным и эффективным способом обеспечения контроля является уничтожение средств вмешательства противника в него. В нашей собственной службе эта идея "свержения" всегда имела тенденцию заявлять о себе с такой силой, что иногда средства становились на какое-то время важнее цели; иными словами, обстоятельства были таковы, что иногда считалось целесообразным на время пожертвовать осуществлением контроля, чтобы быстро и надолго лишить врага всех средств вмешательства. Когда была разумная надежда на то, что противник рискнет принять решение, это соображение, как правило, перевешивало все остальные; но когда, как в случае с Нельсоном в Средиземном море, надежда была невелика, осуществление контроля, как правило, занимало первостепенное место.

Вторая сложность возникла из-за того факта, что каким бы сильным ни было прикрытие нашего линкора, для него невозможно полностью обезопасить управление крейсером от нарушения спорадическими атаками. Изолированные тяжелые корабли, пользуясь возможностями моря, могли ускользнуть даже от строжайшей блокады, и один такой корабль, если бы ему удалось выйти на линию сообщения, мог бы парализовать действия ряда более слабых подразделений. Они должны были либо бежать, либо сконцентрироваться, и в любом случае контроль был нарушен. Если беспорядки вызывала эскадра тяжелых кораблей, практика заключалась в том, чтобы выделить против нее подразделение боевого флота прикрытия. Но было очевидно, что допускать малейшую опасность для управления крейсером, ослабляющую сплоченность основного флота, было крайне неудобно и противоречило всей идее, на которой основывалось устройство флота.

Следовательно, необходимо было придать крейсерским линиям некоторую силу сопротивления. Как только эта необходимость была признана, казалось, что нет точки, в которой вы могли бы прекратить увеличивать боевую мощь своих крейсеров, и рано или поздно, если не будут найдены какие-либо средства контроля процесса, различие между крейсерами и линкорами практически исчезнет. Такое средство было найдено в том, что можно назвать "Промежуточным" кораблем. Фрегаты действительно продолжали увеличиваться в размерах и боевой мощи на протяжении оставшейся части парусной эры, но сила сопротивления была приобретена не только таким образом. Пагубные результаты этого движения были остановлены введением вспомогательного корабля, находящегося на полпути между фрегатами и настоящими линейными кораблями. Иногда классифицируемый как линкор и занявший свое место в линейке, 50-пушечный корабль стал, по сути, типом для усиления крейсерских эскадр. Чаще всего они появляются как флагманы крейсерских коммодоров или дислоцируются в

прибрежных водах или в основных точках, где вероятны спорадические налеты, которые будут наиболее разрушительными. Стратегический эффект присутствия такого судна в линии крейсеров заключался в том, чтобы придать всей линии в некоторой степени мощь промежуточного корабля; ибо любой вражеский крейсер, пытающийся нарушить линию, скорее всего, имел дело с кораблем поддержки, в то время как если бы фрегат и 50-пушечный корабль сошлись вместе, они могли бы противостоять даже небольшому линейному кораблю.

Во времена плавания, конечно, эта мощность вспомогательного корабля была слабой из-за несовершенства средств дальней связи между кораблями в море и отсутствия таких средств за пределами крайней дальности видимости. Но по мере развития беспроволочного телеграфирования вполне разумно ожидать, что стратегическая ценность вспомогательного или промежуточного корабля окажется выше, чем когда-либо во времена плавания, и что для борьбы со спорадическими помехами линейные крейсера будут все больше и больше приближаться по силе сопротивления к мощи своего самого сильного подразделения.

Для службы флоту сила сопротивления крейсера была едва ли менее ценной; ибо, хотя мы говорим о крейсерах флота как о глазах флота, их назначение почти в равной степени состоит в том, чтобы завязывать врагу глаза. Их обязанность состоит не только в том, чтобы раскрывать передвижения врага, но и в том, чтобы действовать как ширма для сокрытия наших собственных. Этот момент был особенно хорошо отмечен во время блокад, где старые 50-пушечные корабли почти всегда находились в составе прибрежной крейсерской эскадры, предотвращая вытеснение этой эскадры любопытными фрегатами. Какой бы важной ни была эта сила сопротивления в заслоне в старые времена, сейчас она в десять раз важнее, и вытекающая из этого трудность отличать крейсера от линкоров больше, чем когда-либо. Причину этого лучше всего рассматривать в разделе "Третья и наиболее серьезная причина сложности".

Третья причина - приобретение флотилией боевой мощи. Это совершенно новая особенность морской войны.¹⁰ Для всех практических целей это было неизвестно до полной разработки мобильной торпеды. Это правда, что первоначально задуманный брандер считался обладающим примерно такой же мощностью. Во время голландских войн — периода расцвета его моды — приписываемая ему мощь в некоторых случаях действительно реализовывалась, как, например, при сожжении флагманского корабля лорда Сандвича в битве при Солебее и уничтожении испано-голландского флота в Палермо Дюкеном. Но по мере того, как "маневренность" больших кораблей возрастала по мере развития мореходства и военно-морской архитектуры, брандер как боевое оружие стал почти незначительным, в то время как флот, стоящий на якоре, оказался вполне защищенным собственными сторожевиками. К середине восемнадцатого века случаи, когда брандер можно было использовать по его специальному назначению, действительно считались в высшей степени исключительными, и хотя этот тип сохранялся до конца столетия, его обычные функции несколько не отличались от функций остальной флотилии, частью которой он тогда являлся.

Эти функции, как мы видели, выражали идею плавания в чистом виде. Типы флотилий определялись численностью и мобильностью, а не вооружением или способностью к плаванию. Их основной целью был контроль коммуникаций в внутренних и колониальных водах против слабо вооруженных каперов. Тип, который определяли эти обязанности, адекватно подходил для второстепенных целей - работы на берегу и отправки грузов с флотом. Более того,

именно на вездесущность, которую придавала им их численность, и на их способность справляться с невооруженными или легковооруженными судами мы полагались в качестве нашей первой линии обороны от вторжения. Эти последние обязанности, конечно, были исключительными, и в Списке военно-морских сил, как правило, не было достаточного количества для этой цели. Но особая ценность этого класса заключалась в том, что он был способен к быстрой и почти неограниченной экспансии со стороны торгового флота. Все, что могло нести оружие, нашло свое применение, и в период наполеоновской угрозы численность оборонительной флотилии в общей сложности превысила тысячу единиц.

Какой бы грозной и эффективной ни была флотилия этого типа для целей, которым она была предназначена, она, очевидно, никоим образом не влияла на безопасность боевого флота. Но как только флотилия приобрела боевую мощь, вся ситуация изменилась, и старые принципы проектирования крейсеров и их распределения были разорваны в клочья. Боевой флот стал более несовершенным организмом, чем когда-либо. Раньше требовала дополнения только его наступательная мощь. Новое условие означало, что без посторонней помощи он больше не мог обеспечивать собственную оборону. Теперь требовалась защита не только от наблюдения, но и от нападения флотилии. Теоретическая слабость приостановленного наступления получила практическую и конкретную иллюстрацию в такой степени, какой война едва ли когда-либо знала. Наши самые дорогие стратегические традиции были поколеблены до основания. "Надлежащее место" для нашего боевого флота всегда находилось "у берегов противника", и теперь это было именно то место, где противнику было бы приятнее всего его видеть. Что было делать? Столь великолепная традиция не могла быть легко отброшена в сторону, но попытка сохранить ее еще глубже вовлекла нас в ересь. Жизненно важной, самой сложной и наиболее поглощающей проблемой стало не то, как увеличить мощь боевого флота для нападения, что является сравнительно простым делом, а то, как его защитить. По мере роста наступательной мощи флотилии проблема обострялась с почти ошеломляющей интенсивностью. С каждым увеличением скорости и мореходной мощи торпедных аппаратов проблема защитного экрана становилась все более острой. Чтобы удержать вражескую флотилию вне пределов ночной досягаемости, заслон приходилось разворачивать все шире и шире, а это означало, что все больше и больше крейсеров отводилось от выполнения своих основных функций. И не только это. Экран должен быть не только далеко натянут, но и сделан как можно более непроницаемым. Другими словами, его собственная сила сопротивления должна быть увеличена по всей линии. Целые эскадры броненосных крейсеров должны были быть присоединены к боевым флотам для поддержки более слабых участников прикрытия. Острая потребность в кораблях этого типа вызвала быстрое движение за повышение их боевой мощи, и вместе с этим с такой же быстротой исчезла экономическая возможность придать классу крейсеров его неотъемлемый атрибут - численность.

Как неизбежный результат, мы оказываемся вовлеченными в усилия по восстановлению флотилии части ее старых крейсерских возможностей, путем оснащения ее пушечным вооружением, большей мореходностью и средствами дальней связи, и все это ценой специализации и большей экономической нагрузки. Тем не менее, судя по прошлому опыту, необходимы какие-то средства увеличения численности крейсерских типов, и при этом неясно, как можно обеспечить это необходимое в рядах настоящих крейсеров. Не было найдено ни одной точки, в которой можно было бы остановить тенденцию судов этого класса к увеличению размеров и стоимости или вернуть им то стратегическое положение, которое они занимали раньше. Боевая эскадра настолько ненадежна, настолько несовершенна, насколько

автономным оружием она стала, что необходимость в ней пересилила старый порядок вещей, и основной функцией крейсерского корабля больше не является осуществление контроля под прикрытием боевого флота. Боевой флот теперь требует защиты со стороны крейсерского корабля, и то, в чем нуждается боевой флот, считается первоочередной необходимостью.

Судя по старой военно-морской практике, это аномальная позиция для достижения. Но все военно-морское искусство претерпело революцию, превосходящую весь предыдущий опыт, и, возможно, старая практика больше не является надежным руководством. Движимые теми же потребностями, все военно-морские державы следуют тем же курсом. Это может быть правильно, может быть неправильно; по крайней мере, никто, кроме невежественных или поспешных, не осмелится выносить категорические суждения. Лучшее, что мы можем сделать, - это попытаться осознать ситуацию, в которую, несмотря на все опасения, мы попали, и определить ее связь с событиями прошлого.

Это, несомненно, трудная задача. Как мы видели, в разное время в структуре флотов преобладало несколько методов выражения потребностей морской войны. Нынешняя система отличается от них всех. С одной стороны, мы имеем тот факт, что последние разработки крейсерской мощи окончательно стерли все логические различия между крейсерами и линкорами, и, таким образом, мы находимся рука об руку с организацией флота времен старых голландских войн. С другой стороны, однако, у нас есть броненосные крейсера, организованные в эскадры и приданные боевым флотам не только для стратегических целей, но и с еще неразвитыми тактическими функциями в бою. Здесь мы вплотную подходим к последнему событию эпохи парусного спорта, когда в организации боевых флотов начали появляться "Передовые" или "Легкие" эскадрильи.

Эта система возникла ближе к концу восемнадцатого века в Средиземном море, где условия контроля требовали такого широкого рассредоточения крейсеров и такого большого их количества, что боевой эскадре в этом море было почти необходимо проводить большую часть собственной разведки. Несомненно, именно для этой цели самые быстрые и легкие линейные корабли были выделены в отдельное подразделение, и первое обозначение, которое оно получило, было "Наблюдательная эскадрилья". Нельсону оставалось попытаться придать ему тактическую функцию, но его идея так и не была реализована ни им самим, ни кем-либо из его преемников.

Наряду с этим новым элементом в организации боевого флота, который, возможно, лучше всего обозначить как "Легкую дивизию", у нас есть еще один важный факт. Мало того, что она не всегда состояла полностью из линейных кораблей, особенно на французской службе, но в 1805 году, в год полного развития, мы видим, как сэр Ричард Стрейкен использует тяжелые фрегаты, приданные его боевой эскадре, в качестве "Легкой дивизии" и наделяет их определенной тактической функцией. Крах французского военно-морского флота положил конец дальнейшему развитию обеих идей. К чему бы они привели, мы не можем сказать. Но невозможно закрывать глаза на признаки растущей тенденции к той системе, которая существует в настоящее время. По крайней мере, трудно игнорировать тот факт, что и Нельсон, и Стрейкен в тот кульминационный год обнаружили, что актуальность войны требует того, чего тогда не было предусмотрено в уставе флота, но что содержится в нем сегодня. Нельсону нужен был линкор крейсерской скорости. Чего хотел Стрейкен, так это крейсера, пригодные для тактического участия в боевых действиях флота. У нас есть они оба, но с каким результатом?

Типовая специализация Энсона почти исчезла, и нынешнюю структуру нашего флота едва ли можно отличить от структуры семнадцатого века. Мы сохраняем тройную номенклатуру, но сама система действительно исчезла. Линкоры превращаются в броненосные крейсера, броненосные крейсера - в защищенные крейсера. Мы едва ли можем обнаружить какое-либо реальное различие, за исключением двойного, между судами, основным вооружением которых является пушка, и судами, основным вооружением которых является торпеда. Но даже здесь существование типа крейсера, предназначенного для действий с флотилиями, размывает контуры, в то время как, как мы видели, более крупные подразделения флотилии повышаются до уровня крейсера.

Таким образом, мы сталкиваемся с ситуацией, которая имеет ближайший аналог в бесструктурных флотах семнадцатого века. То, что военно-морская мысль так близко прошла свой путь в течение двух столетий, достаточно любопытно, но это еще более поразительно, когда мы рассматриваем, насколько сильно различаются глубинные причины в каждом конкретном случае. Давление, создавшее нынешнюю ситуацию, наиболее очевидно обусловлено двумя причинами. Одним из них является чрезмерное развитие "промежуточного" корабля, первоначально разработанного в целях защиты торговли и продиктованного угрозой, которую опыт американской войны научил нас уважать. Другой - внедрение торпеды и вытекающая из этого уязвимость боевых эскадрилий, которые не защищены надежно. Ничто подобного не оказало никакого влияния на структуру флота семнадцатого века. Но если мы посмотрим глубже, то обнаружим менее очевидное соображение, которое, как бы то ни было, слишком поразительно, чтобы его игнорировать.

Выше было высказано предположение, что структура флотов, по-видимому, имеет какое-то более или менее узнаваемое отношение к преобладающей теории войны. Теперь, несмотря на всю нашу неопределенность, мы можем с уверенностью утверждать, что теория, которая господствует в наши дни, имеет самое близкое из возможных сходств с той, которая доминировала среди солдат-адмиралов голландской войны. Это была теория "Свержения", твердая вера в решительные действия как ключ ко всем стратегическим проблемам. Они привезли его с собой в море с полем сражений Армии Нового Образца, и голландцы встретили их стойко. По крайней мере, в первую войну их коммерции пришлось уступить место необходимости бросать в бой все, что могло повлиять на исход дела. Конечно, никто не делает вид, что такое отношение было продиктовано какой-либо четко сформулированной теорией абсолютной войны. Это было вызвано скорее тем фактом, что из-за относительных географических условий все попытки охранять торговые коммуникации были бесполезны без контроля над внутренними водами в Северном море, и истина получила решающее моральное подтверждение в притязаниях Великобритании на фактическое господство в Узких морях. Фактически, это была война, которая напоминала скорее континентальные условия территориального завоевания, чем морскую процедуру, характерную для нашего соперничества с Францией.

Возможно ли тогда, как бы сильно мы ни сопротивлялись заключению в верности традиции восемнадцатого века, что возвышение новой военно-морской державы в лице Голландии должно вернуть нас к решительным, хотя и грубым методам голландских войн и заставить нас попирать ногами более изящную изобретательность системы Энсона? Не это ли побудило нас с недоверием относиться к любому типу судов, которые нельзя бросить в бой? Появление грозного соперника в Северном море, безусловно, не было первой причиной реакции. Это

началось до того, как возникла эта угроза. Тем не менее, это, несомненно, ускорило темп, и даже если это не причина, это вполне может быть оправданием.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТЕОРИЯ МЕТОДА —КОНЦЕНТРАЦИЯ И РАССЕИВАНИЕ СИЛЫ

С точки зрения метода, с помощью которого достигается поставленная цель, стратегию часто описывают как искусство мобилизации максимальных сил в нужное время и в нужном месте; и этот метод называется "Концентрацией".

На первый взгляд этот термин кажется достаточно простым и выразительным, но при анализе обнаруживается, что он включает в себя несколько различных идей, ко всем из которых этот термин применяется безразлично. Результат является источником некоторой путаницы даже для самых здравомыслящих авторов. "Слово "концентрация", - говорит один из самых последних авторов, - вызывает идею объединения сил. На самом деле мы считаем, что не можем вести войну, не объединив корабли в эскадрильи, а эскадрильи - во флоты".¹¹ Здесь в одном предложении слово колеблется между формированием флотов и их стратегическим распределением. Подобная раскованность будет смущать ученика на каждом шагу. В какой-то момент он обнаружит, что слово используется для выражения противоположности разделению или рассредоточению сил; в другой - для выражения стратегического развертывания, которое подразумевает разделение в большей или меньшей степени. Он обнаружит, что это используется для описания процесса объединения сил, а также состояния сил, когда процесс завершен. Истина заключается в том, что этот термин, который является одним из наиболее распространенных и наиболее необходимых в стратегических дискуссиях, никогда не приобретал очень точного значения, и это отсутствие точности является одной из самых распространенных причин противоречивых мнений и сомнительных суждений. Действительно, ни один стратегический термин не требует более настоящего определения идей, которые он отстаивает.

Военная фразеология, из которой взято это слово, использует "концентрацию" в трех смыслах. Оно используется для сбора подразделений армии после их мобилизации. В этом смысле концентрация - это в основном административный процесс; логически это означает дополнение процесса мобилизации, посредством которого армия осознает свою военную организацию и становится готовой выйти на поле боя. Во втором смысле он используется для обозначения процесса перемещения армии при формировании или в процессе формирования в населенные пункты, из которых лучше всего начать операции. Это настоящий стратегический этап, и его кульминацией является то, что известно как стратегическое развертывание. Наконец, он используется на заключительном этапе, когда развернутая таким образом армия сосредоточена на определенном операционном направлении в непосредственной готовности к тактическому развертыванию — собрана для нанесения концентрированного удара.

Поскольку эта терминология, по-видимому, применима на суше, где процессы имеют тенденцию накладываться друг на друга, требуется нечто более точное, если мы попытаемся распространить ее на море. Такое расширение увеличивает ошибку на каждом шагу, и ясное мышление становится трудным. Даже если мы отбросим первое значение, то есть заключительную стадию мобилизации, нам все равно придется иметь дело с двумя другими, которые в значительной степени противоречат друг другу. Существенным отличием стратегического развертывания, предусматривающего рассредоточение с целью выбора комбинаций, является гибкость и свобода передвижения. Характерной чертой армии, сосредоточенной для нанесения удара, является жесткость и ограниченная мобильность. В одном смысле концентрации мы рассматриваем такое распределение сил, которое скроет наши намерения от противника и позволит нам приспособить наши действия к разработанному им плану операций. С другой стороны, стратегическому сокрытию пришел конец. Мы сделали свой выбор и привержены определенной операции. Таким образом, ясно, что если мы хотим применить принципы концентрации сухопутных сил к ведению войны на море, то желательно определить, какую из двух фаз операции мы подразумеваем под этим термином.

Какое же значение, в таком случае, наиболее тесно связано с обычным употреблением этого слова? Словари определяют концентрацию как "состояние сосредоточения в общей точке или центре", и это очень точно совпадает со стадией плана войны, которая проходит между завершением мобилизации и окончательным сосредоточением или развертыванием для сражения. Это незавершенный и продолжающийся акт. Его конечным следствием является месса. Это метод обеспечения мессы в нужное время и в нужном месте. Как мы видели, суть состояния стратегического развертывания, к которому оно приводит, заключается в гибкости. На войне выбор времени и места всегда будет зависеть от диспозиции и передвижений противника или от нашего желания нанести ему неожиданный удар. Таким образом, достоинством концентрации в этом смысле является ее способность позволять нам формировать нашу массу во времени в одной из наибольшего числа различных точек, где может потребоваться масса.

Именно для этой стадии более поздние учебники склоняются к выделению специальной концентрации— квалифицируя ее как "стратегическую концентрацию". Но даже этот термин вряд ли подходит к делу, поскольку последующий процесс вывода армии на позиции для тактического развертывания также является стратегической концентрацией. Требуется некоторая дальнейшая специализация. Аналитическое различие между этими двумя процессами заключается в том, что первый представляет собой действие основной стратегии, а другой -второстепенной, и если они хотя бы полностью выражены, мы должны оперировать терминами "основная и второстепенная стратегическая концентрация".

Такая громоздкая терминология слишком сложна для использования. Она служит лишь для обозначения того, что средняя стадия логически отличается от третьей так же сильно, как и от первой. На практике все сводится к этому. Если мы собираемся использовать концентрацию в ее естественном смысле, мы должны рассматривать ее как нечто, что приходит после полной мобилизации и останавливается до образования массы.

В морской войне, по крайней мере, это различие между концентрацией и массой важно для четкого понимания. Оно приводит нас к выводам первостепенной важности. Например, когда масса сформирована, маскировке и гибкости приходит конец. Следовательно, чем дальше от

образования конечной массы мы сможем остановить процесс концентрации, тем лучше он будет разработан. Чем меньше мы привязаны к какой-либо конкретной массе и чем меньше мы указываем, какой и где должна быть наша масса, тем сильнее наша концентрация. Следовательно, для концентрации идея разделения столь же важна, как и идея связи. Именно этот взгляд на процесс, по крайней мере в отношении морской войны, наиболее сильно подчеркивался авторитетными критиками. "Такова, — говорит он, — разумно понятая концентрация - не сбита в кучу, как стадо овец, но распределенная с учетом общей цели и связанная действенной энергией единой воли".¹² сосудов в состоянии концентрации он сравнивает с вентилятором, который открывается и закрывается. С этой точки зрения концентрация означает не однородное тело, а сложный организм, управляемый из общего центра и достаточно эластичный, чтобы позволить ему охватывать широкое поле деятельности без ущерба для взаимной поддержки его частей.

Таким образом, если мы исключим значение простого объединения и значение массы, мы оставим значение, выражающее согласованное распоряжение стратегическим центром, и это, как будет видно, дает для морской войны именно то рабочее определение, которое нам нужно как аналог стратегического развертывания на суше. Целью военно-морской концентрации, подобной стратегической, будет охват максимально широкой территории и сохранение в то же время эластичной сплоченности, чтобы обеспечить быстрое уплотнение любых двух или более частей организма и в любой части области, подлежащей охвату, по воле контролирующего разума; и, прежде всего, надежное и быстрое уплотнение целого в стратегическом центре.

Концентрация такого рода, более того, будет выражением плана войны, который, хотя и прочно основан на конечной центральной массе, все же сохраняет способность наносить или отражать незначительные атаки в любом направлении. Это позволит нам осуществлять контроль над морем, пока мы ждем и работаем над возможностью принятия решения, которое навсегда обеспечит контроль, и это позволит сделать это без ущерба для нашей способности задействовать максимальную силу, когда наступит момент для принятия решения. Концентрация, по сути, подразумевает постоянный конфликт между сплоченностью и охватом, и для практических целей именно правильное согласование этих двух напряжений — постоянно меняющихся по силе — составляет большую часть практической стратегии.

В морской войне эта стадия сосредоточения имеет особое значение в развитии кампании, и в море она более четко выражена, чем на берегу. Из-за огромных размеров современных армий и ограниченного характера линий их передвижения, не в меньшей степени из-за их меньшей внутренней мобильности по сравнению с флотами, процессы сбора, концентрации и формирования боевой массы имеют тенденцию переходить друг в друга без какого-либо разграничения практической ценности. Армия часто достигает стадии стратегического развертывания непосредственно с мобилизационных баз своих подразделений, и в известных случаях ее единственная реальная концентрация происходила на поле боя. Таким образом, в континентальной войне меньше трудностей с использованием термина для обозначения всех трех процессов. Их тенденция всегда накладываться друг на друга. Но на море, где коммуникации свободны и не ограничены препятствиями, и где мобильность высока, они подвержены более резкой дифференциации. Обычно флот собирается в военно-морском порту; оттуда четким движением он направляется к стратегическому центру и по мере необходимости

распределяется по подразделениям. Концентрация вокруг этого центра может быть очень далека от массы, и окончательное формирование массы не будет иметь никакого сходства ни с одним из предыдущих движений и будет совершенно отчетливым.

Но как бы ни был свободен флот от особых армейских оков, на море всегда существуют особые условия трения, которые ограничивают свободу его распоряжения. Одним из источников этих трений является защита торговли. Как бы сильно наш военный план ни требовал тесной концентрации, потребность в защите торговли всегда будет требовать рассредоточения. Другой источник - особая свобода и секретность передвижений на море. Поскольку море не знает дорог, ограничивающих или обозначающих наши собственные направления операций, оно мало что говорит о направлениях действий противника. Наиболее удаленные и широко рассредоточенные пункты должны оставаться в поле зрения как возможные цели противника. Если мы добавим к этому, что два или более флотов могут действовать совместно с удаленных друг от друга баз с гораздо большей уверенностью, чем это возможно для армий, становится очевидным, что разнообразие комбинаций на море намного выше, чем на суше, и разнообразие комбинаций находится в постоянном противостоянии с центральной массой.

Отсюда следует, что до тех пор, пока флот противника разделен и, следовательно, сохраняет различные возможности для сосредоточенных или спорадических действий, наше распределение будет продиктовано необходимостью иметь возможность иметь дело с различными комбинациями и защищать различные цели. Поэтому наша концентрация должна оставаться максимально открытой и гибкой. Соответственно, история показывает нам, что чем более зрелым и свежим был наш опыт и чем надежнее была наша военная хватка, тем слабее была наша концентрация. Идея сосредоточения сил, как добродетель сама по себе, порождается миром, а не войной. Это указывает на изнуряющую идею о том, что в войне мы должны стремиться скорее избежать, чем нанести поражение. Верно, сторонники масс укрепляют себя в правдоподобной концепции, что их целью является нанесение сокрушительных поражений. Но это тоже идея мира. Война убедительно доказала, что победы нужно не только одерживать, но и добиваться. Их нужно добиваться смелыми стратегическими комбинациями, которые, как правило, влекут за собой по крайней мере кажущееся рассредоточение сил. Их можно достичь, только идя на риск, и величайший и наиболее эффективный из них - разделение.

Результатом длительного мира стало превращение "концентрации" в своего рода шибболет, так что разделение флота, как правило, рассматривается почти как верный признак плохого руководства. Критики упустили из виду старый военный опыт, согласно которому без разделения невозможны никакие стратегические комбинации. По правде говоря, они должны основываться на разделении. Дивизия плоха только тогда, когда ее вытесняют за пределы хорошо организованного развертывания. Теоретически неправильно размещать часть флота в таком положении, чтобы она не могла отступить к своему стратегическому центру, когда с ней столкнутся превосходящие силы. Такие отступления, конечно, никогда нельзя обеспечить наверняка; они всегда будут в какой-то мере зависеть от мастерства и ресурсов командиров противника, а также от погодных условий, но рисковать приходится. Если мы ничем не рискуем, мы редко что-либо выполняем. Великий лидер - это человек, который может точно измерить, до какой широты развертывания он может довести свою концентрацию. Эта сила смелого и уверенного согласования сплоченности и охвата действительно является высшей проверкой того здравого смысла, который в ведении войны заменяет стратегическую теорию.

В истории британского военно-морского флота трудно найти примеры ошибочных дивизионов. Наиболее часто приводимый случай относится к ранним. Это произошло в 1666 году во время второй голландской войны. Монк и Руперт командовали основным флотом, который со своих мобилизационных баз на Темзе и в Спитхеде сосредоточился в Даунсе. Там они ожидали выхода Де Рюйтера в море с позиции, с которой они могли бы расправиться с ним, независимо от того, была ли его целью атака на Темзе или объединение усилий с французами. В этом положении до них дошел слух, что тулонская эскадра направляется в Ла-Манш для сотрудничества с голландцами. После этих ложных разведданных флот разделился, и Руперт вернулся в Портсмут, чтобы прикрыть эту позицию на случай, если она может оказаться целью французов. Де Рюйтер немедленно вышел в море с флотом, значительно превосходящим дивизию Монка. Монк, однако, воспользовавшись установившейся непогодой, застал его врасплох на якоре и, полагая, что у него достаточное тактическое преимущество, стремительно атаковал его. Тем временем стала известна реальная ситуация. Французского флота не было, и Руперт был отозван. Ему удалось воссоединиться с Монком после того, как его бой с Де Рюйтером продолжался три дня. В ходе этого с Монком обошлись очень жестоко, и он был вынужден отступить к Темзе, и все считали, что только запоздалое прибытие Руперта спасло нас от настоящей катастрофы.

Стратегия в этом случае обычно сразу же осуждается и возлагается вся вина на противоположную сторону. Считается, что Монк, который как солдат проявил себя одним из лучших стратегов того времени, допустил грубую ошибку из-за полного незнания элементарных принципов. Предполагается, что он должен был держать свой флот сосредоточенным; но его критики не замечают, что, по крайней мере, по мнению того времени, это не соответствовало бы действительности. Если бы он сохранил все, чтобы иметь дело с Де Рюйтером, вполне вероятно, что Де Рюйтер не вышел бы в море, и несомненно, что Портсмут и остров Уайт были бы открыты для французов, если бы они пришли. Если бы он двинул свои войска на борьбу с французами, он открыл бы Темзу Де Рюйтеру. Это была ситуация, которую нельзя было решить простым применением того, что французы называют *masse centrale*. Единственным способом обезопасить оба места от нападения было разделение флота, точно так же, как в 1801 году Нельсон на том же театре был вынужден разделить свои силы обороны. Ни в том, ни в другом случае разделение не было ошибкой, потому что это было необходимо. Ошибка в случае Монка и Руперта заключалась в том, что они расширили свой охват, не предусмотрев надлежащих мер для сохранения сплоченности. Между двумя дивизиями следовало поддерживать тесную крейсерскую связь, и Монку не следовало вступать в глубокие бои, пока он не почувствует Руперта у себя под боком. Как нам сказали, таково было мнение большинства его флагманских офицеров. Они считали, что ему не следовало сражаться, когда он это сделал. Его правильным курсом, следуя принципу Кемпенфельта, было бы повиснуть на Де Рейтере, чтобы помешать ему что-либо предпринять, и медленно отступать, увлекая голландцев за собой, пока его ослабленная концентрация снова не восстановится. Если бы Де Рюйтер отказался следовать за ним через проливы, у него было бы достаточно времени, чтобы сосредоточить флот. Если бы Де Рюйтер последовал за ним, он мог бы оказаться в положении, из которого не было бы выхода. Ошибка, на самом деле, была не стратегической, а скорее тактической. Монк переоценил преимущество своей внезапности и относительную боеспособность двух флотов и полагал, что видит свой путь к победе в одиночку. Опасность разделения - быть застигнутым врасплох и вынужденным бороться из-за неполноценности. Это был не случай Монка. Он не был удивлен, и он мог бы легко избежать действий, если бы захотел. Судить о подобном случае, просто

используя концентрацию в качестве пробного камня, может привести лишь к формированию таких сомнительных привычек мышления, которые осудили более известное разделение, произошедшее во время кризиса кампании 1805 года, и с которым нам предстоит разобраться позже.

Помимо общей опасности использования слов или максимум таким образом, очевидно, что это особенно неразумно в случае концентрации и разделения. Нынешнее правило гласит, что разделяться плохо, если у вас нет большого превосходства; однако было множество случаев, когда, находясь в состоянии войны с более слабым противником, мы обнаруживали наше главное затруднение в том факте, что он держал свой флот разделенным и был способен таким образом создать нечто вроде тупика. Тогда главной целью наших военно-морских операций было бы разрушить его. Заставить слабого противника сконцентрироваться - это действительно почти необходимая предварительная подготовка к одержанию одной из тех сокрушительных побед, к которым мы всегда должны стремиться, но которые так редко достигаются. Именно вынуждая противника попытаться сконцентрироваться, мы получаем нашу возможность путем разумного рассредоточения разгромить его дивизии по частям. Именно побуждая его к массовым действиям, мы упрощаем нашу проблему и заставляем его выбирать между предоставлением нам командования и принятием решения о крупном действии.

Сторонники полной концентрации ответят, что это достаточно верно. Мы действительно часто стремимся заставить нашего врага сконцентрироваться, но это не показывает, что концентрация иногда является недостатком, поскольку мы сами должны сильно сконцентрироваться, чтобы вызвать подобную концентрацию у врага. Максимум о том, что концентрация порождает концентрацию, действительно, стала общепринятой, но не будет преувеличением сказать, что это максимум, которой история категорически противоречит. Если враг готов рискнуть всем в битве, это правда. Но если мы слишком превосходим его или наша концентрация слишком хорошо организована, чтобы он мог надеяться на победу, тогда наша концентрация почти всегда приводила к тому, что он рассредоточивался для спорадических действий. Этот результат был настолько очевиден, что в наших старых войнах, в которых мы обычно имели превосходство, мы всегда применяли максимально низкую концентрацию, чтобы предотвратить спорадические действия. Правда, склонность французов применять этот способ ведения войны обычно объясняют некоторой конституционной неумелостью, которая выходит за рамки стратегической теории, но эта точка зрения обусловлена скорее раздражением, которое вызвал у нас этот метод, чем трезвыми рассуждениями. Для сравнительно слабой воюющей стороны спорадические действия были лучше, чем ничего, и единственной альтернативой для него было сыграть нам на руку, рискуя принять решение, в принятии которого мы были заинтересованы в первую очередь. Сами по себе спорадические действия никогда не могли дать нашему противнику господства на море, но они могли нанести нам вред и расстроить наши планы, и всегда оставалась надежда, что это может настолько ослабить нашу концентрацию, что даст ему справедливый шанс принять серию успешных второстепенных решений.

Возьмем теперь ведущий случай 1805 года. В той кампании наше распространение было очень широким и основывалось на нескольких концентрациях. Первая имела центр в Даунсе и простиралась не только поперек линии прохода армии вторжения, но и по всему Северному морю, чтобы предотвратить вмешательство в нашу торговлю или в нашу систему береговой обороны либо со стороны голландцев в Текселе, либо со стороны французских эскадр,

прибывающих примерно с севера. Вторая, известная как Западная эскадра, располагалась центром у Ушана и была рассредоточена по всему Бискайскому заливу с помощью передовых эскадр перед Ферролем и Рошфором. С другой эскадрой у берегов Ирландии она также смогла выйти далеко в Атлантику, чтобы принимать нашу торговлю. Фактически он охранял не только французские военно-морские порты, но и подходы к Ла-Маншу, где находились основные пункты великих южных и западных торговых путей. Третья группа сосредоточилась в Средиземноморье, центром которого при Нельсоне была Сардиния. У нее были отдаленные подцентры на Мальте и Гибралтаре, и она охватывала всю территорию от мыса Сент-Винсент за пределами проливов до Тулона, Триеста и Дарданелл. Когда в 1804 году разразилась война с Испанией, было сочтено целесообразным разделить это командование, и испанские воды за пределами проливов удерживала четвертая группировка, центр которой находился у Кадиса, а северной границей был мыс Финистерре, где она соединялась с группировкой Ушант. По причинам, которые были скорее личными, чем стратегическими, это соглашение продолжалось недолго, да и через несколько месяцев в нем не было такой же необходимости, поскольку тулонская эскадрилья сменила свою базу на Кадис. С помощью этой всеобъемлющей системы все европейские моря контролировались как в военных, так и в торговых целях. В отдаленных конечных районах, таких как Ост-и Вест-Индия, были сосредоточены основные силы с постоянно установленными необходимыми соединительными механизмами, и для обеспечения их эффективности были приняты меры, с помощью которых различные европейские эскадрильи могли перебрасывать подразделения для доведения своих сил до любой численности, которую могли потребовать передвижения противника.

Каким бы широким ни было это распределение и как бы велик ни был его охват, сохранялась высокая степень сцепления не только между частями каждой концентрации, но и между самими несколькими концентрациями. Благодаря небольшому крейсерскому центру на Нормандских островах концентрация Даунсов и Ушантов могла быстро согласоваться. Аналогичным образом концентрация в Кадисе была связана с концентрацией в Ушанте в Финистерре, и, если бы не личные трения и отталкивание, связь между концентрациями в Средиземноморье и Кадисе была бы одинаково сильной. Наконец, было мастерски предусмотрено, чтобы все скопления войск сконцентрировались в одну большую массу в решающей точке у Ушанта, прежде чем по какой-либо просчитанной случайности там могла собраться вражеская масса.

Для лучших адмиралов Наполеона, "знавших морское ремесло", располагавшийся таким образом британский флот находился в состоянии сосредоточенности, которую не могло нарушить ничто, кроме случайности, выходящей за пределы трезвого расчета. Декре и Брюи не сомневались в этом, и осознание этого пересилило Вильнева, когда наступил кризис. После того, как он довел концентрацию, которую планировал Наполеон, до объединения трех дивизий в Ферроле, он узнал, что отдаленные части нашей Западной эскадры исчезли перед Ферролем и Рошфором. В его глазах, а также в глазах британского адмиралтейства, эта эскадра, несмотря на ее рассредоточение в Бискайском заливе, всегда находилась в состоянии концентрации. Не это заставило его сердце упасть. Это было известие о том, что Нельсон снова появился в Гибралтаре и был замечен направляющимся на север. Для него это означало, что весь европейский флот его противника находился в состоянии концентрации. "Их концентрация сил, - писал он впоследствии, - была в тот момент более серьезной, чем при любой предыдущей диспозиции, и такой, что они были в состоянии с превосходством противостоять объединенным силам Бреста и Ферроля", и по этой причине, как он объяснил, он отказался от игры как проигранной. Но неопытному глазу Наполеона было невозможно разглядеть, с чем именно ему

пришлось иметь дело. Оценивая эластичность распределения британских военно-морских сил по сравнительно громоздким и ограниченным подвижным армиям, он счел это опрометчивым и неподобающим для войны рассредоточением. Его разбросанность, казалось, свидетельствовала о столь большом внимании к отдаленным целям, которые лежали перед его разрозненными эскадрами, что он полагал, что демонстрацией спорадических действий он сможет еще больше рассеять наш флот, а затем тесной концентрацией сокрушить существенную часть в деталях. Это был наглядный пример того, как рассредоточение сил противника вынудило нас принять максимально слабую концентрацию, а наше сравнительное рассредоточение побудило противника сконцентрироваться и рискнуть принять решение. Нельзя сказать, что мы намеренно вынудили его к роковому шагу. Скорее, это было действие стратегического закона, приведенного в действие нашим смелым распределением. Мы были полны решимости, чтобы его угроза вторжения, какой бы грозной она ни была, не вынуждала нас к столь тесной концентрации, чтобы оставить наши широко распространенные интересы открытыми для его атаки. Нельзя также сказать, что нашей первой целью было предотвратить его попытку сконцентрироваться. За каждым из его военно-морских портов наблюдала эскадрилья, но было признано, что это не мешает концентрации. Бегство одной дивизии вполне могло разорвать цепь. Но это соображение не имело значения. Распределение наших эскадр перед его военно-морскими портами было важно для предотвращения спорадических действий. Их распределение в достаточной степени диктовалось защитой торговли, колониальных территорий и территорий союзников, нашей потребностью осуществлять общее командование, даже если мы не могли уничтожить силы противника.

Вся переписка Нельсона за этот период показывает, что его главной целью была защита нашей средиземноморской торговли, а также неаполитанской и турецкой территорий. Когда Вильнев сбежал от него, его раздражение было вызвано не перспективой концентрации французов, которая его не беспокоила, поскольку он знал, что контрконцентрации были предусмотрены. Это было вызвано скорее тем, что он упустил возможность, которую предоставила ему попытка сосредоточиться. Он последовал за Вильневом в Вест-Индию не для того, чтобы помешать концентрации, а, во-первых, для защиты местной торговли и Ямайки, а во-вторых, в надежде на еще один шанс нанести удар, который он упустил. Лорд Бархэм придерживался точно такой же точки зрения. Когда, получив известие о возвращении Вильнева из Вест-Индии, он выдвинул ему навстречу три дивизии Западной эскадры, то есть Ушантского сосредоточения, он прямо заявил, что его целью было не предотвратить сосредоточение, а удержать французов от попыток спорадических действий. "Перехват флота, о котором идет речь, - писал он, - по возвращении в Европу был бы более важной задачей, чем любая из известных мне. Это помешало бы всем будущим экспедициям и показало бы Европе, что, возможно, было бы целесообразно время от времени расслабляться в системе блокады с явной целью передать их в наши руки при удобном случае".

Действительно, у нас не было причин препятствовать концентрации противника. Это был наш лучший шанс эффективно разрешить ситуацию, с которой мы столкнулись. Наша истинная политика заключалась в обеспечении постоянного командования великим военно-морским решением. Пока противник оставался разделенным, такого решения ожидать было нельзя. На

самом деле, только после того, как он попытался сконцентрироваться и была достигнута ее последняя стадия, ситуация оказалась в наших руках. Сложная проблема, с которой мы боролись, была упрощена до сведения нашего собственного сосредоточения в стратегическом центре у Ушанта. Но на последнем этапе противник не смог противостоять той грозной позиции, которую мы занимали. Его концентрация была остановлена. Вильнев вернулся к Кадису, и проблема начала приобретать для нас что-то от прежней сложности. Пока мы удерживали массу войск у Ушанта, которую произвела наша большая концентрация, мы были в безопасности от вторжения. Но этого было недостаточно. Это оставляло моря открытыми для спорадических действий из испанских портов. Под рукой были конвои из Ост- и Вест-Индии, и наша экспедиция в Средиземное море была под угрозой срыва, и еще одна вот-вот должна была отплыть из Корка. Ни Бархэм в Адмиралтействе, ни Корнуоллис, командовавший у берегов Ушанта, не колебались ни часа. Путем одновременного подведения итогов они оба решили, что мессу следует разделить. Концентрация должна быть открыта снова, и это было сделано. Наполеон назвал этот ход *личительной чертой*, но именно этот ход победил его и, должно быть, победил, каким бы искусством ни обладали его адмиралы, поскольку две эскадры никогда не теряли связи. Он оказался в ситуации, из которой не на что было надеяться. Его флот не был ни сосредоточен для решающего удара, ни рассредоточен для спорадических действий. Он просто упростил проблему своего врага. Наша хватка была крепче, чем когда-либо, и в отчаянной попытке освободиться он был вынужден предоставить свой флот окончательному решению, которого мы требовали.

Вся кампания хорошо показывает, что понималось под концентрацией в конце великих морских войн. Для лорда Бархэма и способных адмиралов, которые интерпретировали его планы, это означало возможность сосредоточения сил в нужное время и в нужном месте. Это означало, по близкой аналогии со стратегическим развертыванием на суше, размещение эскадр вокруг стратегического центра, из которого флоты могли концентрироваться для массированных действий в любом требуемом направлении и к которому они могли отступить при чрезмерном давлении. В данном случае конечным центром был пролив Ла-Манш, где армия Наполеона была готова к переправе, но там не было сосредоточения сил. Столь грубое распределение сил означало бы чисто оборонительную позицию. Это означало бы ждать удара вместо того, чтобы пытаться нанести удар, а такое отношение было архиерейским для наших старых мастеров войны.

До сих пор мы рассматривали концентрацию только применительно к войнам, в которых у нас преобладают военно-морские силы, но эти принципы, по крайней мере, в равной степени справедливы, когда коалиция ставит нас в невыгодное положение. Ведущим примером является домашняя кампания 1782 года. Она проходила строго на оборонительных рубежах. По нашей информации, Франция и Испания намеревались завершить войну совместными усилиями против наших островов Вест-Индии, и особенно Ямайки. Было признано, что способ противостоять угрозе заключается в сосредоточении для наступательных действий в Карибском море всего, что не является абсолютно необходимым для внутренней обороны. Поэтому вместо того, чтобы пытаться быть достаточно сильными для попытки наступления в обоих районах, было решено убедиться в том районе, который был наиболее критичным. Для этого флот метрополии должен был сократиться настолько по сравнению с тем, что имел противник в европейских водах, что о наступлении не могло быть и речи.

В то время как Родни занял зону атаки, Лорду Хоу предоставили другую. Его задача состояла в том, чтобы помешать коалиции получить такое господство в внутренних водах, которое отдало бы нашу торговлю и побережье на их милость, и вряд ли она окажется легкой. Мы знали, что план противника состоял в том, чтобы совместить свое нападение на Вест-Индию с попыткой контролировать Северное море и, возможно, Дуврский пролив с помощью голландской эскадры численностью от двенадцати до пятнадцати линейных кораблей, в то время как объединенный франко-испанский флот численностью не менее сорока кораблей занял бы устье Ла-Манша. Также было возможно, что эти две силы попытаются соединиться. В любом случае целью совместных операций было бы парализовать нашу торговлю и досаждают нашим берегам, и тем самым заставить нас пренебречь Вест-Индией и двумя испанскими целями, Меноркой и Гибралтаром. В общей сложности у нас было всего около тридцати линейных судов на домашней станции, и хотя большая часть из них были трехпалубными, многие не могли быть готовы к выходу в море до лета.

Какими бы слабыми ни были имеющиеся силы, не было и мысли о чисто пассивной обороне. Это не соответствовало бы случаю. Необходимо было что-то предпринять, чтобы помешать наступательным операциям союзников в Вест-Индии и против Гибралтара, иначе они достигли бы цели своей внутренней кампании. Было решено осуществить это незначительными контрударами по их линии коммуникаций до предельного предела досягаемости нашей обороны. Это означало бы значительноерастягивание нашего сосредоточения, но мы были полны решимости сделать все возможное, чтобы не допустить прибытия подкреплений в Вест-Индию из Бреста, перехватить французскую торговлю, если представится случай, и, наконец, практически любым риском освободить Гибралтар.

В этих условиях оборонительная концентрация базировалась на центральном скоплении или резерве в Спитхеде, эскадре в Даунсе для наблюдения за Текселом в целях безопасности торговли в Северном море и еще одной эскадре на западе для наблюдения за Брестом и прерывания его трансатлантических коммуникаций. Кемпенфельт, командовавший последней эскадрой, только что показал, на что способен, совершив свой великий подвиг по захвату конвоя Гишена с военными и военно-морскими припасами для Вест-Индии. Ранней весной его сменил Баррингтон, который 5 апреля отплыл, чтобы вернуться на позицию Ушанта. Его инструкции заключались в том, чтобы сражаться с превосходящим противником только при благоприятных обстоятельствах, а отступать на Спитхед. Он отсутствовал три недели и вернулся с французским ост-индским конвоем с войсками и припасами и двумя линейными кораблями, составлявшими его эскорт.

До этого времени не было никаких непосредственных признаков большого движения с юга. Франко-испанский флот, собравшийся в Кадисе, был безрезультатно занят попытками помешать доставке небольших подкреплений в Гибралтар и прикрытием их собственной торговли на обратном пути. Голландцы, однако, проявляли активность, и приближался сезон возвращения нашей прибалтийской торговли домой. У Росса в Северном море было всего четыре линейных корабля для наблюдения за Текселом, и он был не в том положении, чтобы справиться с опасностью. Соответственно, в начале мая основная масса сосредоточенных сил была сброшена в Северное море. 10-го числа Хоу отплыл вместе с Баррингтоном и основной частью флота, чтобы присоединиться к Россу в Даунсе, в то время как Кемпенфельт снова занял позицию Ушанта. Только около половины Брестской эскадры отправилось на соединение с испанцами в Кадис, и ему сказали, что его первой обязанностью было перехватить остальную,

если она выйдет в море, но, как и в инструкциях Баррингтона, в случае встречи с превосходящей эскадрой он должен был отойти вверх по каналу под английским побережьем и присоединиться к Хоу. Несмотря на то, что на флоте в это время свирепствовал грипп, ему удалось удержать французов в бездействии. Хоу, столкнувшись с теми же трудностями, добился такого же успеха. Голландцы вышли в море, но вернулись сразу же, как узнали о его движении, и, крейсируя у Текселя, он задержал их там и сохранял полное господство в Северном море, пока наша балтийская торговля не вернулась домой в безопасности.

К концу мая это было сделано, и поскольку наши разведданные указывали на то, что большое движение из Кадиса наконец-то вот-вот начнется, Хоу, которому была предоставлена определенная свобода действий, решил, что пришло время перенести удар на другое крыло и приблизиться к Кемпенфелту. Правительство, однако, казалось, считало, что он должен иметь возможность использовать свое положение для наступательных операций против голландской торговли, но, по мнению адмирала, это означало потерять контроль над замыслом и слишком сильно пожертвовать сплоченностью, чтобы достичь ее. Он сообщил им, что не считал целесообразным направлять подразделения своей эскадры против торговли, "не зная, насколько внезапно может возникнуть призыв, по крайней мере, большей его части, двигаться на запад". Поэтому в соответствии со своими общими инструкциями он оставил у Росса сильную линейную эскадру из девяти кораблей, достаточную для сдерживания и даже "захвата и уничтожения" сравнительно слабых кораблей голландцев, а с остальными вернулся на запад.¹³ Его намерением было предпринять всю возможную экспедицию, чтобы присоединиться к Кемпенфелту на побережье Франции, но из-за разрушительного действия гриппа он не смог этого сделать. Кемпенфелт был вынужден вступить в бой, и 5 июня соединение было достигнуто в Спитхедде.

В течение трех недель эпидемия была настолько сильной, что они не могли пошевелиться. Затем пришло известие, что кадисский флот под командованием Лангары вышел в море в тот день, когда Хоу достиг Спитхеды, и он решил броситься со всеми пригодными для выхода в море кораблями, чтобы отрезать их от Бреста. Он опоздал. Прежде чем он смог занять позицию, произошло соединение между Лангарой и Брестской эскадрой, и союзники в полном составе заняли устье Ла-Манша. С добавлением кораблей типа "Брест" объединенный флот насчитывал сорок линейных кораблей, в то время как всего, что смог собрать Хоу, было двадцать два, но среди них было семь трехпалубных и три восьмидесятипалубных, и вскоре он получит подкрепление. Были отозваны три самых маленьких корабля Росса, и еще пять были почти готовы, но Хоу не мог ждать. Конвой, направлявшийся домой с Ямайки, был уже близко, и его нужно было спасти во что бы то ни стало.

Что было делать? Как только он увидел врага, он понял, что об успешной операции не может быть и речи. Ранним утром 12 июля, "находясь в пятнадцати лигах к юго-востоку от Силли", Лангара с тридцатью шестью частями линии был замечен к западу. "Как только, - писал Хоу, - были выяснены их силы, я считал уместным не вступать с ними в бой, как того требовали обстоятельства, и поэтому повернул на север, чтобы пройти между Силли и Лэндс-Эндром. Моей целью там было проникнуть к западу от противника, как для защиты ямайского конвоя, так и для получения преимущества в ситуации для приведения его в действие, которое разница в нашей численности делает желательным".

Благодаря самым блестящим усилиям морехода опасное перемещение было благополучно осуществлено в ту ночь, и оно увенчалось полным успехом. Пока Хоу не был встречен и разбит, союзники не отваживались входить в Ла-Манш, и его беспрецедентный подвиг фактически сбил их с толку. Очевидно, предполагая, что он, должно быть, обошел их с тыла и вышел к морю, они искали его на юге и там в течение месяца бились взад и вперед в безрезультатных поисках. Тем временем Хоу, отправив свои крейсера вперед к месту встречи конвоя у юго-западного побережья Исландии, вывел весь свой флот примерно в двухстах милях к западу от Скеллигса, чтобы встретить его. Северные ветры помешали ему вовремя достичь нужной широты, но это мало что значило. Конвой прошел между ним и югом Ирландии, и поскольку противник был отброшен к Ушанту, он смог безопасно войти в пролив, не заметив вражеских парусов. Не зная о случившемся, Хоу неделю плавал, отрабатывая на кораблях "согласованные движения, столь особенно необходимые в данном случае". Затем, когда его флот был в прекрасном состоянии для проведения превентивной тактики в соответствии с известным изложением Кемпенфельта,¹⁴ он вернулся, чтобы искать противника на востоке, чтобы попытаться отвлечь его от их стоянки в Силли и открыть Ла-Манш. По дороге он узнал, что конвой прошел, и, отбросив эту тревогу, направился к Ящеру, где его ожидало подкрепление. Там он обнаружил, что канал свободен. Из-за нехватки припасов противник был вынужден отступить в порт, и он вернулся в Спитхед, чтобы подготовиться к освобождению Гибралтара. Пока продолжалась эта работа, эскадра Северного моря была снова усилена, чтобы возобновить блокаду Текселя и прикрыть прибытие осенних конвоев с Балтики. Это было сделано с полным успехом. Ни один корабль не попал в руки врага, и кампания, да и вся война закончились тем, что Хоу отвел основную часть своих сил к Гибралтару и совершил свой замечательный подвиг по освобождению его от испанской эскадры. Для силы и охвата хорошо продуманной концентрации не может быть лучшего примера.

Если теперь мы поищем в приведенных выше и подобных примерах принципы, которые могли бы служить руководством между концентрацией и разделением, мы найдем, во-первых, этот. Степень разделения, которая нам потребуется, пропорциональна количеству военно-морских портов, из которых противник может действовать против наших морских интересов, и протяженности береговой линии, вдоль которой они расположены. Это принцип, проистекающий из души нашей старой традиции, согласно которому мы всегда должны стремиться не просто помешать врагу нанести удар в наше сердце, но и нанести его в тот момент, когда он попытается что-либо сделать. Мы должны использовать каждую его попытку как возможность для контрудара. Распределение, которое влекла за собой эта цель, сильно различалось у разных врагов. Во время наших войн с Францией, и особенно когда Испания и Голландия были в союзе с ней, количество портов, с которыми приходилось иметь дело, было очень значительным, а их распределение - очень широким. С другой стороны, только в наших войнах с голландцами их количество и распределение были сравнительно небольшими, и в этом случае наша концентрация всегда была близкой.

Однако эта мера распределения никогда не будет самостоятельной. Концентрация будет зависеть не только от количества и расположения военно-морских портов противника. Это будет изменяться в зависимости от того, в какой степени направления операций, начинающиеся в этих портах, пересекают наши собственные воды. Причина проста. Каким бы ни был враг, противостоящий нам, и каким бы ни был характер войны, мы всегда должны

держат флот дома. При любых обстоятельствах это важно для защиты наших внутренних торговых терминалов, и это важно как центральный резерв, из которого могут быть переброшены подразделения для усиления удаленных терминалов и использования возможностей для контрударов. Это "главная пружина", как выразился лорд Барэм, "из которой должны исходить все наступательные операции". Таким образом, поскольку эта эскадра постоянна и является основой всей нашей системы, ясно, что, если, как в случае с французскими войнами, операционные линии противника не пересекают наши внутренние воды, тесная концентрация на ней не послужит нам на пользу. С другой стороны, если, как в случае с голландскими войнами, линии действительно пересекают внутренние воды, то все, что требуется, - это концентрация сил дома. Наша дивизия тогда будет оцениваться по количеству наших избыточных сил и по степени, в которой мы чувствуем себя способными выделить эскадры для наступательных действий против отдаленных морских интересов противника без ущерба для нашего удержания внутренних терминалов на его операционных направлениях и нашей способности наносить удары непосредственно по его движению. Эти замечания применимы, конечно, к основным операциям флота. Если у такого противника есть отдаленные колониальные базы, с которых он может мешать нашей торговле, естественно, в этих районах должны быть организованы незначительные концентрации.

Далее мы должны отметить, что там, где эскадры противника широко распределены по многочисленным базам, мы не всегда можем упростить проблему, оставляя некоторые из них открытыми, чтобы побудить его сконцентрироваться и уменьшить количество портов, за которыми нужно наблюдать. Ибо, если мы сделаем это, мы оставим незамеченные эскадрильи свободными для спорадических действий. Если мы не уверены, что он намерен сконцентрироваться для решительных действий, наш единственный способ упростить ситуацию - это достаточно внимательно следить за каждым портом, чтобы эффективно вмешиваться в спорадические действия. Затем, поскольку ему отказано в спорадических действиях, противник должен либо ничего не предпринимать, либо сконцентрироваться.

Следующий принцип - гибкость. Концентрация должна быть организована таким образом, чтобы любые две части могли свободно соединяться и чтобы все части могли быстро конденсироваться в массу в любой точке области концентрации. Цель сдерживания от формирования массы состоит в том, чтобы лишить противника знания о нашем фактическом распределении или его намерениях в любой данный момент и в то же время гарантировать, что оно будет скорректировано с учетом любого открытого для него опасного движения. Кроме того, нашей целью должно быть не просто предотвращение того, чтобы какая-либо часть была подавлена превосходящими силами, но и рассматривать каждую отдельную эскадрилью как ловушку, заманивающую врага к уничтожению. Короче говоря, идеальная концентрация - это видимость слабости, за которой скрывается реальная сила.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВЕДЕНИЕ МОРСКОЙ ВОЙНЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВВОДНЫЙ

I. НЕОТЪЕМЛЕМЫЕ РАЗЛИЧИЯ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ НА СУШЕ И НА МОРЕ

Прежде чем пытаться определенным образом применить вышеупомянутые общие принципы к ведению морской войны, необходимо устранить некоторые препятствия для правильного суждения. Следует помнить, что постепенное разъяснение теории войны было почти полностью работой солдат, но проделанная ими работа настолько достойна восхищения, а принятый ими философский метод настолько философичен, что возникла вполне естественная тенденция предполагать, что их широко обоснованные выводы имеют универсальное применение. Никто не станет отрицать, что основные направления, которые они наметили, в определенном смысле являются теми, которые должны определять всю стратегию. Они настоящие первопроходцы, и их методы должны быть в основном нашими методами, но мы должны помнить, что страна, по которой нам предстоит путешествовать, радикально отличается от той, в которой они приобрели свое мастерство.

Минутное размышление покажет, насколько далеко простираются различия. Давайте спросим себя, каковы основные идеи, вокруг которых вращаются все военные знания. В широком смысле можно сказать, что общих принципов всего три. Во-первых, существует идея концентрации силы, то есть идея сокрушить основные силы противника, направив на это максимальное накопление веса и энергии в пределах ваших возможностей; во-вторых, существует идея о том, что стратегия - это в основном вопрос определенных линий связи; и в-третьих, существует идея концентрации усилий, которая означает наблюдение за силами, которые вы хотите сокрушить, без оглядки на скрытые цели. Теперь, если мы исследуем условия, которые дают этим принципам столь прочную опору на суше, мы обнаружим, что во всех трех случаях они различаются на море, и различаются существенно.

Возьмем первый, который, несмотря на все выводы, которые мы должны сделать из него в случае ограниченных войн, является доминирующим. Емкий принцип, который выражает его суть, заключается в том, что нашей главной целью являются основные силы противника. В современной военно-морской литературе эта максима применяется к морю примерно в такой форме: "Основная цель нашего боевого флота - найти и уничтожить флот противника". На первый взгляд ничто не может выглядеть более убедительно, но каковы условия, лежащие в основе того и другого?

Практическая ценность военной максимы основана на том факте, что в сухопутной войне всегда теоретически возможно нанести удар по армии противника, то есть если у вас есть силы и дух,

чтобы преодолеть препятствия и столкнуться с риском. Но на море это не так. В морской войне мы имеем дело с далеко идущим фактом, который совершенно неизвестен на суше. Дело просто в том, что ваш противник может вообще убрать свой флот с поля боя. Он может отвести его в защищенный порт, где он абсолютно недосыгаем для вас без помощи армии. Никакие военно-морские силы и никакой наступательный дух вам не помогут. Результатом является то, что в морской войне имеет тенденцию возникать затруднительная дилемма. Если у вас есть превосходство, которое оправдывает энергичное наступление и побуждает вас искать своего врага с целью принятия решения, велика вероятность, что вы обнаружите его в положении, когда вы не сможете до него дотронуться. Ваше преступление пресечено, и вы оказываетесь в том, что, по крайней мере теоретически, является самой слабой общей позицией, известной на войне.

Это было одно из наших первых открытий в области стратегии. Это действительно последовало немедленно и неизбежно после того, как мы обнаружили, что самый радикальный способ ведения войны - это сосредоточить все усилия на вооруженных силах противника. При рассмотрении теории войны в целом уже было сделано предостережение против слишком распространенного предположения, что этот метод был изобретением Наполеона или Фридриха, или что он вообще был импортирован из-за рубежа. По крайней мере, по мнению наших собственных военных историков, эта идея родилась во время наших Гражданских войн с Кромвелем и армией Нового образца. Это была бросающаяся в глаза черта, отличавшая нашу Гражданскую войну от всех предыдущих войн современности. Его успех был настолько ошеломляющим, как отмечали иностранные наблюдатели, что, естественно, наши военные адмиралы применили его на море, как только началась война с голландцами. Каковы бы ни были претензии солдат Кромвеля на то, что они изобрели для ведения сухопутной войны то, что за границей считается главной характеристикой метода Наполеона, вне всякого сомнения, они заслуживают похвалы за это на море. Все три голландские войны преследовали коммерческую цель, и все же после первой кампании общая идея никогда не заключалась в том, чтобы сделать торговлю противника главной целью. Это место было повсюду занято их боевыми флотами, и при Монке и Руперте, по крайней мере, эти цели преследовались с целеустремленностью и настойчивой горячностью, которая была полностью наполеоновской.

Но на более поздних стадиях борьбы, когда мы начали набирать перевес, выяснилось, что метод перестал работать. Попытка найти врага с целью решительных действий снова и снова срывалась из-за его отступления к своему собственному побережью, где либо мы не могли добраться до него, либо его возможности для отступления делали невозможным решающий результат. Фактически он занял оборонительную позицию, с которой мы были бессильны справиться, и в истинном духе обороны время от времени выскакивал вперед, чтобы нанести нам контрудар, как только видел возможность.

Вскоре стало ясно, что единственный способ справиться с таким отношением - это применить какие-то средства, чтобы вынудить противника выйти в море и заставить его принять решение, которого мы добивались. Самым убедительным подручным средством было поставить под угрозу его коммерцию. Следовательно, вместо того, чтобы попытаться напрямую разыскать его флот, наш собственный находился бы на фарватере его торговли по направлению домой, либо на Доггер-Банке, либо в другом месте, создавая тем самым ситуацию, которая, как мы надеялись, стоила бы ему либо торговли, либо боевого флота, а возможно, и того и другого. Таким образом, несмотря на то, что с нашим растущим превосходством наша озабоченность

идеей принятия решения в бою стала сильнее, чем когда-либо, мы оказались вынуждены прибегнуть к вспомогательным операциям скрытого стратегического характера. Это любопытный парадокс, но он, по-видимому, присущ особой черте морской войны, которая позволяет полностью убрать вооруженные силы с поля боя.

Вторая отличительная черта морской войны, связанная с идеей коммуникации, выражена не так хорошо, но едва ли менее важна. Следует напомнить, что эта характеристика относится к линиям связи в той мере, в какой они имеют тенденцию определять направления деятельности. Это простой вопрос о дорогах и препятствиях. В сухопутной войне мы можем с некоторой точностью определить пределы и направление возможных передвижений нашего противника. Мы знаем, что они должны определяться главным образом дорогами и препятствиями. Но на плаву ни дорог, ни препятствий не существует. На поверхности моря нет ничего подобного, что помогло бы нам определить его местонахождение и определить его передвижения. Верно, что во времена плавания его передвижения были в некоторой степени ограничены господствующими ветрами и устранением невозможных курсов, но с паром исчезли даже эти определяющие факторы, и свободу его передвижения практически ничто не ограничивает, кроме нехватки топлива. Следовательно, при нанесении удара по нашему врагу вероятность промаха гораздо выше на море, чем на суше, и шансы ускользнуть от противника, которого мы стремимся ввести в бой, становятся настолько серьезным препятствием для наших наступательных действий, что вынуждают нас с осторожностью придерживаться принципа "Поиска флота противника".

Трудность проявилась с того самого момента, как родилась идея. Это можно проследить — по крайней мере, в том, что касается современной войны, — до знаменитой оценки сэра Фрэнсиса Дрейка в "году армады". Это памятное донесение было написано, когда возникли острые разногласия относительно того, что лучше - задержать наш флот в родных водах или направить его вперед, к берегам Испании. Цель противника была весьма неопределенной. Мы не могли сказать, будет ли удар нанесен по Ла-Маншу, Ирландии или Шотландии, и ситуация осложнялась тем, что испанская армия вторжения была готова переправиться с фламандского побережья, а также возможностью совместных действий "гизов" из Франции. Дрейк был за то, чтобы решить проблему, сняв станцию с порта отправления Армады, и, полностью осознавая риск, который влек за собой такой шаг, он подкрепил свои чисто стратегические соображения моральными соображениями высшей важности. Но правительство это не убедило, не из-за, как обычно предполагается, малодушия и отсутствия стратегического понимания, а потому, что шансы на отсутствие контакта с Дрейком были слишком велики, если Армада отплывет до того, как наш собственный флот сможет занять позицию.

Наш третий элементарный принцип - это идея концентрации усилий, и третья характеристика морской войны, которая противоречит ей, заключается в том, что помимо обязанности выигрывать сражения, на флоты возлагается обязанность защищать торговлю. В сухопутной войне, по крайней мере с тех пор, как опустошение незащищенной части страны вашего противника перестало быть признанной стратегической операцией, нет соответствующего отклонения от чисто военных операций. Пуристы напрасно говорят нам, что нельзя допустить, чтобы отклонение от защиты торговли отвлекло нас от нашей главной цели. Мы имеем дело с суровыми фактами войны, и опыт подсказывает нам, что только по экономическим причинам, не считая давления общественного мнения, никто никогда не считал возможным полностью игнорировать отклонение от курса. Финансовая мощь на войне действительно настолько

жизненно важна, что чаще всего поддержание торгового потока воспринимается как первостепенное соображение. Даже в лучшие дни наших голландских войн, когда весь план был основан на игнорировании торговли противника в качестве цели, мы порой оказывались вынуждены защищать нашу собственную торговлю, что приводило к серьезным неприятным результатам.

Также не выгоднее заявлять, что единственный надежный способ защитить свою торговлю - это уничтожить флот противника. Как изложение принципа, это прописная истина — никто не станет с этим спорить. Как канон практической стратегии, это неверно; ибо здесь наше первое отклонение снова заявляет о себе. Что вам делать, если враг откажется позволить вам уничтожить его флот? Вы не можете оставлять свою торговлю беззащитной перед налетами эскадрилий или крейсеров, пока ждете удобного случая, и чем больше вы концентрируете свои силы и усилия для принятия желаемого решения, тем больше вы будете подвергать свою торговлю спорадическим атакам. В результате вы не всегда вольны принять план, который лучше всего рассчитан для того, чтобы подтолкнуть вашего врага к принятию решения. Вы можете оказаться вынуждены занимать не самые лучшие позиции, но те, которые дадут достаточный шанс установить контакт на благоприятных условиях и в то же время обеспечат разумное прикрытие для вашей торговли. Отсюда максима о том, что побережье противника должно быть нашей границей. Это не чисто военная максима, подобная максиме поиска вражеского флота, хотя эти две максимы часто используются так, как если бы они были взаимозаменяемыми. Наши обычные позиции на вражеском побережье были продиктованы как необходимостью защиты торговли, так и основными стратегическими соображениями. Строгое наблюдение за портами противника никогда не было самым вероятным способом подтолкнуть его к решительным действиям — у нас есть хорошо известное заявление Нельсона по этому поводу, — но это был лучший, а часто и единственный способ сохранить море чистым для прохода нашей собственной торговли и для операций наших крейсеров против вражеских.

В настоящее время нет необходимости подробно останавливаться на этих важнейших моментах. По мере того, как мы будем переходить к методам ведения морской войны, они будут набирать силу и ясность. Было сказано достаточно, чтобы обозначить мели и предупредить нас о том, что, несмотря на превосходную конструкцию корабля, который военные стратеги предоставили для нашего использования, мы должны быть осторожны в навигации.

Но прежде чем двигаться дальше, необходимо упростить то, что лежит перед нами, попытавшись сгруппировать сложное разнообразие военно-морских операций в управляемую форму.

II. ТИПИЧНЫЕ ФОРМЫ ВОЕННО-МОРСКИХ ОПЕРАЦИЙ

При ведении морской войны будет обнаружено, что все операции относятся к двум широким классам объектов. Первый заключается в получении или оспаривании командования на море, а другой - в осуществлении такого контроля над коммуникациями, какой есть у нас, независимо от того, обеспечено полное командование или нет.

Именно на логическом и практическом различии между этими двумя видами военно-морских объектов, как мы видели, основывалось устройство флотов в разгар периода мореплавания, когда морские войны были почти непрерывными и формировали существующее распределение сил в мире. Во всяком случае, в тот период двойная концепция лежала в основе военно-морских

методов и военно-морской политики, и поскольку она также является логическим следствием теории войны, мы можем смело взять ее за основу нашего анализа ведения военно-морских операций.

На практике, конечно, мы редко можем категорически утверждать, что любая военная операция имеет только одну четко определенную цель. Боевая эскадра, основной функцией которой было обеспечение командования, часто размещалась таким образом, чтобы позволять ей осуществлять контроль; и, *наоборот*, линии крейсеров, предназначенные в первую очередь для осуществления контроля на торговых путях, рассматривались как аванпосты боевого флота, предупреждающие его о передвижениях вражеских эскадр. Так, Корнуоллису во время блокады Бреста иногда приходилось ослаблять хватку, чтобы прикрыть прибытие конвоев от набегających эскадр; и точно так же, когда лорд Барэм спросил Нельсона о его мнении относительно патрульных линий крейсеров, он высказался следующим образом: "Корабли этой службы не только предотвратили бы грабежи каперов, но и были бы на пути наблюдения за любой эскадрой противника, если бы она прошла по их следу.... Поэтому разведданные будут передаваться быстро, и враг, я думаю, никогда не терялся из виду".¹⁵ Инструкций на этот счет были даны лордом Бархэмом соответствующим коммодорам. Как будет видно, в обоих случаях два класса операций накладывались друг на друга. Тем не менее, для целей анализа это различие справедливо и полезно для получения четкого представления о поле деятельности.

Возьмем, во-первых, методы обеспечения командования, под которыми мы подразумеваем лишение противника возможности эффективно использовать общие коммуникации или существенно препятствовать нашему их использованию. Мы находим, что использовалось два средства: решение боем и блокада. Из двух первое было менее достижимым, но именно его британская служба всегда предпочитала. Вполне естественно, что так и должно было быть, учитывая, что наше обычное положение заключалось в превосходстве над нашим врагом, и до тех пор, пока сохраняется политика превосходства, есть вероятность, что преимущество также будет сохраняться.

Но, помимо этого, идея, по-видимому, уходит корнями в старейшие традиции Королевского военно-морского флота. Как мы видели, убежденность морской службы в том, что война - это прежде всего вопрос сражений, и что сражения, в которых однажды участвуют на сколько-нибудь равных условиях, должны вестись до последнего вздоха, - это убеждение, которому нечему поучиться у более поздних континентальных открытий. Кромвелевские адмиралы передали нам память о сражениях, длившихся три, а то и четыре дня. Их кредо закреплено в надежном военном уставе, по которому были осуждены Бинг и Колдер; а в "апофеозе Нельсона" служба обожествила идею сражения.

Это правда, что были периоды, когда идея, казалось, теряла свой колорит, но, тем не менее, она настолько прочно укоренилась в британской концепции ведения морской войны, что нечего было бы сказать, если бы не неизбежные изменения, которыми мы должны смягчить доктрину свержения. "Используйте это средство, - сказал его самый известный защитник, - когда сможете и когда должны". Как бы преданно мы ни придерживались боевой веры, действовать в соответствии с ней не всегда возможно или мудро. Если мы сильны, мы настаиваем на сражении, когда можем. Если мы слабы, мы не принимаем решение, пока не будем вынуждены. Если обстоятельства благоприятствуют нам, мы не всегда можем принять решение; а если они

неблагоприятны, мы не всегда обязаны бороться. Следовательно, мы обнаруживаем, что кажущаяся простой доктрина сражения почти всегда была запутана в двух самых сложных проблемах, которые окружали наших старых адмиралов. Наиболее острые вопросы, которые им приходилось решать, заключались в следующем. В обычном случае силы дело заключалось не в том, как победить врага, а в том, как заставить его действовать; а в случайных случаях временной слабости дело заключалось не в том, как дорого продать свою жизнь, а в том, как поддерживать флот в активной обороне, чтобы сразу же лишить врага возможности принять решение, которого он добивался, и помешать ему достичь своей скрытой цели.

Из этих соображений следует, что мы можем сгруппировать все военно-морские операции примерно таким образом. Во-первых, исходя из единственного допущения, которое мы можем себе позволить, а именно, что мы начинаем с перевеса сил или преимущества, мы применяем методы обеспечения командования. Эти методы, опять же, подразделяются на две категории. Во-первых, существуют операции по принятию решения путем сражения, в рамках которых, как было объяснено, нас будут главным образом интересовать методы привлечения нежелающего действовать противника к активным действиям и значение для этой цели принципа "Поиска флота противника". Во-вторых, есть операции, которые становятся необходимыми, когда невозможно принять решение, а наш план ведения войны требует немедленного контроля над коммуникациями. В рамках этого раздела будет удобно рассматривать все формы блокады, будь то военная или коммерческая, хотя, как мы увидим, определенные формы военной и даже коммерческой блокады в первую очередь направлены на принуждение противника к принятию решения.

Наша вторая основная группа охватывает операции, к которым нам приходится прибегать, когда наших относительных сил недостаточно ни для того, ни для другого класса операций, чтобы обеспечить командование. В этих условиях мы должны довольствоваться попытками оспорить командование; то есть мы пытаемся с помощью активных оборонительных операций помешать противнику либо закрепиться, либо осуществлять контроль над объектами, которые он имеет в виду. Таковы операции, которые обозначаются истинной концепцией "Существующего флота". Под эту рубрику также следует отнести те новые формы малой контратаки, которые вошли в сферу стратегии с момента появления мобильных торпедоносцев и наступательного минирования.

В третьей основной группе мы должны иметь дело с методами осуществления контроля за проходом и коммуникацией. Эти операции различаются по характеру в зависимости от нескольких целей, для которых требуется контроль, и будет обнаружено, что они принимают одну из трех общих форм. Во-первых, контроль над путями прохождения армии вторжения; во-вторых, контроль торговых путей и терминалов для нападения и защиты торговли; и в-третьих, контроль над проходом и коммуникациями для наших собственных зарубежных экспедиций, а также контроль над районом их назначения для активной поддержки их операций.

Для наглядности мы можем резюмировать все в виде табличного анализа следующим образом:—

1. Методы обеспечения безопасности команды:

- (a) Путем получения решения.
- (b) Путем блокады.

2. Методы оспаривания приказа:

(a) Принцип "существующего флота".

(b) Незначительные контратаки.

3. Методы осуществления командования:

(a) Защита от вторжения.

(b) Нападение и защита торговли.

(c) Нападение, защита и поддержка военных экспедиций.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МЕТОДЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ КОМАНДЫ

I. О ПОЛУЧЕНИИ РЕШЕНИЯ

Каким бы ни был характер войны, в которой мы участвуем, будь то ограниченная или неограниченная, постоянное и общее командование на море является условием окончательного успеха. Единственный способ обеспечить такое командование военно-морскими средствами - добиться принятия решения путем сражения с флотом противника. Рано или поздно это должно быть сделано, и чем раньше, тем лучше. Таково было старое кредо британцев. Это по-прежнему наше кредо, и оно не требует никаких усилий. Никто не будет оспаривать это, никто не захочет даже обсуждать это, и мы с уверенностью приходим к выводу, что первоочередной задачей нашего флота является поиск флота противника и его уничтожение.

Ни одна максима не может так хорошо отразить британский дух ведения войны на море, и нельзя допустить, чтобы что-либо повлияло на этот дух. Рассматривать его притязания на то, чтобы быть логическим завершением нашей теории войны, будет даже сочтено опасным, однако нет ничего более опасного в изучении войны, чем позволять максима́м заменять суждения. Давайте проверим его полномочия и в качестве первого шага проверим его на двух самых современных экземплярах.

Следует отметить, что оба они были примерами ограниченной войны, наиболее обычной формы нашей собственной деятельности и, по сути, единственной, к которой наша военная организация с ее существенным преобладанием военно-морского элемента когда-либо была действительно приспособлена. Первый пример - испано-американская война, а второй - между Россией и Японией.

В первом случае американцы взяли за оружие, чтобы освободить Кубу от испанского господства — строго ограниченная цель. Нет никаких свидетельств того, что природа войны когда-либо была четко сформулирована какой-либо из сторон, но в точном соответствии с общими политическими условиями американский план войны был направлен на то, чтобы начать с движения по захвату территориальной цели. Как можно скорее они намеревались утвердиться на западе Кубы в поддержку колониальных повстанцев. Все зависело от решительности и быстроты захвата инициативы. Его моральная и физическая важность оправдывала предельный риск, и такова была обстановка на море, через которое предстояло пройти американской армии, что строго оборонительная или прикрывающая позиция их флота могла снизить риск почти до уровня безопасности. Однако американцы были настолько неразумно подчинены недавно вновь открытым принципам, что, когда накануне выполнения жизненно важного маневра они услышали, что испанская эскадра пересекает Атлантику, их собственные силы прикрытия были сняты с оборонительных позиций и отправлены "искать флот противника и уничтожить его".

Пуэрто-Рико был наиболее очевидным пунктом, в котором следовало искать его, и адмиралу Сэмпсону было разрешено отправиться туда, невзирая на элементарную истину о том, что в таких случаях то, что очевидно для вас, обычно очевидно и для вашего врага. Результатом стало то, что американцам не только не удалось установить контакт, но они также обнаружили линию прохода своей собственной армии и парализовали первоначальное движение. В конце концов, только чистая случайность позволила им исправить допущенную ошибку. Если бы испанская эскадра зашла в кубинский порт, имеющий железнодорожное сообщение с основными силами роялистской армии, такой как Сьенфуэгос или Гавана, вместо того чтобы поспешить в Сантьяго, вся кампания была бы проиграна. "Теперь кажется, - писал адмирал Мэхан в своих *Уроках войны с Испанией*, - что поход нашей гаванской дивизии на восток был не только неудачным, но и его следовало бы заранее рассматривать как ошибку, поскольку он несовместим с общепринятым принципом ведения войны, несоблюдение которого не предписывалось условиями. Этот принцип осуждает эксцентричные движения. Пренебрегая правилами в данном случае, мы открыли огонь по Гаване и Сьенфуэгосу, которые нашей целью было приблизить к дивизии противника".

Независимо от того, считаем ли мы изложение ошибки адмиралом Мэханом проникающим в реальный принцип, который был нарушен, на самом деле это движение было не только эксцентричным, но и ненужным. Если бы американцы удовлетворились тем, что их флот был сосредоточен на его истинной оборонительной позиции, они не только прикрыли бы линию прохода своей армии и блокировали территориальную цель, но и имели бы гораздо больше шансов заставить испанцев действовать. Испанцы были обязаны прибыть к ним или остаться за пределами театра военных действий, где они никоим образом не могли повлиять на исход войны, кроме как во вред самим себе, подорвав дух своего собственного кубинского гарнизона. Это явный случай, когда буква убивает дух, когда привлекательной максимой позволено закрыть дверь после вынесения приговора. Стратегическое нападение в данном случае было не лучшей защитой. "Поиск флота противника" почти неизбежно закончился бы ударом в воздухе, который не только не привел бы к какому-либо наступательному результату, но и принес бы в жертву главный оборонительный план американского военного плана, на который опиралось их наступление для достижения успеха. Заклеймить такое движение как просто эксцентричное - значит вынести очень мягкое порицание.

В русско-японской войне мы имеем обратный случай, когда суд умолчал об афоризме. Это правда, что на более ранней стадии морских операций японцы в некотором смысле искали флот противника, поскольку они продвинули свою базу поближе к Порт-Артуру; но это было сделано не с каким-либо твердым намерением уничтожить русский флот — на море надежды на это было мало, — а скорее потому, что никакими другими средствами они не могли прикрыть проходные пути армии, обеспечивать которые было функцией флота, поскольку настоящие наступательные операции проводились на суше. Никогда, за исключением одного раза, по прямому приказу из Токио, ни адмирал Того, ни адмирал Камимура не предпринимали наступательных действий таким образом, чтобы поставить под угрозу выполнение превентивных обязанностей, возложенных на них планом войны. Еще меньше на более позднем этапе, когда все зависело от уничтожения Балтийского флота, адмирал Того "стремился к этому". Он был доволен, как и должны были быть довольны американцы, создав такую ситуацию, что враг должен был прийти и сломить ее, если они хотели повлиять на исход войны. Поэтому он ждал, защищаясь, уверенный, что его враг должен напасть на него, и тем самым он сделал это настолько уверенным, насколько это возможно на войне, что, когда наступит момент для тактического наступления, его удар должен быть уверенным и внезапным, с подавляющей концентрацией сил и решающим, превосходящим все прецеденты.

Таким образом, ясно, что максима "поиска", при всей ее моральной привлекательности, при всей ее ценности как выражения высокого и крепкого военно-морского духа, не должна вытеснять хорошо аргументированное суждение. Каким бы верным слугой он ни был, из него получится плохой хозяин, поскольку американцы обнаружили, что находятся в серьезной опасности. И все же мы инстинктивно чувствуем, что в нем, как ни в каком другом афоризме, выражен секрет британских успехов на море. Мы не можем обойтись без него; мы не можем обойтись без него в его обнаженном виде. Давайте попытаемся облечь это слово в его истинное значение, в истинные принципы, которые оно подразумевает. Давайте попытаемся определить, из какого материала он сделан, и для этой цели нет лучшего способа, чем проследить его постепенный рост с тех дней, когда он был рожден грубым и мужественным инстинктом первых мастеров.

Зародыш следует искать в уже упомянутом послании, которое Дрейк отправил из Плимута в конце марта 1588 года. Его аргументы были не чисто военно-морскими, поскольку это была комплексная проблема, проблема защиты от вторжения, которая должна была быть решена. Он хотел убедить правительство в том, что ядром ситуации была не столько армия вторжения Пармы во Фландрию, сколько флот, который готовился в Испании расчистить ей проход. Правительство, по-видимому, придерживалось противоположной точки зрения. Говард с основной частью флота находился на базе в Медузее, на расстоянии поддержки легкой эскадры, которая совместно с голландцами блокировала фламандские порты. Самого Дрейка с другой легкой эскадрилей послали на запад с какой-то неопределенной целью - служить в качестве наблюдательной эскадрильи или быть использованным на средневековый манер для эксцентричного контрудара. Когда его пригласили высказать свое мнение об этой диспозиции, он назвал ее порочной. По его мнению, требовалось наступательное движение против основного флота противника. "Если удастся каким-либо образом задержать этот флот в Испании, - настаивал он, - чтобы они не смогли пройти по морям как завоеватели, то принц Пармский получит от этого такой отпор, какого мы заслуживаем". Очевидно, что у него на уме было не столько открытое решение, сколько прекращение незавершенной мобилизации противника, подобной той, которую он так блестяще осуществил в предыдущем году. Ибо позже

он говорит, что "Далее, под могущественной защитой Бога, преимущество времени и места будет единственным и главным средством для нашего блага, в чем я смиреннейшим образом умоляю ваши добрые светлости продолжать в том же духе, в каком вы начали, ибо с пятьюдесятью кораблями мы сделаем больше на их собственном побережье, чем гораздо больше здесь, дома; и чем скорее мы уйдем, тем лучше мы сможем привлечь их к ответственности". Он не говорит "уничтожить". "Объявить импичмент" означало "предотвратить".

Тогда ясно, что у него на уме было повторение прошлогодней стратегии, с помощью которой он смог сорвать мобилизацию в Испании и "отстранить" Армаду от плавания. Он даже не просил сосредоточить для этой цели весь флот, а только о том, чтобы его собственная эскадра была усилена по мере необходимости. Действительные причины, которые он привел в качестве своего совета, были чисто моральными — то есть он подробно остановился на воодушевляющем эффекте нанесения первого удара и атаки вместо того, чтобы ждать, пока на него нападут. Он призвал нацию "быть убежденной, что Господь вложит в Ее Величество и ее народ мужество и отвагу не бояться вторжения, а искать врагов Бога и Ее Величества там, где они могут быть найдены".

Вот зародыш максимы. Следствием его отправки стал вызов на Собор. За совещанием последовала не полумера, которая была всем, что он осмелился посоветовать в своем послании, а нечто такое, что воплощало в себе более полное выражение его общей идеи и близко напоминало то, что должно было быть освящено как наше обычное решение в подобных случаях. Весь основной флот, за исключением эскадры, наблюдавшей за побережьем Фландрии, был сосредоточен к западу, чтобы прикрыть блокаду транспортов Пармы, но позиция, отведенная ему, находилась внутри Ла-Манша, а не снаружи, что было плохо с тактической точки зрения, поскольку это почти наверняка дало бы армаде возможность наблюдать за погодой. Движение к побережью Испании не было разрешено — не обязательно, следует помнить, из малодушия или неспособности понять идею Дрейка, но из опасения, что, как в недавнем случае с Америкой, продвижение вперед, вероятно, приведет к удару с воздуха и вскрыет жизненно важную позицию, не привлекая противника к активным действиям.

Однако, когда отплытие Армады было так надолго отложено, настойчивость Дрейка возобновилась, а Говард и все его коллеги поддержали ее. В конце концов это принесло желаемое разрешение. Флот отплыл в Ла-Корунью, где, как было известно, Армада после неудачного старта из Лиссабона была вынуждена из-за плохой погоды, и произошло нечто подобное тому, чего опасалось правительство. Прежде чем корабль смог достичь места назначения, он столкнулся с южными штормами, его наступательная мощь была исчерпана, и ему пришлось вернуться в Плимут, бессильному к немедленным действиям, поскольку Армада наконец отплыла. Когда появились испанцы, он все еще находился в порту на переоборудовании и пополнении запасов продовольствия. Только благодаря беспрецедентному подвигу морехода ситуация была спасена, и Говард смог занять ортодоксальную позицию к морю от своего врага.

Таким образом, до сих пор осторожное придерживание правительством общей оборонительной позиции вместо поиска вражеского флота было оправдано, но следует помнить, что Дрейк с самого начала настаивал, что это вопрос не только места, но и времени. Если бы ему было разрешено совершить это движение, когда он впервые предложил его, есть веские основания

полагать, что заключительные этапы испанской мобилизации не могли быть проведены в том году; то есть различные подразделения Армады не могли быть собраны во флот. Но информация о его состоянии в то время была очень неопределенной, и, учитывая переговоры, которые шли полным ходом, были, кроме того, серьезные политические причины для того, чтобы мы не предпринимали слишком решительного наступления, если бы существовала разумная альтернатива.

Таким образом, принципы, которые мы извлекаем из этого первоначального случая "поиска выхода", заключаются, во-первых, в моральной ценности захвата инициативы и, во-вторых, в важности нанесения удара до завершения мобилизации противника. Идея поражения в результате крупных действий флота отсутствует, если только мы не находим ее в неясно сформулированной идее елизаветинских адмиралов нанести удар по флоту, когда он деморализован, как это было с Армадой после ее первого отпора или сразу после выхода из порта, прежде чем она успокоилась.

В нашем следующем морском сражении с голландцами во второй половине XVII века принцип ниспровержения, как мы видели, получил полное развитие. Это был лейтмотив разработанной стратегии, и условия, которые вынудили ее к признанию, также подчеркивали принципы поиска и разрушения. Это был случай чисто морской борьбы, в которой не было никаких военных соображений, которые могли бы повлиять на военно-морскую стратегию. Более того, это был вопрос узких морей, и риск упустить контакт, который стеснил елизаветинцев на их океанском театре военных действий, был незначительным фактором. Однако вскоре появились новые возражения против использования принципа "поиска выхода" в качестве стратегической панацеи.

Первая война началась без каких-либо следов нового принципа. Первая кампания была по-старинке целиком посвящена нападению и защите торговли, и те нерешительные действия, которые имели место, были просто случайными в этом процессе. Похоже, никто не осознал ошибочности такого метода, за исключением, возможно, Тромпа. Общие инструкции, которые он получил, заключались в том, что "первой и главной целью было нанести англичанам весь возможный вред", и с этой целью "ему был предоставлен флот для того, чтобы нанести ущерб английскому флоту, а также направить конвой на запад". Сразу увидев несовместимость двух функций, он попросил более определенных инструкций. Что, например, ему делать, если он найдет возможность блокировать основной английский флот на его базе? Должен ли он посвятить себя блокаде и "оставить весь торговый флот на растерзание эскадре быстроходных фрегатов", или он должен продолжать выполнять свои обязанности по сопровождению? Как бы он ни был преисполнен желания расправиться с основным флотом противника, он был озадачен практической трудностью — о которой слишком часто забывали, — что простое превосходство в боевой мощи противника не решает проблему контроля на море. Не последовало никаких новых инструкций, которые прояснили бы его недоумение, и он мог только снова запротестовать. "Я мог бы пожелать, — писал он, — быть настолько удачливым, чтобы иметь только одну из этих двух обязанностей - отслеживать врага или давать конвой, поскольку выполнение обеих сопряжено с большими трудностями".

Нерешительная кампания, которая естественным образом стала результатом отсутствия стратегического контроля и концентрации усилий, подошла к концу частичным поражением Тромпом Блейка при Дандженессе 30 ноября 1652 года. Несмотря на его протесты с большим конвоем, голландский адмирал отправил его обратно в Остенде, когда обнаружил, что Блейк находится в Даунсе, а затем, свободный от всех забот, отправился на поиски своего врага.

Именно эффект, который этот неожиданный удар оказал на сильную военную проницательность правительства Кромвеля, привел к тем знаменитым реформам, которые сделали эту зиму столь запоминающейся вехой в истории британского военно-морского флота. Монк, самый опытный профессиональный солдат на английской службе, и Дин, еще один генерал, стали командовать вместе с Блейком, и с их приходом в морскую службу был вдохнут высокий воинский дух армии Нового образца. Той зиме мы обязаны не только Военным уставам, которые сделали возможной дисциплину, и первой попытке сформулировать Боевые инструкции, в которых была заложена регулярная тактическая система, но и двум другим концепциям, составляющим современное представление о морской войне. Одним из них было убеждение, что война на море означала операции против вооруженных флотов противника с целью уничтожения его силы морского сопротивления, в отличие от операций в порядке возмездия за его торговлю; и другое, что такая война требовала для своего эффективного использования флота государственных кораблей, специализированных для ведения войны, при как можно меньшей помощи со стороны частных судов. Не было ничего противоестественного в том, что все четыре идеи оформились вместе, настолько тесно они связаны. Цель подразумевает средства. Дисциплина, флотская тактика и флот боевых кораблей были необходимы для ведения войны в современном смысле этого термина.

Результаты были видны в трех крупных сражениях следующей весны, первое под командованием трех генералов, а два других - под командованием одного только Монка. В последнем он довел новые идеи до того, что запретил вступать во владение поврежденными судами, чтобы ничто не могло остановить работу по разрушению. Все они должны были быть потоплены со всей нежностью к человеческой жизни, какую только позволяло разрушение. Аналогичным образом, вторая война характеризовалась тремя крупными морскими сражениями, одно из которых, после того как Монк возобновил командование, длилось не менее четырех дней. Новая доктрина действительно была доведена до преувеличения. Военно-морская мысль была настолько всецело сосредоточена на действиях боевых флотов, что не было предусмотрено адекватного осуществления контроля. По крайней мере, в нашем собственном случае сосредоточение сил для наступательных действий было доведено до такой степени, что не было задумано о том, чтобы поддержать его с помощью рельефов. Вследствие этого наша наступательная мощь переживала периоды истощения, когда флоту приходилось возвращаться на свою базу, а голландцам предоставлялась достаточная свобода не только для обеспечения своей собственной торговли, но и для нанесения серьезных ударов по нашей. Кульминацией их контрударов стала знаменитая атака на Ширнесс и Чатем. То, что им была предоставлена такая возможность, напрямую связано с преувеличением новой доктрины. По мнению британского правительства, "Битва Святого Джеймса" - последняя из трех акций — решила вопрос о командовании. Были начаты переговоры о мире, и они были довольны тем, что пожинали плоды великих сражений, наживаясь на голландской торговле. Сделав свою работу, как считалось, основная часть боевого флота по финансовым причинам была снята с вооружения, и голландцы воспользовались возможностью продемонстрировать ограниченность этой поруганной доктрины. Этот урок мы никогда не забудем, но его ценность

наполовину утрачивается, если мы приписываем катастрофу непониманию доктрины боевого флота, а не преувеличению его возможностей.

Правда заключается в том, что мы не одержали победы, достаточно решительной, чтобы уничтожить флот противника. Самым ценным уроком войны было то, что для таких побед требовалась работа, особенно в тех случаях, когда воюющие стороны сталкиваются друг с другом по обе стороны узкого моря. В таких условиях было доказано, что из-за легкости отступления и ограниченных возможностей преследования не следует искать окончательного решения без особой стратегической подготовки. Новая доктрина фактически придала стратегии то новое направление, о котором уже говорилось. Вопрос заключался уже не в том, сделать ли торговлю противника или его флот главной целью, а в том, как установить контакт с его флотом таким образом, чтобы это привело к решительным действиям. Просто искать его у его собственных берегов означало гарантировать, что не будет предпринято решительных действий. Необходимо было принять меры, чтобы вынудить его выйти в море подальше от его собственных баз. Излюбленным приемом было заменить старые спорадические атаки организованными стратегическими операциями против его торговли; то есть флот занимал позицию, рассчитанную на то, чтобы полностью остановить его торговлю, но не у его собственных берегов, а далеко в море на главном фарватере. Операции провалились из-за отсутствия средств, позволяющих флоту путем систематической помощи удерживать свои позиции, но, тем не менее, это был зародыш системы, которая впоследствии, при более продуманной организации, оказалась столь эффективной и привела к таким действиям, как "Славное Первое июня".

Во время третьей войны, после того как это устройство снова и снова давало сбои, было опробовано новое. Это была собственная концепция Карла Второго. Его идея состояла в том, чтобы использовать угрозу военной экспедиции. Около 15 000 человек на транспортах были доставлены в Ярмут в надежде, что голландцы выйдут, чтобы преградить им путь через открытое Северное море, и таким образом позволят нашему флоту зайти им в тыл. Однако не было надлежащей координации действий двух сил, и проект провалился.

Этот метод принятия решения не был упущен из виду; Энсон пытался использовать его во время Семилетней войны. В течение двух лет все попытки найти вражеский флот не приводили ни к чему, кроме истощения нашего собственного. Но когда Питт начал свои рейды на побережье Франции, Энсон, который мало верил в их ценность для военных целей, подумал, что видит в них определенные военно-морские возможности. Соответственно, когда в 1758 году он был назначен командующим флотом Ла-Манша для прикрытия экспедиции против Сен-Мало, он снял блокаду Бреста и занял позицию близ острова Батц между основным флотом противника и линией прохода армии. Брестский флот, однако, был не в состоянии двигаться, и снова не было никакого результата. Только в 1805 году был какой-либо явный случай успеха этого устройства, и тогда оно не использовалось намеренно. Это была совместная англо-русская экспедиция в Средиземное море, которая вынудила Наполеона отдать Вильневу безрассудный приказ выйти в море из Кадиса и таким образом решила проблему, из которой Нельсон не видел выхода. Лисса может быть взята как аналогичный случай. Но там итальянцы, рассматривавшие территориальную атаку как реальную атаку, а не как стратегический прием, были застигнуты врасплох австрийским флотом и разбиты.

Этот пример хорошо иллюстрирует важный факт, что, хотя наши собственные военные экспедиции редко приводили к принятию военно-морского решения, почти всегда было верно обратное. Попытка врага использовать свою армию против нашей территории была самым плодотворным источником наших великих морских побед. Знание того, что наш враг намеревается вторгнуться на эти берега или предпринять какую-то серьезную экспедицию против наших заморских владений или интересов, всегда следует приветствовать. Если только История не опровергает саму себя, мы знаем, что такие попытки - самое верное средство добиться того, чего мы хотим. У нас есть воспоминания о Ла-Хогге, Кибероне и Ниле, которые убеждают нас, что рано или поздно они должны привести к военно-морскому решению, и шанс на реальное решение - это все, чего мы можем просить от Военной удачи.

Теперь было сказано достаточно, чтобы показать, что "поиск флота противника" сам по себе недостаточен для принятия такого решения. Что на самом деле означает эта максима, так это то, что мы должны стремиться с самого начала обеспечить контакт в наилучшей позиции для принятия окончательного решения в нашу пользу, и так скоро, как это позволяют другие части нашего военного плана, военные или политические. Если основное наступление носит военный характер, как это было в японском и американском случаях, то, по возможности, усилия по обеспечению такого контроля должны быть подчинены передвижению армии, в противном случае мы отдаем предпочтение обороне перед наступлением. Если, однако, военное наступление не может быть обеспечено до тех пор, пока морская оборона не будет доведена до совершенства, как это будет в случае, если противник подведет флот к линии прохода нашей армии, тогда нашим первым шагом должно быть обеспечение морского контакта.

Недостаток противоположного метода процедуры очевиден. Если мы исходим из принципа, что первойшей обязанностью нашего флота является поиск врага, где бы он ни находился, это означает, что мы просто подстраиваемся под диспозицию и передвижения противника. Он может вести нас, куда ему заблагорассудится. Одним из заблуждений, лежащих в основе всех военно-морских комбинаций Наполеона, было то, что он верил, что наши упрямые адмиралы будут вести себя таким бесхитростным образом. Но ничто не было дальше от их коварства. Есть типичный приказ Корнуоллиса, который хорошо отражает их отношение. Это было то, что он дал адмиралу Коттону, своему заместителю, в июле 1804 года, передавая в его ведение Западную эскадру у Ушанта: "Если французы выйдут в море, - говорит он, - и ни одно из ваших судов их не увидит, не следуйте за ними, если вы не будете абсолютно уверены в выбранном ими курсе. Если вы оставите вход в Ла-Манш без защиты, враг может воспользоваться этим и способствовать вторжению, угрожающему владениям Его Величества, защита которых является вашей главной целью".

Действительно, широко распространено мнение, что Нельсон никогда не позволял себе ничего, кроме единственной цели - преследования вражеского флота, и что, пренебрегая предостережениями, которые Корнуоллис внушил Коттону, он попал в простую ловушку. Но следует отметить, что он никогда не позволял уводить себя в погоне за флотом с позиции, которую ему было поручено поддерживать, до тех пор, пока он не обеспечивал безопасность этой позиции у себя за спиной. Его знаменитая поездка в Вест-Индию - это тот случай, который привел к большинству неправильных представлений по этому поводу из-за недостаточного учета окружающих обстоятельств. Нельсон преследовал Вильнева не с единственной или даже первостепенной целью - заставить его действовать. Его главной целью было спасти Ямайку от захвата. Если бы речь шла только о том, чтобы установить контакт, он, безусловно, чувствовал

бы себя в более надежном положении, дождавшись возвращения Вильнева с Сент-Винсента или приблизившись к стратегическому центру у Ушана. Далее, следует отметить, что Нельсон в своем преследовании не раскрыл, что именно он был обязан защищать. Положение на Средиземном море стало вполне безопасным, прежде чем он отважился на свое эксцентричное движение. Наконец, у нас есть важный факт: хотя моральный эффект неумолимого упорства и быстроты Нельсона был неоценим, невозможно показать, что как простое стратегическое движение это оказало какое-либо влияние на ход кампании. Его появление в Вест-Индии, возможно, спасло один или два небольших острова от выкупа и значительную часть торговли от захвата. Возможно, это также ускорило возвращение Вильнева на несколько дней, но это было не в нашу пользу. Если бы он вернулся хотя бы на неделю позже, не было бы необходимости снимать блокаду Рошфора. В распоряжении Бархэма было бы достаточно кораблей, чтобы сохранить всю свою блокаду, как он и намеревался делать до тех пор, пока *Curieux's* Кюре о поспешном возвращении Вильнева не вынудило бы его действовать прежде, чем он был готов.,,

Если нам нужен типичный пример того, как старые мастера использовали доктрину поиска, то его можно найти не в великолепной погоне Нельсона, а в сдержанной смелости приказов Бархэма Корнуоллису и Колдеру. Их инструкции по поиску Вильнева заключались в том, чтобы отойти по двум возможным направлениям наступления на такое время и на такое расстояние, которые сделали бы решительные действия почти неизбежными и в то же время, в случае пропуска контакта, обеспечили бы сохранение жизненно важных оборонительных позиций. Барэм был слишком проницателен, чтобы сыграть на руку Наполеону и, слепо следуя примеру своего врага, поддаться на уловки и пожертвовать позицией, которую его враг хотел закрепить. Если допустить, чтобы наша максима заняла место предписанного суждения, почти неизбежным результатом будет то, что это приведет нас именно к той ошибке, которой избежал Барэм.

II. БЛОКАДА

Под термином "блокада" мы подразумеваем операции, которые сильно различаются по характеру и стратегическим намерениям. Во-первых, блокада может быть как морской, так и коммерческой. Посредством морской блокады мы стремимся либо воспрепятствовать выходу вооруженных сил противника из порта, либо обеспечить их приведение в действие до того, как они смогут выполнить скрытую цель, ради которой они выходят в море. Эти вооруженные силы могут быть чисто морскими, или они могут состоять полностью или частично из военной экспедиции. Если они будут чисто морскими, то наша блокада - это метод обеспечения командования. Если это чисто военный метод, то это метод осуществления командования, и как таковой он будет рассмотрен, когда мы перейдем к рассмотрению защиты от вторжения. Но поскольку военные экспедиции обычно сопровождаются военно-морским эскортом, операции по предотвращению их отплытия связаны не только с осуществлением командования. Таким образом, морская блокада может рассматриваться в практических целях как метод обеспечения безопасности командования и как функция боевых эскадр. Коммерческая блокада, с другой стороны, по сути, является методом осуществления командования и в основном касается крейсеров. Его непосредственная цель - остановить поток морской торговли противника, независимо от того, осуществляется ли она на его собственной или нейтральной территории, путем отказа ему в использовании торговых коммуникаций.

Таким образом, с точки зрения ведения войны у нас есть две четко определенные категории блокад: морская и торговая. Но наша классификация должна идти дальше; ибо сама морская блокада столь же разнообразна по замыслу и должна быть подразделена. Строго говоря, этот термин подразумевает желание закрыть блокированный порт и не допустить выхода противника в море. Но это не всегда было намерением. Как правило, нашим желанием было, чтобы он вышел в море, чтобы мы могли привести его в действие, и для этого, прежде чем он смог бы достичь своей цели, мы должны были более или менее внимательно наблюдать за портом с помощью флота. Для этой операции не было специального названия. Поскольку цель ее сильно отличалась от других, ее также обычно называли блокадой, и протест Нельсона против последовавшей за этим путаницы в мыслях хорошо известен. "В мои намерения не входит, - сказал он, - пристальное наблюдение за Тулоном"; и снова: "Моя система прямо противоположна блокаде. Врагу были предоставлены все возможности выйти в море". Поэтому желательно использовать термины для различения этих двух форм. "Закреть" и "открыть" выражают антитезу, предложенную в письме Нельсона, и этих двух терминов достаточно, чтобы обозначить характерную черту каждой операции. Тесная блокада, правда, в том виде, в каком она представлялась ранее, обычно рассматривается как более неосуществимая; но противоположные идеи, которые подразумевают эти две формы блокады, никогда не могут быть исключены из стратегического рассмотрения. Стратегия морской блокады всегда должна касаться отношений этих двух форм, какую бы форму они ни приняли в будущем.

Что касается торговой блокады, то при строгом анализе ее следует исключить из исследования, касающегося методов обеспечения командования, и перенести на ту часть осуществления командования, которая касается нападения и защиты торговли. Однако необходимо рассматривать некоторые из ее аспектов в сочетании с морской блокадой по двум причинам: во-первых, морская блокада, как правило, неразрывно связана с второстепенной торговой блокадой; и во-вторых, коммерческая форма, хотя ее непосредственной целью является осуществление контроля, почти всегда имеет скрытую цель, связанную с обеспечением контроля; то есть, в то время как ее непосредственной целью было держать торговые порты противника закрытыми, ее скрытой целью было вынудить его флот выйти в море.

Таким образом, коммерческая блокада имеет тесную связь с морской блокадой в ее открытой форме. Мы принимаем эту форму, когда хотим, чтобы его флот вышел в море, и коммерческая блокада обычно является наиболее эффективным средством, которое у нас есть, чтобы навязать ему движение, которое мы оставляем ему свободным предпринять. Закрывая его торговые порты, мы используем самую высокую власть нанести ему вред, которую только может дать нам морское командование. Мы душим поток его национальной деятельности на плаву точно так же, как военная оккупация его территории душит его на берегу. Следовательно, он должен либо покорно смириться с худшим, что может принести ему морское поражение, либо он должен бороться, чтобы освободиться. Он может посчитать нужным выбрать тот или иной курс, но в любом случае мы больше не можем навязывать ему свою волю одними военно-морскими средствами.

В долгосрочной перспективе жесткая и непрерывная блокада почти наверняка истощит его раньше, чем она истощит нас, но конец будет далеким и дорогостоящим. Поэтому, как правило, мы обнаруживали, что там, где у нас было значительное превосходство, наш противник предпочитал подчиняться торговой блокаде в надежде, что в случае войны или появления свежих сил он позже окажется в лучшем положении, чтобы выйти в открытую. Почти всегда

нашим желанием было, чтобы он выступил и поставил вопрос на кон в битве, и было очевидно, что слишком жесткая морская блокада не была способом достичь желаемой цели или получить стратегический результат, которого мы могли бы ожидать, парализовав его торговлю. Следовательно, там, где желание принять решение на море не перекрывалось высшими военными соображениями, как в случае неминуемого вторжения, или там, где мы сами готовились к важной экспедиции, в наших интересах было склонить противника к более смелому выбору.

Средство состояло в том, чтобы соблазнить его перспективой успеха, либо заставив его поверить, что силы блокады меньше, чем они есть на самом деле, либо удалив их на такое расстояние, которое побудило бы его попытаться обойти их, либо и то, и другое. Ярким примером такой открытой блокады была диспозиция Нельсоном своего флота у Кадиса, когда он пытался привлечь Вильнева к активным действиям в 1805 году. Но простое оставление порта открытым не соответствует идее открытой блокады, и в данном случае к возможностям и искушению Нельсон добавил давление коммерческой блокады соседних портов в надежде заставить Вильнева голодом выйти в море.

Наконец, при общем сравнении двух форм мы должны заметить, что тесная блокада является характерным методом обеспечения местного и временного командования. Его доминирующей целью обычно будет препятствовать действиям флота противника в определенном районе и с определенной целью. Принимая во внимание, что открытая блокада, направленная на уничтожение военно-морских сил противника, является определенным шагом к обеспечению постоянного командования.

На данный момент сказано достаточно, чтобы показать, что вопрос выбора между закрытой и незащищенной блокадой является вопросом чрезвычайной сложности. Наша военно-морская литература, это правда, представляет старых мастеров разделенными на две школы по этому предмету, подразумевая, что одна всегда выступала за закрытую форму, а другая - за открытую. Мы даже склоняемся к мысли, что выбор зависел от воинского духа соответствующего офицера. Если его воинский дух был высок, он выбирал закрытую и более требовательную форму; если он был низким, он довольствовался открытой и менее требовательной формой. Правда, нам говорят, что представители последней школы основывали свои возражения против тесной блокады на чрезмерном износе флота, который в ней участвовал, но слишком часто предполагается, что такое отношение было не более чем маской для ущербного духа. Редко, если вообще когда-либо, нам предлагается сравнить их решения с сопутствующими стратегическими намерениями, с рисками, оправданными условиями, или с затратами энергии, которых мог бы законно потребовать желаемый результат. Тем не менее, все эти соображения должны учитываться при выборе, и при ближайшем рассмотрении основных случаев будет обнаружено, что они имеют поразительную и почти постоянную связь с характером применяемой блокады.

При рассмотрении вопроса об открытой блокаде необходимо иметь в виду три постулата. Во-первых, поскольку наша цель состоит в том, чтобы вывести противника в море, наша позиция должна быть такой, чтобы дать ему возможность сделать это. Во-вторых, поскольку мы желаем соприкосновения для решающего сражения, эта позиция не должна находиться дальше от его порта, чем это совместимо с тем, чтобы привести его в действие, прежде чем он сможет достичь своей цели. В-третьих, существует идея экономии, то есть идея принятия метода, который

наименее изматывает наш флот и который наилучшим образом сохранит его боеспособность. Именно по последнему пункту существовало наибольшее расхождение во мнениях. Тесная блокада всегда приводила к истощению флота и всегда должна приводить к этому. Но, с другой стороны, утверждалось, что истощение компенсируется вспыльчивостью и моральным превосходством, которые поддержание тесной блокады создает у хорошего флота, в то время как сравнительная легкость удаленного и безопасного дозора имела тенденцию к ухудшению. Прежде чем рассматривать эти противоположные точки зрения, необходимо сделать одно предупреждение. Обычно предполагается, что альтернативой тесной блокаде является наблюдение за противником из одного из наших собственных портов, но это не обязательно. Что требуется, так это внутреннее и, по возможности, секретное место, которое обеспечит надежный контакт; а с учетом современных достижений в средствах дистанционной связи, такое место обычно лучше найти в море, чем в порту. На самом деле наблюдательную позицию можно получить без напряжения, связанного с опасным плаванием, и постоянной опасности нападения, не жертвуя морской подготовкой. Помня об этом весьма практическом моменте, мы можем приступить к проверке достоинств двух форм на абстрактных принципах.

Всегда было очевидно, что тесная морская блокада была одной из самых слабых и наименее желательных форм войны. И здесь опять, когда мы говорим "самый слабый", мы имеем в виду не "наименее эффективный", а то, что он был изматывающим и что он имел тенденцию задействовать силы, превышающие те, против которых он действовал. Это было не потому, что блокирующий флот, закаленный бдительностью и имеющий большое преимущество в тактическом положении, не мог рассчитывать на успешный бой с необработанным флотом равной силы, выходящим из порта, а потому, что для поддержания его активной эффективности требовались большие резервы для оказания помощи. Настолько серьезным был износ как людей, так и кораблей, что даже самые ярые сторонники системы считали, что по крайней мере пятая часть сил всегда должна быть переоборудована, и в каждом случае два адмирала нанимались сменять друг друга. В 1794 году один из высших руководителей военной службы счел, что для поддержания эффективной блокады Бреста необходимы два полных комплекта флаг-офицеров и что в порту всегда должно находиться не менее одной четвертой части эскадры.¹⁶

Теперь эти недостатки, присущие тесной блокаде, неизбежно повлияли на оценку ее ценности. Весомость возражения, конечно, имела тенденцию уменьшаться по мере улучшения мореходства, материалов или организации, но это всегда было важным фактором. Верно также, что для одних людей это, по-видимому, имело больший вес, чем для других, но столь же верно, если мы попытаемся проследить движение мнений по этому вопросу, что это было далеко не единственным определяющим фактором.

Именно во время Семилетней войны при администрации Энсона впервые систематически применялась непрерывная и тесная блокада, но инициатором ее был Хоук. В первых трех кампаниях была в моде старая система наблюдения за Брестом из западного британского порта, но дважды она не смогла предотвратить концентрацию французов на жизненно важном канадском театре военных действий. Весной 1759 года Хоук командовал флотом Ла-Манша с обычными инструкциями по наблюдению, но, получив указание остановиться и осмотреть Брест, он намекнул на свое намерение, если не получит приказа об обратном, оставаться вне порта вместо возвращения в Торбей. Его причина заключалась в том, что он обнаружил там эскадру, которая, как он полагал, предназначалась для Вест-Индии, и он счел за лучшее

помешать ее отплытию, чем позволить ей выйти в море и попытаться поймать ее. Другими словами, он утверждал, что ни один из обычных западных наблюдательных портов не обеспечивал позиции внутри обычного французского маршрута из Бреста в Вест-Индию.

Поскольку в воздухе витали слухи о вторжении, очевидно, было лучшим способом справиться с эскадрами противника в домашних водах и избежать рассредоточения флота в поисках их. Поэтому, несмотря на необычайно плохую погоду, ему было позволено действовать так, как он советовал. С Боскавеном в качестве подкрепления с тех пор продолжалась новая форма блокады, и с полным успехом. Но следует отметить, что этот успех был скорее обусловлен тем фактом, что французы больше не предпринимали попыток пересечь Атлантику, чем тем фактом, что блокада поддерживалась с достаточной строгостью, чтобы помешать им сделать это. При определенных погодных условиях наш флот был вынужден снять блокаду и бежать в Торбей или Плимут. Такие временные возвраты к открытой форме почти всегда давали французам возможность отойти на юг с двух- или трехдневным перерывом. Однако при любых попытках продвинуться на восток или север, чтобы оспорить контроль над Каналом или другими внутренними водами, система была полностью эффективной, и на нее не влияли интервалы открытой формы.

Возможно, именно эти соображения во время войны за независимость Америки побудили такого прекрасного офицера, как Хоу, решительно выступить за возврат к старой системе. Затем жизненно важный театр военных действий снова находился за Атлантикой, и серьезной подготовки к вторжению не было. Оценивая Хау по сравнению с Хоуком, следует также иметь в виду, что в Семилетней войне у нас было такое превосходство на море, что позволяло использовать достаточные резервы для обеспечения плотной блокады, тогда как в последней войне мы численно уступали враждебной коалиции. Поскольку было невозможно помешать французам достичь Вест-Индии и Северной Америки, если бы они того пожелали, наша политика заключалась в том, чтобы следовать за ними равными флотами и сократить силы базирования настолько, насколько этого требовала эта политика и насколько это соответствовало разумной степени безопасности. Требуемые силы вполне могли уступать противнику, поскольку было ясно, что все попытки форсирования Ла-Манша будут предприниматься громоздкими и плохо сплоченными силами, состоящими из испанских и французских частей.

По мнению Хоу, эту конкретную ситуацию нельзя было решить попыткой закрыть Брест, и нет ничего более вводящего в заблуждение, чем распространение такого мнения за пределы обстоятельств, которым оно должно было соответствовать. Он не считал, что в его силах закрыть порт. Противник, считал он, всегда может быть готов к бегству после штормового ветра, при котором блокирующая эскадра будет оттянута или рассеяна, корабли сильно повреждены, а враг воодушевлен. "Врага, - сказал он, - нельзя удержать от выхода в море с помощью станции, снятой с его порта, с едва превосходящей эскадрой". Опыт 1805 года, похоже, противоречит ему. Затем едва превосходящей эскадре удалось предотвратить уход Гантеома, но хотя фактически задействованная эскадра едва ли превосходила его, у нее было достаточно резервов флота, чтобы поддерживать свою численность в боеспособном состоянии. Более того, лишь на короткое время ему пришлось предпринять какие-либо реальные попытки к бегству. После 20 мая Гантому было запрещено выходить в море. Конечно, во время той знаменитой блокады было несколько случаев, когда он мог бы убежать на юг, если бы Наполеон пожелал этого.

Таким образом, данное дело не может быть использовано для осуждения решения Хоу. Его особая функция в плане ведения войны заключалась в том, чтобы, сведя силы к оборонительной мощи, не допустить получения врагом господства в наших родных водах. Конечно, в его обязанности не входило предпринимать операции, которым его силы были не равны. Его первой обязанностью было поддерживать их в соответствии с их первостепенной целью. С этой целью он принял решение об открытой блокаде, основанной на общем резерве в Спитхеде или Сент-Хеленс, где он мог обслуживать корабли и обучать своих рекрутов, в то же время защищая нашу торговлю и коммуникации и беспокоя вражеские. Кемпенфельт, более горячий сторонник активности, чем он, полностью одобрил эту политику, по крайней мере, в зимние месяцы, и в его случае никто не сможет предположить, что эта идея была вызвана недостатком духа или любовью к легкости. Что касается лета, то действительно не было большого расхождения во мнениях относительно того, следует ли держать флот в море или нет, поскольку морская подготовка в течение лета с лихвой компенсировала истощение материальных средств, которое могло быть вызвано периодическими периодами плохой погоды. Даже на зиму эти две политики привели во многом к одному и тому же результату. Таким образом, во время блокады Хоука в конце 1759 года, в течение критического месяца с середины октября по середину ноября, он был не в состоянии удерживать свою станцию почти половину времени, и когда он все-таки связался с Конфланом, это было из Торбея, а не из Ушанта. И все же можно сомневаться, что без уверенности, порожденной его бурным бдением, битва при Кибероне состоялась бы так, как она была.

Со всем этим опытом, свежим в его памяти, Кемпенфельт откровенно выступал за то, чтобы оставить флот в порту на зиму. "Предположим, - писал он из Торбея в ноябре 1779 года, - что враг выйдет в море со своим флотом (то есть из Бреста) — чего мы очень хотели бы — давайте действовать мудро и держать наш флот в порту. Предоставьте их на милость долгих ночей и сильных штормов. Они сделают для вас больше, чем сможет ваш флот." Гораздо лучше, по его мнению, было бы посвятить зиму подготовке флота к следующей кампании, чтобы иметь "преимущество быть первым на поле боя". "Давайте, - заключил он, - будем держать сильную эскадрилью на западе, готовую следить за передвижениями противника. Я не имею в виду держать их в море, лишая возможности противостоять ветрам, но в Торбее, готовыми действовать так, как может подсказать разведка.¹⁷ Таким образом, будет видно, что вывод о том, что тесная блокада всегда была лучшим средством обеспечения максимальной эффективности флота в выполнении функций, которые он должен был выполнять, не следует принимать слишком поспешно. Причины, побудившие Хоу и Кемпенфельта предпочесть открытую блокаду, в основном основывались именно на этом соображении. Принимая во внимание все окружающие условия, по их высокопрофессиональному мнению, тщательная подготовка зимой и тактические перестройки летом были самым надежным путем к боевой подготовке в имеющихся силах.

С другой стороны, мы имеем дело с фактом, что во время войны за независимость АМЕРИКИ открытая система была не очень успешной. Но прежде чем безоговорочно осудить это, необходимо вспомнить, что не все причины сбоев были заложены в самой системе. Во-первых, необходимость время от времени освобождать Гибралтар не позволяла Западной эскадре полностью посвятить себя своей вахте. Во-вторых, из-за плохого управления зимы не были посвящены с достаточной энергией подготовке флота к тому, чтобы весной первым выйти в

поле. Наконец, мы должны признать, что отсутствие успеха было вызвано не столько разрешением французам пересечь Атлантику, сколько неспособностью добросовестно вести себя с ними, когда был установлен контакт в пункте назначения. Очевидно, что нечего сказать о политике "поиска выхода" в отличие от политики предотвращения выхода, если только вы не будете полны решимости, когда обнаружите, уничтожить или быть уничтоженным. Именно здесь у Родни и его товарищей обнаружилась нехватка. Система вышла из строя из-за неправильного исполнения в той же степени, что и из-за неправильного дизайна.

В следующей войне Хоу все еще находился на подъеме и командовал флотом Ла-Манша. Он сохранил свою систему. Оставив Брест открытым, он вынудил французов, действуя против их торговли, выйти в море, и был вознагражден битвой Первого июня. Следующей зимой не было предпринято никаких попыток поддерживать тесную блокаду. Французам разрешили выйти в море, и их катастрофический поход в январе 1795 года полностью оправдал ожидания Кемпенфельта. Нанесенный ущерб был настолько велик, что они отказались от всякой идеи использования своего флота в целом. Система Хоу была продолжена, но уже не с полностью успешными результатами. В 1796 году французы смогли вторгнуться в Ирландию, и, как следствие, Хоу подвергся самым суровым наказаниям. Его метод резко контрастирует с тем, который Сент-Винсент применил четыре года спустя, без какого-либо учета ситуации, с которой приходилось сталкиваться каждому адмиралу, и опять же исходя из предположения, что закрытие Бреста решило бы одну проблему так же хорошо, как и другую.

В 1796 году мы не находились в обороне, как в 1800 году. Французский флот был практически уничтожен. Вторжение не угрожало. С целью принуждения к миру наша политика была направлена на наступательные действия против французской торговли и территории, чтобы общим давлением поддержать наши попытки урегулирования. Возможно, политика была ошибочной, но вопрос не в этом. Вопрос в том, соответствовала ли стратегия политике или нет. Кроме того, следует помнить, что мы находились в состоянии войны с Голландией и ожидали войны с Испанией, что заставляло нас следить за обороной Португалии. В этих обстоятельствах не было ничего более далекого от нашего желания, чем оставить то, что осталось от брестского флота, в порту. Мы надеялись, что нашими наступательными действиями против морских интересов Франции заставим ее выставить себя для их защиты. Задействовать флот для закрытия Бреста означало лишить его возможности вести наступательные действия и играть в игру противника. Фактическая дислокация флота метрополии была разработана таким образом, чтобы сохранить его наступательную активность и в то же время обеспечить превосходство в любой части внутренних вод, в которой противник мог попытаться нанести контрудар. Она была разделена на три действующие эскадрильи: одну в Северном море, одну перед Брестом и одну, крейсирующую на западе, с сильным резервом в Портсмуте. Наиболее легко высмеивалось расположение резерва на основе поспешного предположения, что это был просто резерв эскадры перед Брестом; тогда как на самом деле это был общий резерв, предназначенный для действий в Северном море или где бы то ни было еще, где это могло понадобиться. В то же время он служил учебной эскадрой для усиления нашей мощи на море в связи с вероятным присоединением испанского флота к военно-морским силам Наполеона. Истощить наш флот только для предотвращения рейдов из Бреста, которые с таким же успехом могли бы покинуть Тексель или Дюнкерк, было именно тем, чего желал бы враг. Диспозиция была фактически хорошим примером концентрации, то есть расположения вокруг стратегического центра для сохранения гибкости при нападении без риска для нужд обороны, и все же наиболее ярые сторонники концентрации и наступления наиболее резко осудили диспозицию Хоу в то время.

В конце концов, диспозиция не смогла предотвратить высадку части войск, предназначенных для Ирландии, но это сделало предприятие настолько трудным, что его пришлось отложить до середины зимы, а затем погода, сделавшая возможным уклонение, сорвала экспедицию и лишила ее всех шансов на серьезный успех. Фактически, это был еще один пример действия правила Кемпенфельта относительно зимней погоды. Насколько это возможно для морской обороны, диспозиция была всем, что требовалось. Ирландская экспедиция была замечена покидающей Брест нашей прибрежной крейсерской эскадрой. Об этом доложили Колпойсу, у которого боевая эскадра находилась снаружи, и только густой туман позволил ей скрыться. Фактически это было не что иное, как уклонение от небольшого рейдового отряда — случайность, от которой никакая морская защита не может дать определенной гарантии, особенно зимой.

В конце 1800 года система Хоука была возрождена при совершенно иных условиях. Наследование Сент-Винсентом контроля над флотом совпало с окончательным принятием Наполеоном контроля над судьбами Франции. Наша великая дуэль с ним началась. Меры, которые он принимал, сделали очевидным, что мы снова столкнулись со старой борьбой не на жизнь, а на смерть за господство на море; нам открыто угрожали вторжением, и у нас был явный перевес на море. Короче говоря, мы должны признать тот факт, что методы Семилетней войны были возрождены, когда проблемы и факторы этой войны были возобновлены. По мере обострения этих проблем, как это произошло после заключения Амьенского мира, и по мере того, как угроза вторжения становилась действительно серьезной, возрастала и жесткость жесткой блокады. При Корнуоллисе и Гарднере она поддерживалась таким образом, чтобы отрицать, насколько это было возможно человеческими усилиями, всякую возможность выхода без боя. Несмотря на важность детального изучения вражеских эскадр, мы не рисковали, чтобы подтолкнуть Гантеома к решительным действиям. Нашей первой необходимостью было абсолютное командование на месте. Острота кризиса вторжения требовала, чтобы брестский флот оставался в порту, и каждый раз, когда Гантом показывал ногу, британский адмирал налетал на него и оттеснял назад. Только однажды во время продолжения кризиса строгость этого отношения была ослаблена, и это было сделано для того, чтобы иметь дело с тем, что на данный момент было высшей целью. Он должен был встретиться с Вильневым по возвращении из Вест-Индии, но даже тогда расслабление было так хорошо рассчитано, что Гантому не дали времени воспользоваться им.

Аналогия между условиями блокады, которую начал Сент-Винсент, и условиями Семилетней войны становится тем более значимой, когда мы отмечаем, что в то время как Корнуоллис и Гарднер в своих водах усиливали блокаду до предела жесткости, Нельсон в Средиземном море вообще ее не применял. И все же для него главной заботой было предотвратить вторжение. Его главной функцией, как он и его правительство видели это, было предотвратить вторжение из Южной Франции на неаполитанскую или левантийскую территорию. Почему же тогда он не применил плотную блокаду? Обычно предполагается, что это было из-за его непреодолимого желания привести в действие Тулонскую эскадру. Случайные выражения в его письмах придают окраску такой точке зрения, но его поведение ясно показывает, что его желание привести флот в действие находилось в научном подчинении обязанностям по обороне, которые на него возлагались. Тесная блокада была наиболее эффективным средством достижения этой цели, но в его случае отсутствовало одно из условий, которое, как мы обнаружили, всегда сопровождает

успешную тесную блокаду. У него не было такого перевеса силы, который позволил бы ему поддерживать ее до совершенной непрерывности. В сложившихся обстоятельствах близкая форма была слишком слабой или изматывающей для него, чтобы использовать имеющуюся в его распоряжении силу.

Если этот случай не считать убедительным в отношении взглядов Нельсона, у нас есть совершенно четкое подтверждение, вышедшее из-под его пера в 1801 году. Это особенно убедительное свидетельство, поскольку в то время ему фактически было предъявлено обвинение в защите от вторжения в Англию. С несколькими эскадрильями крейсеров он должен был предотвратить выход сил противника из ряда портов, простирающихся от Флашинга до Дьеппа, и руководил операциями из Даунса. С приближением зимы он был поражен нецелесообразностью попыток продолжать плотную блокаду и написал в Адмиралтейство следующее: "Я придерживаюсь мнения и подчиняюсь лучшему суждению их светлостей, что следует позаботиться о том, чтобы наши эскадры были компактными и в хорошем порядке... под Дандженессом должна быть их основная станция.... В хорошую погоду наши эскадры должны выходить и показывать себя, но никогда не рисковать быть выведенными из строя или втянутыми в Северное море; таким образом, мы всегда будем уверены в эффективных силах, готовых действовать, когда этого потребует случай".¹⁸

Этот случай, конечно, не совсем уместен, поскольку он касается вопроса о прямом сопротивлении вторжению, а не о сохранении общего командования. Его ценность заключается в том, что он излагает взгляды Нельсона на широкий вопрос о балансировании рисков, то есть риска ослабления бдительности в сравнении с риском снижения эффективности кораблей из-за слишком строгого ее поддержания.

Поскольку Нельсон придерживался этой точки зрения, неудивительно обнаружить, что еще в 1804 году мнение военно-морских сил не было вполне устоявшимся относительно относительных преимуществ тесной и открытой блокады даже в случае угрозы вторжения. Всего за год до Трафальгарской битвы Корнуоллис потребовал от Адмиралтейства дополнительных сил, которые позволили бы ему поддерживать эффективную блокаду. Лорд Мелвилл, у которого в это время под рукой был Бархэм, в ответ порекомендовал "политику ослабления строгости блокады, к которой прибегали ранее". Он возразил, что имеющихся средств недостаточно для "поддержания необходимого объема военно-морских сил, если ваши корабли будут разорваны на куски в результате вечного конфликта со стихиями в течение бурных месяцев зимы".¹⁹ Мелвилл жаждал решительных действий, чтобы положить конец невыносимому напряжению. "Позвольте мне напомнить вам, - добавил он, - что случаи, когда нам удавалось привести нашего врага к битве, а наш флот - к победе, как правило, происходили тогда, когда мы находились на расстоянии от блокадной станции". В конце концов, как мы знаем, Корнуоллис добился своего, и вердикт истории заключался в том, чтобы одобрить это решение исключительно из-за его морального эффекта. Такие конфликты должны возникать всегда. "Война, - как сказал Вулф, - это выбор трудностей", и выбор должен склоняться в ту или иную сторону по мере того, как обстоятельства склоняются к развитию соответствующих преимуществ каждой формы. Мы никогда не можем сказать, что тесная блокада лучше открытой или наоборот. Это всегда должно быть предметом суждения.

Значит, нет никаких принципов, которые мы могли бы вывести из старой практики для укрепления суждений? По крайней мере, можно проследить определенные общие

направления. Главный вопрос будет заключаться в том, выгодно ли нам, учитывая все стратегические условия, удерживать противника внутри и выводить его в море для принятия решения? Предположительно, нашей политикой всегда будет принятие решения как можно скорее. Тем не менее, это желание может быть преодолено необходимостью или особым преимуществом плотной блокады одной или нескольких его эскадрилий. Такая ситуация может возникнуть двумя способами. Во-первых, может оказаться необходимым обеспечить местное и временное командование определенным театром военных действий, например, когда в этом районе угрожает вторжение, или когда мы хотим провести через него военную экспедицию, или из-за особых обстоятельств в связи с нападением или защитой торговли. Во-вторых, даже там, где мы стремимся принять важное решение, мы можем плотно блокировать одну эскадрилью, чтобы добиться принятия решения в наиболее выгодном для нас месте; то есть мы можем блокировать одну или несколько эскадрилий, чтобы побудить противника попытаться с помощью одной или нескольких других эскадрилий прорвать эту блокаду. Таким образом, мы можем побудить его либо подвергнуть себя детальному удару, либо сконцентрироваться там, где мы хотим, чтобы он сосредоточился.

По любой из этих причин мы можем решить, что лучший способ реализовать нашу цель - использовать жесткую блокаду, но на этом дело не заканчивается. Нам еще предстоит рассмотреть, находится ли тесная блокада в пределах возможностей имеющихся у нас сил, и является ли это наилучшим методом максимального раскрытия потенциала этих сил. Тесная блокада, будучи более изматывающей формой, потребует большей силы; мы не можем вести тесную блокаду в течение какого-либо периода времени без относительно превосходящих сил; но если путем открытой блокады эскадры мы позволим ей выйти в море с гарантированным контактом, мы знаем, что даже с немного меньшими силами мы можем справиться с ней так, чтобы помешать ей получить местный контроль, достаточный для разрушения обороны нашей мобильной флотилии или серьезного вмешательства в нашу торговлю.

Наконец, возникает вопрос о риске. В старые времена, до свободного передвижения и беспроводного телеграфа, а также до того, как флотилия приобрела боевую мощь, всегда существовал риск не выйти на связь вовремя, чтобы предотвратить беду. Это соображение было особенно важным, когда противник располагал эскадрой в пределах критического театра военных действий или вблизи него. Поэтому, когда возникла угроза вторжения, наша выработанная политика заключалась в плотной блокаде Бреста практически с любыми жертвами. Всегда существовала смутная вероятность того, что из-за уклонения или случайного ветра эскадрилья, находящаяся так близко к линии вторжения, может получить достаточное временное командование в жизненно важном районе, прежде чем ее можно будет задействовать. Это была возможность, которая никогда не была реализована в Узких морях, и поскольку мобильность флотов и средства дальней связи так сильно возросли по дальности действия и надежности, и поскольку сила сопротивления флотилии стала такой высокой, риск, вероятно, намного меньше, чем когда-либо, и, следовательно, поле для открытой блокады менее ограничено.

Однако нет необходимости принимать эти принципы как неопровержимые. Даже если мы возьмем великую блокаду 1803-5 годов, которая с тех пор наиболее прочно доминировала в размышлениях на эту тему, можно с некоторой долей правдоподобия утверждать, что ситуацию можно было бы разрешить быстрее и эффективнее, позволив Гантому выйти из Бреста на открытое пространство, по крайней мере, в той мере, в какой адмирал Того был вынужден

позволить русским выйти из Порт-Артура, хотя его причины удерживать их были даже более вескими, чем наши в 1805 году. Но в любом случае, общая тенденция свидетельств не вызывает сомнений в присущей тесной блокаде как форме войны слабости. Как при современном развитии событий возросли возможности открытой блокады, так и трудности и опасности закрытой блокады, безусловно, не уменьшились. Также вероятно, что определенные преимущества, которые в эпоху парусного спорта значительно компенсировали его слабость, в значительной степени утратили свою силу. Парусный флот, запертый в порту, не только быстро терял боевой дух, но и, будучи лишенным возможности проходить морскую подготовку, не мог поддерживаться в боеспособном состоянии, в то время как флот блокады быстро приходил в крайнее возбуждение от напряжения бдительности и опасности, которые были его постоянной частью. До тех пор, пока напряжение не превышало предела человеческой выносливости, все шло к лучшему. В старые времена, при очень умеренных облегчениях, предел никогда не достигался, и жертвы, приносимые во время этих изнурительных бдений, были вознаграждены двадцатикратно в виде буйной уверенности в день битвы. Можем ли мы ожидать такой же компенсации сейчас? Останется ли баланс силы и слабости таким, каким он был раньше? Перед лицом огромного изменения условий и скудости опыта мы должны обратиться за ответом к общим принципам.

В чем, собственно, заключается неотъемлемая слабость тесной блокады? Стратегическая теория сразу же ответит, что это операция, которая включает в себя "приостановку наступления", ситуацию, которая обычно рассматривается как демонстрирующая всевозможные недостатки. Тесная блокада - это, по сути, наступательная операция, хотя ее цель обычно негативна; то есть это движение вперед с целью помешать противнику провести какую-либо наступательную операцию либо напрямую, либо путем контрудара. Пока что можно мириться с распространенной тенденцией путать "Поиск флота противника" с "Превращением побережья противника в свою границу". Но эти две операции сильно отличаются тем, что у них разные цели. В "поиске" нашей целью являются вооруженные силы противника. В "превращении побережья противника в нашу границу" цель неотделима от скрытой цели морской войны. В данном случае целью являются общие коммуникации. Устанавливая блокаду, мы действуем наступательно против этих коммуникаций. Мы занимаем их, и тогда мы больше ничего не можем сделать. Наше наступление приостановлено; мы не можем продолжать его до уничтожения флота противника. Мы должны ждать, занимая оборонительную позицию, удерживая захваченные коммуникации, пока он не решит атаковать, чтобы прорвать нашу оборону; и в течение этого периода преимущество внезапности — важнейшее преимущество на войне — по хорошо известному правилу переходит к нашему врагу. Фактически, мы вынуждены обороняться, не имея ни одного из материальных преимуществ обороны. Моральное преимущество от того, что мы взяли инициативу в свои руки, остается, но это все. Преимущество, которое мы таким образом получим, конечно, окажет такое же угнетающее воздействие на заблокированный флот, как и в прежние времена, но едва ли в такой высокой степени. Деграция парового флота в порту вряд ли может быть такой быстрой или изнуряющей, как это было, когда девять десятых мастерства мореплавателя заключалось в умелом обращении с парусами. Для блокирующего флота также верно, что погодные условия, которые раньше были основной причиной износа, вряд ли могут быть столь серьезными. Но, с другой стороны, физическое напряжение офицеров и рядового состава и трудности со снабжением будут гораздо большими, по крайней мере, до тех пор, пока основным топливом будет уголь. Ветер больше не определяет передвижений врага. Бдительность, превосходящая

все, что знали наши предшественники, - это удел блокадников, предотвращающих внезапность. Более того, в старые времена внезапность означала в худшем случае бегство противника; теперь это может означать наше собственное уничтожение на mine или торпед. Нет необходимости вдаваться в подробности. Слишком очевидно, что жесткая блокада старого типа демонстрирует в нынешних условиях недостатки "задержанного преступления" в такой высокой степени, что практически запрещает его использование.

Что же тогда можно сделать? Должны ли мы во всех ситуациях довольствоваться системой Хоу, которую *grer experience* осуждает за случаи крайней необходимости? Нельзя ли придать старой тесной блокаде современную форму? Несомненно, можно. В прежние времена береговая граница блокадного флота находилась сразу за пределами досягаемости береговых батарей, и эту позицию он постоянно удерживал с помощью прибрежной эскадры. В наши дни мобильной обороны этим пределом, по аналогии, является ночная дальность действия эсминцев и дневная дальность действия подводных лодок, то есть половина расстояния, которое они могут пройти между наступлением темноты и рассветом или до рассвета и темноты соответственно, если только в пределах этого предела не может быть создана защищенная от торпед база. Блокада такого характера будет в принципе соответствовать тесной блокаде старого типа; и на практике, как было доказано в японской блокаде Порт-Артура, ее инциденты существенно не будут отличаться. На первый взгляд может показаться, что дистанция, на которой должна держаться боевая эскадра, лишает ее уверенности в немедленном контакте — сути тесной блокады. Но на самом деле другие новые факторы, которые уже были замечены, относительно сократят это расстояние. Более быстрые и надежные средства связи между адмиралом и его разведчиками, абсолютная свобода передвижения и возможность задержать фактический отход противника путем минирования могут значительно улучшить их прежние отношения. В Порт-Артуре они полностью так и поступили. Если тогда, как в том случае, наша первостепенная цель - удержать противника внутри, то, кажется, все еще нет причин, почему бы нам не строить наши позиции по принципу тесной блокады. Расстояния будут больше, но не более того.

Также не следует забывать, что для эскадры выход из порта старым способом - не единственное средство плотной блокады. Он все еще может выполнять свое предназначение, по крайней мере временно, поддерживая добывающие суда или блокирующие суда — "проходчики", как их раньше называли. Последнее средство, правда, не имело большого успеха в новейших экспериментах, но даже в русско-японской войне его возможности отнюдь не были исчерпаны. Поэтому мы должны сделать вывод, что там, где стратегические условия явно требуют тесной блокады, наш план операций будет изменен в этом направлении с учетом средств, все еще имеющихся в нашем распоряжении.

Если, однако, наша цель не так четко определена, если, несмотря на наше желание лишить противника выхода к морю, мы готовы пойти на риск, чтобы добиться принятия решения, то дело не так однозначно. Следует заметить, что ослабление, к которому новые условия вынуждают при закрытой блокаде - возрастающей по мере их интенсивности год от года - должно иметь тенденцию все больше и больше приближать ее на практике к открытой блокаде. Поэтому возникает вопрос, не было бы более соответствующим основополагающим элементам силы откровенное применение открытой блокады для любых целей. Таким образом, мы должны заменить задержанное преступление истинной оборонительной установкой, и, теоретически, это само по себе является большим преимуществом. Практические выгоды, какими бы ни были соответствующие недостатки, столь же очевидны, и сейчас они не менее велики, чем казались

Хоу и Кемпенфельту. Мы избежим истощения машин, угля и людей, и это, по крайней мере для необходимого прикрытия флотилии, будет больше, чем все, с чем приходилось сталкиваться в прежние дни. У нас, по крайней мере, есть возможность занять позицию, защищенную от внезапности, и постоянно поддерживать флот на максимальном уровне ударной энергии. Наконец, если предположить, что географические условия дают разумную надежду на контакт, быстрое решение, которого современная война требует со все большей настойчивостью, является более вероятным. При таком раскладе, конечно, контакт редко может быть обеспечен наверняка. Противник, которого гипотеза блокады предполагает как стремящегося избежать боевых действий, всегда будет иметь шанс уклониться, но так будет всегда, даже при максимально возможной в настоящее время блокаде. Мы можем даже пойти дальше и заявить об открытой блокаде, что при благоприятных условиях это может дать больше шансов на контакт. Ибо, приняв принцип открытой блокады, мы получим, в соответствии с теорией обороны, дополнительные преимущества, заключающиеся в возможности лучше скрывать наше расположение и, следовательно, расставлять ловушки для нашего врага, подобные той, которую Нельсон подготовил для Вильнева в Лионском заливе в 1805 году.

Возражение против такого курса, которое, по-видимому, имеет наибольший вес в общепринятом мнении, носит моральный характер, который неотделим от любого преднамеренного выбора защитной линии. Если наблюдающий флот остается на домашней укрепленной базе, можно предположить, что начнется обычная моральная деградация. Но метод не влечет за собой бесславной безопасности такой базы. Надежную позицию вполне можно найти в таком месте, какое занимал адмирал Того в ожидании Балтийского флота, и в этом случае не было никакой заметной деградации какого-либо рода. Также нет особых свидетельств того, что это возражение имело существенное значение для противников точки зрения Хоу. Их возражение было чисто физического характера. Открытая блокада оставляла врагу слишком много свободы для набегов на наши торговые пути. Системы наблюдения могло быть достаточно, чтобы удерживать в порту неохотный боевой флот или привести в действие более предприимчивый, но она не могла контролировать рейдерские эскадры. Это, безусловно, было возражением Бархэма. "Если, - писал он Питту в 1794 году, - у французов возникнет какое-либо намерение отправить свой флот в море при таком восточном ветре, а "Лорд Хоу" останется в Торбее, наши конвои в Средиземном море и на Ямайке окажутся в очень критической ситуации. Оба флота, должно быть, к этому времени приближаются к Ла-Маншу и не могут войти в него, пока держится восточный ветер ". Эта опасность всегда должна быть с нами, особенно в узких водах, таких как Северное море. На более открытых театрах военных действий трудность не столь очевидна, поскольку при достаточном пространстве моря торговля может естественным образом или по указанию следовать курсом, который будет охватывать наше расположение наблюдателей. Так, в случае с Нельсоном в Тулоне его обычные позиции на побережье Сардинии эффективно перекрывали поток нашей торговли в Левант и Обе Сицилии, и это было все, что существовало в то время.

Правда заключается в том, что, пытаясь сделать выбор между открытой и закрытой блокадой, мы сталкиваемся с теми особыми трудностями, которые так резко отличают морскую войну от войны на суше. Мы не можем выбирать, исходя исключительно из военно-морских соображений. В морской войне, каким бы сильным ни было наше желание сосредоточить наши усилия на главных силах противника, скрытая цель всегда будет проявляться. Мы должны с самого начала сделать все возможное, чтобы контролировать морские коммуникации, а поскольку эти коммуникации обычно являются общими, мы не можем удержаться от того, чтобы

не оккупировать коммуникации противника, не пренебрегая в то же время своими собственными и не подвергая их опасности. Таким образом, в случае с Брестом тесная блокада всегда была желательна, особенно в сезон конвоев, потому что все крупные торговые пути, проходившие в пределах досягаемости порта, были обычными, тогда как в районе Тулона основные линии не были обычными, за исключением берегов Африки и Южной Италии, и открытая блокада Нельсона их в достаточной степени обеспечивала.

Таким образом, общий вывод заключается в том, что какими бы значительными ни были чисто военно-морские и стратегические причины для принятия открытой блокады как наилучшего средства обеспечения принятия решения против флота противника, все же неизбежное вторжение со скрытой целью в форме защиты торговли или безопасности военных экспедиций редко оставляет нам полную свободу для использования открытого метода. Фактически, мы должны быть готовы к тому, что, по крайней мере иногда, столкнемся с необходимостью использования формы блокады, максимально приближенной к старой закрытой блокаде, насколько позволяют изменившиеся условия.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МЕТОДЫ ОСПАРИВАНИЯ ПРИКАЗОВ

I. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ ФЛОТА — "СУЩЕСТВУЮЩИЙ ФЛОТ"

При рассмотрении теории командования на море было обращено внимание на ошибку предположения, что если мы не можем завоевать командование, то, следовательно, теряем его. Было отмечено, что это утверждение, которое слишком часто подразумевается в стратегических дискуссиях, фактически отрицает, что может существовать такая вещь, как стратегическая оборона на море, и игнорирует тот факт, что нормальным условием на войне является то, что командование находится в споре. Теория и история едины в этом вопросе. Вместе они утверждают, что Держава, слишком слабая, чтобы завоевать командование наступательными операциями, все же может преуспеть в удержании оспариваемого командования, заняв общую оборонительную позицию.

Само собой разумеется, что такое отношение само по себе не может привести к какому-либо положительному результату на море, но, тем не менее, даже в течение длительных периодов времени оно может помешать противнику добиться положительных результатов и, таким образом, дать время другой воюющей стороне доминировать в ситуации, закрепляя свои цели на берегу.

Нас редко заставляли даже на время занимать такую позицию, но наши враги делали это часто, к нашему серьезному раздражению и потерям. Например, во время Семилетней войны

французы, избегая наступательных операций, которые могли привести к принятию решения, и ограничиваясь активной обороной, смогли в течение пяти кампаний предотвратить наше сокращение Канады, которая была целью войны. Если бы они сделали ставку на крупное сражение флота в первой кампании и если бы результат был против них, мы, несомненно, достигли бы нашей цели в два раза быстрее. В конце концов, конечно, им не удалось предотвратить завоевание, но в течение всего времени, пока катастрофа откладывалась, у Франции было множество возможностей для наступления на другие территории, которые, как она, во всяком случае, считала, вынудили бы нас отказаться от наших завоеваний при заключении мира.

Опять же, в нашей последней великой морской войне Наполеон, избегая общих действий, смог удерживать командование в споре до тех пор, пока с помощью союзов или иным образом он не собрал силы, которые, по его мнению, были достаточными для возобновления наступления. В конце концов, эти силы оказались неравными для выполнения задачи, но когда они потерпели неудачу и командование перешло к его врагу, у него было время укрепить свою власть настолько, что потеря его флота, казалось, почти не повлияла на нее, и еще девять лет он был в состоянии продолжать борьбу.

Такие примеры — а их много — служат доказательством того, насколько серьезной проблемой является оборона на море в руках великой военной державы с другими средствами нападения. Они говорят нам, как трудно с этим иметь дело и, следовательно, насколько серьезной даже для сильнейшей военно-морской державы является необходимость его тщательного изучения.

И не только по этой причине, но и потому, что сильнейшая военно-морская держава, столкнувшись с коалицией, может счесть невозможным предпринять решительное наступление где бы то ни было, временно не сократив свои силы в определенных районах до уровня относительно столь низкого, что не допускает ничего, кроме обороны. Ведущим примером такого положения дел, который мы должны далее рассмотреть в настоящее время, была наша собственная позиция в войне за независимость Америки, когда, как мы видели, для обеспечения адекватной концентрации для наступления в Вест-Индии мы были вынуждены сократить наш флот метрополии до оборонительного уровня.

Что же тогда мы подразумеваем под морской обороной? Чтобы прийти к правильному ответу, мы должны сначала очистить свой разум от всех запутанных теней, отбрасываемых случайностями сухопутной обороны. Как на суше, так и на море оборона, конечно, означает принятие определенных мер для отсрочки принятия решения до тех пор, пока военные или политические события не исправят баланс сил настолько, что мы сможем перейти в наступление. В операциях армий наиболее обычными применяемыми средствами являются удержание позиций и принуждение нашего превосходящего противника истощить свои силы для их атаки. Следовательно, в идее военной обороны доминирует концепция укрепленных позиций и крепостей.

В морской войне это не так. На море основная концепция заключается в том, чтобы избегать решительных действий стратегическими или тактическими действиями, чтобы поддерживать существование нашего флота до тех пор, пока ситуация не сложится в нашу пользу. В золотой век нашего военно-морского флота лейтмотивом военно-морской обороны была мобильность, а

не отдых. Идея состояла в том, чтобы оспорить контроль путем беспокоящих операций, осуществлять контроль в любом месте или в любой момент, когда мы увидим возможность, и помешать врагу осуществлять контроль, несмотря на его превосходство, постоянно занимая его внимание. Идея простого сопротивления едва ли присутствовала вообще. Все было контратакой, будь то силы противника или его морские коммуникации. На суше, конечно, такие методы обороны также хорошо известны, но они в гораздо большей степени относятся к партизанской войне, чем к регулярным операциям. В регулярной войне с постоянными армиями, какими бы блестящими изматывающими операциями и контратаками они ни применялись, фундаментальной концепцией является обороняемая позиция.

Точно так же и на море, хотя сутью обороны является мобильность и неутомимый агрессивный дух, а не отдых и сопротивление, все же там также не исключены защищенные позиции, которые можно оборонять. Но они используются только в крайнем случае. Флот может временно удалиться в труднодоступные воды, где он может быть атакован только с большим риском, или на укрепленную базу, где он практически удален с борта и вообще не может быть атакован одним флотом. Но случаи, когда такие средства могут быть использованы на море, гораздо реже, чем на суше. Действительно, за исключением самых временных целей, их едва ли можно считать допустимыми на море, какой бы большой ни была их ценность на суше. Причина проста. Флот, отходящий на такую позицию, оставляет открытой для противника скрытую цель, которой является контроль над морскими коммуникациями, тогда как на суше армия, находящаяся на хорошей позиции, может даже в течение длительного периода прикрывать скрытую цель, которой обычно является территория. Более того, армия, находящаяся на позиции, всегда делает что-то, чтобы истощить своего противника и исправить неблагоприятное соотношение сил, но бездействующий флот слишком часто позволяет врагу проводить операции, которые, как правило, истощают ресурсы его собственной страны.

Таким образом, для морской державы морская оборона означает не что иное, как поддержание активного существования флота - не просто существования, но активной и энергичной жизни. Никакая фраза не может лучше выразить все значение этой идеи, чем "Существующий флот", если ее правильно понимать. К сожалению, из-за неправильного понимания обстоятельств, при которых он был впервые изобретен, он был ограничен одним особым классом защиты. Мы говорим об этом так, как будто это, по сути, метод защиты от вторжения, и поэтому упускаем из виду его более полное значение. Однако, если его расширить, чтобы выразить защиту от любого вида нападения с моря, будь то против территории или морских коммуникаций, его общая истинность станет очевидной, и это даст нам истинное представление об этой идее в том виде, в каком она существует на британской службе.

Случай, в котором он был впервые использован, был таким, который хорошо демонстрирует особые возможности морской обороны. Это было в 1690 году, когда в союзе с голландцами мы воевали с Францией и, несмотря на реальное превосходство, оказались в ситуации, которая временно поставила нас в крайне невыгодное положение в домашних водах. Французы благодаря удивительной скорости мобилизации и сосредоточения совершили марш-бросок на нас еще до того, как наша мобилизация или наше сосредоточение были завершены. Король Вильгельм с лучшими силами армии находился в Ирландии, отражая французское вторжение в поддержку Якова, а эскадра из семи кораблей под командованием сэра Клаудсли Шовела была отправлена в Ирландское море для охраны его коммуникаций. Другая эскадра, состоящая из шестнадцати линейных кораблей, британских и голландских, была направлена в Гибралтар под

командованием адмирала Киллигрю, чтобы пресечь торговлю и присматривать за Шаторено, который с немного меньшей эскадрой находился в Тулоне. Предполагалось, что он, вероятно, предпримет рывок к Бресту, где находился главный французский флот под командованием графа де Турвиля, и Киллигрю получил приказ следовать за ним, если он пройдет через проливы. Шаторено все-таки добился своего; Киллигрю не удалось привлечь его к активным действиям, и вместо того, чтобы немедленно последовать за ним, он отправился в Кадис, чтобы завершить приготовления к отправке своего конвоя за границу и сопровождению того, кого он должен был доставить домой. Что, конечно, ему следовало бы сделать, согласно практике более опытных времен, так это оставить эту работу отряду крейсеров и, не установив контакта с Шаторено, немедленно приблизиться к стратегическому центру со своей боевой эскадрой.

Тем временем флот метрополии, которым должен был командовать лорд Торрингтон, все еще не был сформирован. Она состояла из трех дивизий - в Даунсе, Портсмуте и Плимуте, в то время как значительная часть обещанного голландского контингента так и не появилась. Для французов это был великолепный шанс захватить господство над Ла-Маншем до того, как могло произойти сосредоточение сил, и сокрушить британцев в деталях. Соответственно, 13 июня, как только прибыл Шаторено, Турвиль вышел в море примерно с семьюдесятью членами отряда. Однако за день до этого Торрингтон, подняв свой флаг в Даунсе, сосредоточил две свои основные дивизии в Портсмуте, и к тому времени, когда Турвиль появился у острова Уайт, у него было с более поздними прибывшими, как голландцами, так и британцами, около пятидесяти шести человек из состава линии на Сент-Хеленс-роуд. Не зная, что тулонский контингент присоединился, он вышел в море, намереваясь сражаться, но, обнаружив огромное превосходство французов, он решил совместно со своим военным советом перейти к обороне и, прежде чем дать сражение, попытаться обеспечить сосредоточение сил Киллигрю, Шовела и плимутской дивизии, продвинувшись на запад. Если бы он счел этот курс невозможным без участия в боевых действиях, его план состоял в том, чтобы отступить перед Турвилем "даже к Артиллерийскому флоту", где среди мелководий устья Темзы, как он чувствовал, у него были бы хорошие шансы успешно отразить атаку. Там он также рассчитывал на подкрепление не только кораблями, все еще стоявшими в Чатеме, но и, возможно, кораблями с запада, которые могли бы прокрасться вдоль побережья и присоединиться к нему "по отмелям" по каналам, неизвестным французам. Сражаться в том виде, в каком он был, он считал всего лишь игрой в игру противника. "Если мы потерпим поражение, - сказал он, сообщая о своем плане правительству, - они, будучи абсолютными хозяевами моря, получают большую свободу делать многое, на что они не осмеливаются, пока мы наблюдаем за ними, и у них есть возможность присоединиться к адмиралу Киллигрю и нашим кораблям в западном направлении".

Это был план, разработанный на лучших принципах обороны — ожидание, пока привлечение свежих сил оправдает возврат к наступлению. Кроме того, это интересно как чистый пример военно-морской обороны, без какой-либо скрытой цели, кроме контроля над внутренними водами. В сознании правительства не было никаких опасений относительно какой-либо конкретной попытки вторжения через Ла-Манш, но вторжение в Ирландию шло полным ходом, и все его подпитки должны быть прекращены, а наши собственные коммуникации оставаться свободными. Более того, существовали серьезные опасения, что французы распространят свои операции на Шотландию, и приближался конвой Киллигрю, направлявшийся домой. Ситуация была из тех, которые, очевидно, не могли быть решены эффективно, кроме как путем завоевания общего командования на море, но, по мнению Торрингтона, ее можно было бы сделать безвредной, оспаривая командование. Таким образом, его замысел состоял в том, чтобы

действовать в обороне и не допустить достижения врагом какого-либо положительного результата до тех пор, пока он не будет в состоянии сразиться с ними со справедливыми шансами на победу. Временная оборона, по его мнению, была единственным способом завоевать команду, в то время как рискнуть принять решение при меньших силах было лучшим способом проиграть ее.

Ничто не может быть более гармоничным с принципами хорошей стратегии в том виде, в каком мы понимаем их сейчас. Несомненно, это было опережением всего, что делалось до того времени, и неудивительно, что правительство, как обычно говорят, не смогло оценить замысел. Их неприятие этого вызвало очень суровую критику. Но, похоже, они скорее неправильно поняли, чем не смогли оценить. Граф Ноттингем, стоявший во главе правительства, полагал, как ясно показывает его ответ адмиралу, что Торрингтон намеревался немедленно уйти в Артиллерийский флот; тогда как нам столь же ясно, что Артиллерийский флот должен был стать его крайней точкой, и что он не собирался уходить так далеко, если только французы не вынудят его. Министр, как и другие с тех пор, не смог понять, что адмирал имел в виду под "Существующим флотом". Он думал, что, по мнению Торрингтона, флот, находящийся в безопасности в порту и не вступающий в контакт с врагом, "находится в процессе существования", тогда как у Торрингтона такой идеи не было. Когда Ноттингем понял намерение адмирала, он увидел, что, хотя это могло бы сохранить флот, это подвергло бы разрушению все остальное; то есть его угнетала особая характеристика морской войны, которая всегда допускает действия против скрытой цели, когда враг лишает вас какого-либо шанса действовать против его вооруженных сил.

Руководствуясь этим недоразумением, которое на самом деле не было оправдано словами депеши Торрингтона, он добился от королевы приказа в следующих выражениях: "Мы опасаемся, - говорилось в нем, - что последствия вашего ухода в Артиллерийский флот будут настолько фатальными, что мы предпочитаем, чтобы вы при любом благоприятном ветре дали бой врагу, чем отступили дальше, чем необходимо для получения преимущества над врагом". Однако на его усмотрение было оставлено двигаться на запад, чтобы завершить сосредоточение таким образом, при условии, говорилось в нем, "что вы ни в коем случае не потеряете из виду французский флот, благодаря чему у них может появиться возможность предпринять попытки на берегу или в реках Медуэй или Темзе, или уйти без боя".

Современные критики почти не обращали внимания на этот приказ, хотя он явно подразумевает подлинное превентивное наблюдение и даже, как следует из последних слов, идею, содержащуюся в хорошо известном высказывании Нельсона: "К тому времени, когда враг нанесет серьезное поражение нашему флоту, он больше не причинит нам вреда в этом году". Это правда, что Нельсон мог полагаться на доказанное в то время превосходство британцев от подразделения к подразделению, но также верно и то, что Ноттингем и его коллеги в правительстве располагали информацией, которая заставила их сильно недооценить силы Турвиля. Это было очевидно из депеши Ноттингема, в которой содержался приказ, настолько очевидно, что Торрингтон вполне мог приостановить исполнение приказа, столь явно основанного на неверной информации. Но, вероятно, зная, какие интриги плетутся против него при Дворе, он предпочел расценить это как безапелляционный приказ вступать в бой всякий раз, когда окажется с наветренной стороны.

Хотя более научный взгляд на военно-морскую стратегию может вызвать восхищение концепцией Торрингтона, кажется, нет причин выходить из себя из-за плана правительства. Безусловно, это был один из способов решения проблемы, и, учитывая, насколько велики были наши резервы, поражение не обязательно означало катастрофу. Тем не менее, это, несомненно, было продиктовано неспособностью осознать стратегическую силу нового плана Торрингтона, плана, который был не только безопаснее, но и рассчитан на достижение в конечном итоге больших положительных результатов. Реальная ошибочность плана правительства заключалась в том, что, хотя он имел видимость смелого наступления, он не мог привести ни к чему, кроме отрицательного результата. Максимум, что могло дать сражение в сложившихся обстоятельствах, - это вызвать разногласия между командованием, а худшее дало бы противнику положительный результат, что, должно быть, серьезно скомпрометировало кампанию Вильгельма в Ирландии.

По этому поводу Торрингтон ответил правительству. Касаясь их беспокойства за корабли, идущие на запад, и средиземноморский конвой, опасность которого была явной причиной, по которой они запретили ему использовать Артиллерийский флот, он указал, что они не подвергнутся большой опасности, если будут заботиться о себе сами. Ибо, как он повторил, "пока мы наблюдаем за французами, они не могут предпринять ни одной попытки высадиться на корабли или берег, не подвергаясь большой опасности, и если мы потерпим поражение, все будет отдано на их милость". Таким образом, не обращая особого внимания на неправильное толкование министром его депеши, он дал понять, что его намерением было наблюдение, а не простое отступление.

К тому времени, когда Торрингтон отправил этот ответ, он был оттеснен назад до Бичи-Хед; продвинуться на запад было уже невозможно; и на следующий день, оказавшись с наветренной стороны, он атаковал. Но все еще убежденный в своей идее обороны и применив ее к своей тактике, он отказался дать французам шанс принять реальное решение и отступил, как только позволил ветер. До сих пор он чувствовал себя оправданным в интерпретации приказов, которые, как он знал, были основаны на ложной информации. Он был уверен, как он сказал в оправдание того, как он боролся с этой акцией, "что королеву невозможно было бы убедить подписать приказ об этом, если бы и наша слабость, и сила врага не были замаскированы для нее".

Его флот был так сильно поврежден, что он поверил, что его план больше не может действовать. "Какими могут быть последствия этого злополучного сражения, - записал он в своем дневнике, - одному Богу известно, но в одном я смею быть уверен: если бы меня оставили на свободе, я предотвратил бы любое покушение на сушу и обеспечил безопасность западных кораблей, Киллигрю и торговых судов". На самом деле во всем этом он преуспел. Медленно отступая на восток, он увлек за собой французов до Дувра, прежде чем добежать до Нора; и Турвиль не мог вернуться на запад, пока все корабли, находившиеся в опасности, не оказались в безопасности в Плимуте. Несмотря на то, что Торрингтон был вынужден участвовать в акции в неподходящее время и в неподходящем месте, его план пока удался. Он не только помешал французам предпринять что-либо, что могло повлиять на исход войны, но и полностью сорвал план Турвиля по уничтожению британского флота в деталях. Это он сделал, но отомстить, перейдя в наступление, было уже не в его власти.

То, что Турвиль или его правительство были впечатлены эффективностью этого метода, было продемонстрировано в следующем году, когда он, в свою очередь, оказался в положении неполноценного, что лишило его надежды на успешное боевое решение. В течение лета он держал свой флот в районе устья Ла-Манша, не давая британскому адмиралу возможности связаться с ним. Его метод, однако, отличался от метода Торрингтона, и он достиг своей негативной цели только тем, что полностью скрылся из виду своего врага. По его мнению, если бы флот оставался в море при пристальном наблюдении за активным противником, то боевых действий избежать было бы невозможно. "Если (адмиралу), - писал он в своем меморандуме по этому поводу, - будет приказано держаться в море, чтобы попытаться развлечь противника и дать ему понять, что мы в состоянии атаковать в случае, если они попытаются высадиться, я считаю своим долгом сказать, что в этом случае мы должны решиться в конце концов вступить с ними в бой; ибо, если они действительно стремились к активным действиям, они были бы в состоянии сражаться, видя, что невозможно так долго кружить возле флота, не вступая в схватку".²⁰ Это все равно что сказать, что для "существующего флота" необходима надежная точка временного отступления, и это было существенной частью идеи Торрингтона.

Во времена Торрингтона и Турвиля, когда корабли были неисправны, а тактика флота находилась в зачаточном состоянии, сложность уклонения от боевых действий, когда решительный противник однажды вступил в контакт, была, несомненно, велика, если только порт отступления не оставался открытым. Но по мере развития искусства ведения морской войны возможности "существующего флота" стали рассматриваться как гораздо более широкие, по крайней мере, на британской службе. Прошло почти сто лет, прежде чем мы снова были вынуждены использовать то же самое устройство в больших масштабах, и тогда считалось, что превосходящая скорость и тактическая точность были факторами, на которые можно было рассчитывать почти в неограниченной степени. В самые мрачные дни Войны за независимость Америки у нас есть меморандум Кемпенфельта по этому вопросу, который не только дает развернутую идею о "существующем флоте" и высоком агрессивном духе, составляющем его сущность, но также объясняет его ценность не только как оборонительного средства, но и как средства, позволяющего вести решительное наступление, даже когда вы в целом уступаете. "Когда вы знаете замыслы врага, - говорит он, - чтобы сделать что-то эффективное, вы должны постараться превзойти его в какой-то части, где у них есть замыслы, которые нужно осуществить, и где, в случае успеха, они нанесут вам наибольший вред. Если ваш флот разделен таким образом, чтобы во всех местах уступать противнику, у него будут неплохие шансы везде преуспеть в своих попытках. Если эскадрилья не может быть сформирована в количестве, достаточном для того, чтобы противостоять врагу дома, было бы выгоднее допустить, чтобы ваша неполноценность была еще больше, чтобы с ее помощью добиться превосходства в другом месте".

"Когда силы противника уступают вам, и у вас есть только наблюдательная эскадра для наблюдения за их передвижениями, такая эскадра должна состоять только из двухпалубных кораблей [то есть кораблей высочайшей мобильности], чтобы обеспечить ее целеустремленность. Он должен иметь преимущество перед противником в плавании, иначе при определенных обстоятельствах он может быть вынужден вступить в бой или уступить часть своих тяжелых парусников. Крайне необходимо иметь такую летучую эскадрилью, чтобы следить за большим флотом противника, поскольку это предотвратит их разделение на отдельные эскадрильи для перехвата вашей торговли или рассредоточение их кораблей для более широкого обзора. Вы будете под рукой, чтобы извлечь выгоду из любого случайного

отделения или рассеивания их флота из-за сильных штормов, туманов или по другим причинам. Вы можете перехватывать отправляемые им припасы, разведданные и т. Д. В конце концов, такая эскадрилья будет сдерживать их движения и предотвратит большую часть зла, которое они могли бы натворить в противном случае ".

Тремя годами ранее, когда его впервые призвали на должность начальника штаба Канала, он подчеркивал те же моменты. "Многое, - писал он в июле 1779 года, - я могу сказать, все, зависит от этого флота. Это низший флот против превосходящего. Следовательно, требуется величайшее мастерство и решительность, чтобы противодействовать замыслам врага, наблюдать и использовать благоприятную возможность для действий и воспользоваться преимуществом нанесения удара по тому или иному слабому участку вражеской линии; или, если таких возможностей не предоставляется, находиться рядом с врагом, держать его на расстоянии и не допускать его попыток сделать что-либо, кроме риска; завладеть их вниманием и обязать их думать только о том, чтобы быть настороже при вашей атаке ".²¹

Именно на этих направлениях велась война. Территория Вест-Индии, в которой находился главный объект противника, рассматривалась как театр наступления, а внутренние воды - как оборонительные. Несмотря на то, что флот Ла-Манша уступал флоту метрополии союзников, его оборонительных операций оказалось достаточно, чтобы помешать им добиться какого-либо успеха. И это было еще не все, поскольку Кемпенфельт смог продемонстрировать положительную сторону своей теории самым блестящим и убедительным образом. Имея дело с концентрацией, мы видели, как, командуя такой летучей эскадрильей, какую он постулировал, он смог у Ушанта воспользоваться благоприятной возможностью для действий, в результате чего он захватил конвой с военными припасами, необходимыми для французских операций в Вест-Индии, под носом у Де Гишена с эскортом, почти вдвое превышающим его силы.

Нельсон, безусловно, разделял взгляды Кемпенфельта относительно возможностей активного поддержания флота меньшей мощности. "Что касается нашего флота, - писал он из Средиземного моря в 1796 году, - то под командованием такого главнокомандующего, как сэр Джон Джервис, никто ничего не боится ... Сейчас у нас двадцать два линейных корабля. Объединенный флот не превысит тридцати пяти.... Рискну своей жизнью, сэр Джон Джервис победит их. Я имею в виду не обычное сражение, а мастерство нашего адмирала, активность и дух наших офицеров и матросов. Эта страна наиболее благоприятна для такого умения с малочисленным флотом; ибо ветры настолько переменчивы, что где-то один раз в сутки вы должны быть в состоянии атаковать часть большого флота, а другая будет находиться в штиле или будет дуть встречный ветер. Поэтому я надеюсь, что правительство не будет обеспокоено нашей безопасностью".

Можно сказать, что такая концепция обороны действительно стала общепринятой в британской службе. Это было частью рассуждений, которые в 1805 году, после побега Вильнева из Средиземного моря, решили сэра Джона Орда отступить к Ушанту вместо того, чтобы входить в проливы. "Осмелюсь предположить, - писал он, - что лорд Нельсон со своими двенадцатью линейными кораблями и многочисленными фрегатами окажется в состоянии действовать в обороне без потерь и даже держаться на флоте противника, если тот попытается оказать какую-либо материальную помощь, особенно когда он перегружен войсками".

При всем этом рассмотрении потенциальных возможностей "существующего флота", действующего в обороне, никогда не следует забывать, что мы имеем дело с его возможностями

в отношении общего командования на море - с его общей способностью оспаривать такое командование, как это использовал Торрингтон. Его способность предотвращать конкретную операцию, такую как вторжение за границу, - это другой вопрос, который всегда будет зависеть от местных условий. Если "существующий флот" можно сдержать таким образом, чтобы он не смог достичь линии прохода для вторжения, это не будет препятствием для вторжения. В 1690 году, что касается флота Торрингтона, французы, если бы они были так настроены, могли бы высадиться, скажем, в Портсмуте, пока Торрингтон находился в Норе. Но флот Торрингтона был не единственным фактором. Его отступление вынудило Турвиля оставить позади себя без боя эскадрильи Шовела и Киллигрю, и что касается командования линией прохода вторжения, то сам Турвиль был так же хорошо сдержан, как и Торрингтон. Условия морской обороны от вторжения на самом деле настолько сложны по сравнению с условиями общей морской обороны, что их следует рассматривать позже как особую отрасль предмета.

Доктрина "Существующего флота", сформулированная и применяемая на практике Торрингтоном и развитая Кемпенфельтом, не идет дальше того, что там, где противник считает общее командование морским районом необходимым для его наступательных целей, вы можете помешать ему получить такое командование, используя свой флот в обороне, отказываясь от того, что Нельсон назвал регулярным сражением, и используя любую возможность для контрудара. Использовать его так, как это было использовано французами в случае знаменитого сдерживающего похода Турвиля, где вся цель французов была наступательной и могла быть достигнута только путем нападения, - это совсем другое дело.

Действительно, трудно понять восхищение, с которым к его *большой* кампании относились во Франции. Летом 1691 года он удерживал море у устья Ла-Манша в течение пятидесяти дней, и в течение сорока из этих дней наш флот Ла-Манша не предпринимал систематических попыток разыскать его. Его послали в море в надежде перехватить наш большой "смирнский конвой", который в то время был основой нашей международной торговли. Рассел с основным британским флотом просто занял позиции, чтобы прикрывать его приближение до тех пор, пока оно не станет безопасным, предположительно зная, что Турвиль должен прийти к нему, если он хочет достичь своей цели. Когда конвой оказался в безопасности, Рассел двинулся прочь от Ушанта, то есть между противником и его базой. Таким образом, коммуникации Турвиля были перерезаны, его линия отступления оказалась под угрозой, и он воспользовался первой возможностью ускользнуть от Рассела и вернуться в порт. Помимо захвата нескольких кораблей из одного из вест-индских конвоев, он ничего не добился. Центральное французское наступление в Ирландии было сорвано в битве при Бойне, и престиж Англии на море был восстановлен. Это правда, что наша торговля пострадала в Северном море, но это произошло не непосредственно из-за концентрации, к которой нас принудил поход Турвиля, а скорее из-за неспособности голландцев - очевидно, по недоразумению - обеспечить эффективную блокаду Дюнкерка.

Британскому глазу может показаться, что ересь, скрытая в инструкциях Турвиля, была семенем, заглушившим все лучшие устремления французского военно-морского флота. В 1691 году план его похода, возможно, можно было бы назвать достаточно агрессивным, поскольку, учитывая, насколько неустойчивым был новый трон Вильгельма, сокрушительного удара по британской торговле в сочетании с ожидаемой победой в Ирландии могло быть достаточно, чтобы

расстроить его. Но впоследствии идея была расширена до случаев, когда она не подходила. Похоже, это породило веру в то, что там, где цель войны явно зависела от завоевания реального господства на море, эта цель все же могла быть достигнута с помощью военно-морских оборонительных операций. Много раз это правда, что политика, морившая голодом военно-морской флот Франции, не оставляла для ее моряков другого выхода, и если бы они в силу своей неполноценности попытались перейти в наступление, конец был бы более быстрым, если не более определенным. Критикуя морскую историю Франции, мы должны тщательно отличать политику от стратегии. Плохой всегда была не оборонительная стратегия, а политика, которая обрекала ее адмиралов на негативные операции. Учитывая, что она была Континентальной державой с континентальными устремлениями, часто это была политика, от которой ее военные потребности не позволяли уклониться. Тем не менее политика была дважды проклята: она проклинала ее, когда она была слаба, и проклинала ее, когда она была сильна. Длительное использование защитных приемов выработало в ней привычку, которая, по-видимому, сделала ее неспособной нанести сильный удар, когда у нее были силы. По крайней мере, никак иначе мы не можем объяснить поведение столь пылкой нации, когда у нее появился шанс отомстить в войне за независимость Америки.

Именно здесь, в его моральных реакциях, кроется опасность защиты, опасность настолько коварная в своем действии, что заставляет нас никогда не произносить это слово. И все же, когда в наших ушах звучат голоса Торрингтона, Кемпенфельта и Нельсона, было бы глупостью игнорировать их для нас самих, и еще более глупо игнорировать изнуряющее напряжение, которое может вызвать у нас их использование нашим врагом. Его необходимо изучить хотя бы для того, чтобы научиться разбивать его на части. Также исследование не будет представлять опасности, если только мы будем хорошо помнить о духе беспокойного и бдительного контрнаступления, который Кемпенфельт и Нельсон считали его сутью. Правда, некоторые условия, которые во времена парусов создавали благоприятные возможности, исчезли, но многие все еще остаются. Перемены ветра и штили больше не принесут их, но ненастная погода все еще может показать морское мастерство, ловкость и сплоченность, как это было всегда; и нет причин сомневаться, что упорная морская подготовка все еще способна заставить "активность и дух наших офицеров и матросов" дать результаты, на которые Нельсон так уверенно рассчитывал.

II. НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ КОНТРАТАКИ

Для более слабой из двух воюющих сторон второстепенная атака всегда имела определенное очарование. Там, где Держава настолько уступала в военно-морской силе, что едва ли могла рассчитывать даже на оспаривание командования флотом в ходе операций, оставалась надежда уменьшить относительное превосходство, выведя из строя часть сил противника. Таким надеждам редко удавалось сбыться. В 1587 году Дрейку удалось остановить вторжение испанцев такой контратакой на Кадисскую дивизию армады, когда она еще не была мобилизована. В 1667 году голландцы добились аналогичного успеха против нашей дивизии в Чатеме, когда она была демобилизована и беззащитна, и таким образом, вероятно, добились гораздо более благоприятных условий мира. Но нельзя сказать, что в старых войнах был какой-либо случай, когда главный вопрос о командовании серьезно затрагивался незначительной контратакой.

Однако появление торпеды придало этой идее новое значение, которое нельзя упускать из виду. Степень этой важности в настоящее время не поддается исчислению. По крайней мере, нет никаких свидетельств того, что она была бы очень высокой в нормальных условиях и между обычно боеспособными автопарками. Сравнительный успех первой японской атаки на порт-артурскую эскадру является единственным показательным примером, а там, где существует только один случай, необходимо проявлять крайнюю осторожность при оценке его значения. Прежде чем мы сможем вывести что-либо, имеющее постоянную ценность, мы должны очень тщательно рассмотреть как его условия, так и результаты.

Начнем с того, что это был новый опыт применения нового класса оружия, и из этого ни в коем случае не следует, что успех нового средства будет повторен с каким-либо подобным результатом. Не лишним будет снова вспомнить случай с брандерами. В начале эры парусного спорта в 1588 году это устройство подготовило почву для решающего успеха против флота на открытой местности. В последующих войнах новое оружие заняло видное место в организации морских флотов, но его успех так и не был повторен. Против кораблей в плохо защищенных гаванях она иногда давала хорошие результаты, и на заре становления тактики часто демонстрировались ее моральные и даже материальные последствия в действиях флота. Но по мере развития военно-морской науки и более точного определения ограничений оружия оно могло достигать все меньших результатов, пока в восемнадцатом веке не стало считаться почти незначительным. Даже его моральный эффект был утрачен, и он перестал рассматриваться как боевая единица.

Теперь, если мы внимательно изучим дело Порт-Артура, мы обнаружим, что оно указывает на существование определенных неотъемлемых условий, не отличающихся от тех, которые дискредитировали брандеры как решающий фактор в войне. Несмотря на кажущуюся грозную природу внезапной торпедной атаки, из одного рассматриваемого случая следует, что эти условия обеспечивают большую мощь в защите, чем в нападении. Первое условие связано с трудностью точного определения местоположения объекта. Очевидно, что для такого рода операций необходимы самые точные разведданные, а из всех разведданных, которые труднее всего получить на войне, - это распределение флота противника изо дня в день. Японцы располагали довольно достоверной информацией о том, что основная часть порт-артурской эскадры находилась на внешней якорной стоянке, но она постоянно перемещалась, и поступило сообщение, что от нее только что отделились три линкора. Сообщение было ложным, но результатом стало то, что из пяти дивизионов эсминцев, имевшихся в распоряжении японцев, две были направлены против Дальнего, где противника обнаружено не было. Такая неопределенность должна существовать всегда, и ни при каких обстоятельствах ее вероятность не может быть меньше, чем там, где, как в случае с Японией, нападение совершается до объявления и пока обычные каналы разведки все еще открыты.

Далее следует отметить, что, несмотря на то, что отношения в течение нескольких недель были крайне напряженными и внезапная торпедная атака считалась вероятной, русские не предприняли никаких мер предосторожности, чтобы сбить с толку своего противника. Очевидно, что в таких случаях могут и должны быть приняты меры по предотвращению точного определения местоположения. Мы можем пойти дальше. От того, чтобы сбить противника с толку такими средствами, всего лишь один шаг до того, чтобы привести его к неправильному выводу и расставить для него ловушку, которая может поглотить основную часть его истребительных сил в первые часы войны. Следует опасаться, однако, что риск такого развития

событий при незначительных контратаках такого рода настолько велик, что, вероятно, будет очень трудно соблазнить слабого противника подвергнуть свою флотилию такому воздействию.

Эта точка зрения подчеркивается вторым моментом, который демонстрирует случай с Порт-Артуром, а именно огромной мощью даже самой слабой защиты от таких нападений; другими словами, шансы на успех едва ли когда-либо могут быть достаточно велики, чтобы оправдать риск. Все было в пользу японцев. За две или три ночи до этого на русской эскадре был отдан приказ готовиться к торпедной атаке, но дисциплина упала настолько низко, что приказы выполнялись очень небрежно. Ружья не были заряжены, их экипажи не были на своих местах, сети не были вытащены. Единственной реальной мерой предосторожности было то, что в качестве охранного патруля были высланы два эсминца, и не более, но даже им было запрещено открывать огонь по всему, что они встречали, пока они не доложат адмиралу или сами не подвергнутся обстрелу. Защита от внезапного нападения едва ли могла быть более слабой, и все же нервное напряжение атакующих сил было настолько велико, что оно оказалось сильнее, чем можно было разумно ожидать. Само существование патруля и необходимость уклоняться от него повергли наступление японцев в замешательство, от которого они не смогли полностью оправиться, и атака потеряла свой существенный импульс и слаженность. Опять же, какими бы несовершенными ни были договоренности в самой эскадрилье и какими бы слабыми ни были ее подготовка и дисциплина, торпедных попаданий, насколько мы можем судить, после того, как в дело вступили русские пушки и прожекторы, произведено не было.

Такое развитие силы в защите, по-видимому, присуще условиям незначительной атаки, и, по-видимому, нет причин ожидать лучших результатов от таких атак в обычных случаях. Но, выводя принципы из дела о Порт-Артуре, всегда следует помнить, что оно было далеко от нормального. Это был удар еще до объявления, когда угроза натянутых отношений, хотя и осознавалась, была почти полностью проигнорирована русскими. В таких исключительных и почти невероятных обстоятельствах всегда можно рассчитывать на определенный успех незначительной атаки. К этому мы должны добавить тот факт, что русская эскадра обычно не отличалась боеспособностью, но, по-видимому, впала в такое слабое состояние, какое вряд ли могло повториться в случае какой-либо другой военно-морской державы.

Наконец, мы должны спросить, каков был фактический материальный результат при всех ненормальных условиях в пользу атаки? Оказало ли это какое-либо реальное влияние на конечный вопрос о командовании? Это правда, что это настолько склонило чашу весов в пользу японцев, что они смогли осуществлять местный контроль достаточно долго, чтобы высадить свои войска и изолировать Порт-Артур. Но японский план обеспечения окончательного командования основывался на их способности взять Порт-Артур военной операцией и выдержать осаду с моря. И все же, несмотря на все условия успеха, физический эффект удара был настолько мал, что даже без помощи соответствующей верфи эскадра оправилась от него и снова стала мощной еще до того, как удалось организовать осаду. Все незначительные атаки, последовавшие за первым ударом, были неудачными, и независимо от того, были ли они нанесены в порту или по эскадре на открытой местности, они не имели никакого заметного эффекта.

В то же время следует помнить, что после той войны искусство ведения торпедной войны развивалось очень быстро. Его дальность действия и наступательная мощь возросли в более высоком соотношении, чем средства противодействия ему. Тем не менее, эти средства совершенствуются, и вполне вероятно, что эскадру в военно-морском порту или на должным образом защищенной якорной стоянке повредить не так легко, как это было когда-либо; в то время как эскадру в море, пока она постоянно меняет свое положение, по-прежнему очень трудно обнаружить с достаточной точностью для успешной мелкой атаки.

Недоказанная ценность подводных лодок только усугубляет туман, который нависает над следующей морской войной. Со стратегической точки зрения мы можем сказать лишь то, что нам приходится считаться с новым фактором, который дает новую возможность для незначительной контратаки. Это возможность, которая в целом говорит в пользу морской обороны, новой карты, которая, умело разыгранная в сочетании с оборонительными операциями флота, может придать новое значение "Существующему флоту". Далее, можно ожидать, что какими бы эффективными ни оказались в конечном итоге возможности второстепенных операций в отношении обеспечения командования, моральное влияние будет значительным и, по крайней мере, в начале будущей войны, будет иметь тенденцию отклонять и затруднять крупные операции и лишать их точности тех направлений, которые раньше так откровенно приводили к исходу в сражении.

При отсутствии достаточного опыта было бы бесполезно идти дальше, тем более что успех торпедной атаки, как и атаки брандеров, больше, чем любой другой, зависит от духа и мастерства офицеров и матросов. Что касается торпеды как типичного оружия мобильной береговой обороны, то это совсем другое дело. Сказанное относится только к его полномочиям по обеспечению командования на море, а не к осуществлению или оспариванию осуществления командования. Это вопрос, связанный с защитой от вторжения, и к нему мы должны сейчас обратиться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МЕТОДЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОМАНДОВАНИЯ

I. ЗАЩИТА ОТ ВТОРЖЕНИЯ

К методам осуществления командования относятся все операции, непосредственно не связанные с обеспечением безопасности командования или предотвращением его захвата противником. Мы осуществляем командование всякий раз, когда проводим операции, направленные не против боевого флота противника, а на использование морских коммуникаций в наших собственных целях или на вмешательство в их использование противником. Такие операции, хотя и имеют логически второстепенное значение, всегда занимали большую часть морской войны. Морская война не начинается и не заканчивается уничтожением боевого флота противника и даже не подрывом его крейсерской мощи. Помимо

всего этого, существует реальная работа по предотвращению переправы его армии через море и защите прохода наших собственных военных экспедиций. Существует также препятствование его торговле и защита нашей собственной. Во всех подобных операциях мы занимаемся осуществлением командования. Мы используем море или вмешиваемся в его использование противником; мы не пытаемся обеспечить его использование или помешать врагу захватить его. Эти две категории операций радикально различаются по концепции и целям, и стратегически они находятся в совершенно разных плоскостях.

Логично, конечно, что операции по осуществлению командования должны следовать за операциями по обеспечению командования; то есть, поскольку достижение командования является особой целью морской войны, и поскольку это командование может быть получено постоянно только путем уничтожения вооруженных сил противника на плаву, из этого следует, что строго говоря, никаким другим объектам не должно быть позволено мешать нашей концентрации усилий на высшей цели обеспечения командования путем уничтожения. Война, однако, ведется не по логике, и порядок действий, который предписывает логика, не всегда может быть соблюден на практике. Мы видели, как из-за особых условий ведения морской войны вторгаются посторонние потребности, которые делают неизбежным, что операции по осуществлению командования должны сопровождать операции по обеспечению командования, а также следовать за ними. Поскольку война сама по себе является сложной суммой военно-морских, военно-политических, финансовых и моральных факторов, ее актуальность редко может предложить военно-морскому штабу чистый лист, на котором стратегические проблемы могут быть решены с помощью хорошо продуманных силлогизмов. Военно-морской фактор никогда не может игнорировать другие. С самого начала один или несколько из них всегда будут требовать какого-то акта осуществления командования, который не будет ждать своей очереди в логическом развитии. В большей или меньшей степени во всех обычных случаях обе категории операций должны быть запущены в действие с самого начала.

Отсюда важность осознания различия между двумя общими формами военно-морской деятельности. В спешке и напряжении войны легко спутать их. Твердо держась за разницу, мы можем, по крайней мере, видеть, что мы делаем. Мы можем судить, насколько любая данная операция, которая может быть затребована, является жертвой безопасности ради осуществления, насколько такая жертва может быть оправдана и насколько одна цель может служить другой. Применяя это различие в качестве теста, можно избежать многих ошибок. Риск, на который мы идем, может быть велик, но мы сможем точно сопоставить его с конечной ценностью и пойдем на него с открытыми глазами и поставленной целью. Прежде всего, это позволит Штабу четко определить для каждого командира роты, что должно быть его основной задачей, и какова цель вверенных ему операций. Прежде всего, в этом последнем соображении, и особенно в определении цели, заключается основная практическая ценность различия.

Это станет ясно в тот момент, когда мы начнем рассматривать защиту от вторжения, которая, естественно, занимает первое место среди операций по осуществлению контроля. Из всех существующих предположений ни одно не является настолько запутанным для более тонкой корректировки стратегии, как то, которое утверждает, что главной целью нашего флота всегда является флот противника. В отношении боевого флота и сопутствующих ему подразделений это, конечно, верно, по крайней мере, до тех пор, пока у противника есть боевой флот. Это верно, то есть, в отношении всех операций по обеспечению контроля, но в отношении

операций по осуществлению контроля это неверно. В случае, который мы сейчас должны рассмотреть - защита от вторжения, - целью специальных операций является и всегда была армия противника. На этом фундаментальном постулате всегда строились наши планы сопротивления вторжению, начиная с года основания Армады и заканчивая 1805 годом.

В старых традициях службы этот пункт был совершенно четко установлен. Инструкции адмиралов постоянно настаивают на том факте, что транспорты являются "основным объектом". Вся диспозиция флота во время блокады Хоука в 1759 году была основана на прочном удержании транспортов в Морбиане, и когда он попытался расширить свои операции против эскадры Рошфора, Энсон резко напомнил ему, что "главным объектом внимания в это время" был, во-первых, "перехват высадки противника в Морбиане", а во-вторых, "недопущение выхода военных кораблей из Бреста". Точно так же коммодор Уоррен в 1796 году, когда у него было постоянное фрегатное охранение перед Брестом, отдал приказ своим капитанам, что в случае встречи с транспортами противника под конвоем они должны "догнать их или уничтожить как можно быстрее, прежде чем атаковать военные корабли, но сохранять такую ситуацию, чтобы достичь этой цели по сигналу". Приказы лорда Кейта, наблюдавшего за флотилией Наполеона, имели тот же эффект. "Направляя ваше главное внимание, - пишут они, - на уничтожение кораблей, плавсредств или шлюпок с людьми, лошадьми или артиллерией на борту (отдавая предпочтение судам, которыми они защищены), и при неукоснительном выполнении этой важной обязанности полностью упуская из виду возможность праздного осуждения за то, что вы избегаете контакта с вооруженными силами, потому что предотвращение высадки является целью первостепенной важности, перед которой должны уступить место все остальные соображения".²²

Таким образом, в тактике идея была такой же, как и в стратегии. Армия была основной целью, вокруг которой разворачивались все диспозиции. На французской службе силу и обоснованность британской практики понимали, по крайней мере, лучшие бойцы. Когда в 1805 году Наполеон консультировался с Гантеом относительно возможности прохождения флотилии транспортов путем уклонения, адмирал сказал ему, что это невозможно, поскольку никакая погода не могла в достаточной степени ослабить позиции британцев. "В прежних войнах, - сказал он, - бдительность англичан была чудесной".

Из этого правила не было исключений, даже когда обстоятельства затрудняли различие между флотом и армией противника в качестве целей. Такая ситуация могла возникнуть двумя способами. Во-первых, когда армия вторжения была спроектирована так, чтобы плыть вместе с боевым флотом, как в случае вторжения Наполеона в Египет; и, во-вторых, когда, хотя по замыслу они должны были действовать на разных линиях, наша система обороны вынудила флот подойти к линии прохода армии, чтобы очистить ее, как это произошло в случае с Армадой и французской попыткой 1744 года.

В последнем случае армия вторжения, цель которой была неизвестна, находилась у Дюнкерка, а французский флот поднимался вверх по Ла-Маншу, чтобы прикрыть проход. Сэр Джон Норрис, командовавший флотом Метрополии, находился в Даунсе. Хотя его имя сейчас почти забыто, он был одним из великих основателей наших военно-морских традиций и стратегом первого порядка. Информировав правительство о своем плане операций, он сказал, что намерен выступить со всей своей эскадрой из Дюнкерка, чтобы помешать отплытию транспортов. "Но, - говорит он, - если они, к несчастью, выйдут из воды и пройдут мимо нас ночью и направятся на

север, я намерен выделить превосходящие силы, чтобы попытаться догнать и уничтожить их; а с оставшейся частью моей эскадры либо сразиться с французским флотом, находящимся сейчас в Ла-Манше, или наблюдать за ними и прикрывать местность, насколько позволят наши обстоятельства; или я буду продолжать высадку всеми своими силами". В этом случае не было времени обычным способом организовать специальную эскадру или флотилию для блокирования линии прохода, и для этой цели пришлось использовать боевой флот. Учитывая это, Норрис не собирался позволять присутствию вражеского боевого флота увести его из-под контроля армии вторжения, и он так решительно придерживался этого принципа, что имел в виду, если транспорты выйдут в море, направить его наступление против них, в то время как он просто сдерживал вражеский боевой флот путем оборонительного наблюдения.

В случае с Египтом вообще не было различия между двумя целями. Экспедиция Наполеона шла единой массой. Однако в управлении своим флотом Нельсон сохранил основную идею. Он разделил их на три "субэскадрильи": одну из шести парусных и две по четыре в каждой. "Две из этих субэскадр, - говорит Берри, его флагманский капитан, - должны были атаковать военные корабли, в то время как третья должна была преследовать транспорты и топить и уничтожать столько транспортов, сколько сможет"; то есть он намеревался, чтобы обезопасить армию Наполеона, использовать не более десяти, а возможно, и всего восемь своих собственных линейных кораблей против одиннадцати вражеских.

Можно привести много других примеров того, как британцы настаивали на том, чтобы в случае вторжения главной целью была армия противника, а не его флот. Ни один пункт старой традиции не был установлен более прочно. Его ценность, конечно, была более заметна там, где армия и флот противника пытались действовать на отдельных операционных направлениях; то есть там, где армия занимала реальный рубеж наступления, а флот - прикрывающий или превентивный рубеж, и где, следовательно, для нашего собственного флота не было путаницы между двумя целями. Это был обычный случай, и причина, по которой это было так, достаточно проста. Об этом можно сказать сразу, поскольку это служит для изложения общего принципа, на котором была основана наша традиционная система защиты.

Вторжение в Великобританию всегда должно быть попыткой через открытое море. Может быть, наш флот преобладает, а может быть, и нет, но командование всегда должно быть спорным. Если мы получим полное командование, никакого вторжения не может быть и не будет предпринято. Если мы полностью потеряем его, то в вторжении не будет необходимости, поскольку, помимо угрозы вторжения, мы должны заключить мир на наилучших условиях, какие только сможем получить. Теперь, если на море не будет мели, очевидно, что есть два способа предпринять вторжение. Во-первых, противник может попытаться прорвать нашу морскую оборону с помощью транспортов и флота в одной массе. Это была примитивная идея, на основе которой испанское вторжение Филиппа Второго первоначально планировалось его знаменитым адмиралом Санта-Крусом. Однако зреющая военная наука смогла убедить его в своей слабости. Масса транспортов и военных кораблей - самая громоздкая и уязвимая машина войны, когда-либо известная. Чем слабее военно-морская оборона страны, которой угрожает опасность, тем более ревностно она будет молиться о том, чтобы захватчик смог использовать это устройство. Там, где контакт с флотом противника неизбежен, и особенно в узких морях, как

это было в данном случае, такой курс даст обороняющемуся все шансы, о которых он только может мечтать, а успех захватчика немыслим, при условии, что мы всегда твердо решим сделать армию на ее транспортах нашей главной целью и не будем вынуждены ломать голову над ее эскортом.

Однако там, где контакт невозможен, вторжение по необитаемому морю может увенчаться успехом за счет уклонения от боевого флота обороняющейся стороны, как это было в случае вторжения Наполеона в Египет. Но эта операция относится к совершенно иной категории, чем та, которую мы сейчас рассматриваем. Ни один из факторов, на которых основана традиционная система британской обороны, не присутствовал. Это была операция в открытом море против отдаленной и неопределенной цели, у которой не было собственной морской защиты, тогда как в нашем случае определяющими факторами являются постоянная морская оборона, приблизительно определенная цель и узкое море, где уклонение любыми силами вторжения невозможно. Подвиг Наполеона на самом деле был не чем иным, как уклонением от открытой блокады, за пределами которой не было никакой морской защиты. Жизненная важность этих событий станет очевидной по мере того, как мы продолжим и обратим внимание на особенности, которыми были отмечены все попытки вторжения в Англию. Из таких попыток мы, конечно, исключаем различные нападения на Ирландию, которые, не будучи мощными для вторжения, относятся к другому классу, который будет рассмотрен ниже.

Поскольку способ форсирования вторжения силами мощного эскорта линкоров всегда отвергался как недопустимая операция, у захватчика не было иного выбора, кроме как занять отдельную линию для своей армии и действовать своим флотом таким образом, чтобы помешать противнику контролировать эту линию. Вкратце, такова проблема вторжения через необитаемое море. Несмотря на непрерывный послужной список неудач, иногда сопровождавшихся военно-морскими катастрофами, континентальные стратеги от Пармы до Наполеона упрямо цеплялись за веру в то, что существует решение, не требующее принятия окончательного решения по флоту. Они испробовали все мыслимые способы снова и снова. Они испробовали это путем простого внезапного уклонения и путем уклонения путем отвлечения или рассредоточения нашей военно-морской обороны. Они пытались добиться местного контроля с помощью локального военно-морского успеха, подготовленного внезапно, или пытались выманить наш флот из родных вод в достаточной степени, чтобы дать им временное местное превосходство. Но конец всегда был один и тот же. Как они ни старались, в конечном итоге они оказались перед одной из двух альтернатив — они должны были либо разгромить наш боевой флот прикрытия в бою, либо они должны были сомкнуть свой собственный боевой флот на транспортах и таким образом создать ту самую ситуацию, избежать которой и было их главным замыслом.

Правда заключается в том, что все попытки вторгнуться в Англию без господства на море двигались по замкнутому кругу, выхода из которого так и не было найдено. Независимо от того, насколько изобретателен или сложен замысел противника, решительное удержание его армии в качестве главной военно-морской цели всегда запускало процесс деградации, который делал предприятие неосуществимым. Его стадии отчетливы и повторяющиеся и могут быть выражены как бы схематически следующим образом:—

После определения двух операционных направлений армия вторжения собирается в точке, максимально приближенной к побережью, подлежащему вторжению; то есть там, где

разделяющее море наиболее узкое и где проход армии будет подвергаться помехам в течение наименьшего времени. Флот прикрытия будет действовать из максимально удаленной точки, чтобы выманить противника как можно дальше от линии прохода армии. Обороняющийся отвечает блокированием портов отправления армии флотилией легких судов, способных справиться с транспортом, или установлением мобильной обороны угрожаемых побережий, которые транспорты не могут преодолеть без посторонней помощи, или, что более вероятно, он совместит оба способа. Тогда становится очевидной первая ошибочность плана вторжения. Чем уже море, тем легче за ним наблюдать. Чистое уклонение становится невозможным, и необходимо предоставить транспортам достаточную вооруженную силу путем сопровождения или иным образом защитить их от нападения флотилии. Обороняющийся немедленно усиливает оборону своей флотилии крейсерами и промежуточными кораблями, а захватчик должен организовать прорыв барьера боевой эскадрой. Затем создается настолько слабая и тревожная позиция, что вся схема начинает рушиться, если, конечно, защитник упрямо придерживался стратегии, которую мы всегда использовали. Наш боевой флот отказался искать флот захватчика. Он всегда занимал позицию между флотом захватчика и блокированной базой вторжения, прикрывая блокаду и оборону флотилии. Чтобы дать возможность боевой эскадрилье прорвать нашу оборону и усилить армейский эскорт, захватчик должен либо форсировать эту прикрывающую позицию боем, либо нарушить ее настолько эффективно, чтобы позволить вспомогательной эскадрилье обойти ее. Но поскольку *ex hypothesi* он пытается вторгнуться, не обеспечив командование боем, он сначала попытается усилить свой транспортный эскорт уклонением. Сразу же он сталкивается с новой трудностью. Подкрепление влечет за собой разделение его флота, и это прием настолько порочный и подрывающий моральный дух, что никогда не было найдено ни одного захватчика, который рискнул бы на это. И именно по этой причине. Чтобы сделать возможным уклонение для отдельной эскадры, он должен подтянуть остальные свои силы и привлечь внимание флота противника, и, таким образом, если только у него нет очень большого превосходства, а по гипотезе это не так, он рискует, что его две дивизии будут разбиты по частям. Правительства иногда настаивали на этом методе, но протесты как флота, так и армии были настолько громкими, что от него всегда отказывались, и захватчик оказывался в конце порочного круга. Неспособный в достаточной степени усилить свой транспортный эскорт без разделения своего боевого флота, он вынужден подтянуть все свои силы к армии или отказаться от попытки до тех пор, пока командование не будет обеспечено сражением.

Таким образом, традиционная британская система никогда не подводила к тупиковой ситуации, и следует отметить, что она основана на том, чтобы сделать армию вторжения главной целью. Мы удерживаем его, во-первых, блокадой флотилии и усиленной обороной, которую могут диктовать обстоятельства вышестоящими подразделениями, и, во-вторых, прикрытием боевого флота. Именно на трюме флотилии построена вся система. Местная опасность для этого холда определяет степень усиления, которую требует флотилия, и именно безопасность этого холда определяет положение и действия боевого флота.

Несколько типичных примеров покажут, как система работала на практике в самых разных условиях. Первой научной попыткой работать по двум направлениям, в отличие от грубых массовых методов средневековья, было испанское предприятие 1588 года. Хотя ожидалась внутренняя поддержка со стороны недовольных католиков, это было задумано как настоящее вторжение, то есть продолжающаяся операция по постоянному завоеванию. Парма, главнокомандующий вооруженными силами, заявил, что испанскому флоту придется не только

защищать его проход и поддерживать высадку, но и "поддерживать открытыми его коммуникации для поставок провизии и боеприпасов".

Предлагая двойное направление операции, первоначальным намерением Пармы было переправить свою армию врасплох. Однако, как всегда, скрыть замысел оказалось невозможно, и задолго до того, как он был готов, он оказался надежно блокирован голландской флотилией при поддержке английской эскадры. Влияние англичан на армию было настолько прочным, что на какое-то время оно было чрезмерным. Основная часть английского флота под командованием Говарда оставалась на линии прохода, в то время как один Дрейк был отправлен на запад. Только благодаря настойчивости великого моряка диспозиция, которая должна была стать традиционной, была доведена до совершенства, и весь флот, за исключением эскадры, поддерживающей блокаду флотилии, был сосредоточен на позиции прикрытия в западном направлении. Затем была создана нормальная ситуация, и результат мог быть только один. О внезапности не могло быть и речи. Парма не могла двинуться с места, пока блокада не была прорвана, и перед лицом флота прикрытия испанский флот не мог надеяться прорвать ее внезапным вторжением. Туманные планы испанцев удержать английский флот подальше от линии прохода, угрожая высадкой в Западной части Страны или блокируя его в западном порту, больше негодились. Никакая подобная мера не позволила бы освободить Парму, и герцогу Медина-Сидония было приказано проследовать прямо в Дюнкерк, если возможно, без боя, чтобы там прорвать блокаду и обеспечить проход.

У короля была какая-то идея, что он сможет сделать это без сражения, но Парма и каждый опытный испанский моряк знали, что английский флот должен быть полностью разгромлен, прежде чем транспорты смогут выйти из порта. Такое сражение действительно было неизбежно, и английская диспозиция гарантировала, что испанцам придется сражаться в нем при всех невыгодных условиях, которые были присущи плану двух операционных направлений. Англичане обеспечили бы определенный контакт на таком расстоянии от линии прохода, которое позволило бы проводить длительные беспокоящие атаки в водах, незнакомых противнику, и вблизи их собственных источников поддержки и снабжения. Не было необходимости в смертельной битве до тех пор, пока испанцы не будут загнаны в ограниченные воды, которых требовал переход армии, и где обе части британского флота будут сосредоточены для последней схватки. Они должны прибыть туда, подавленные нерешительными действиями и ужасами неизвестных и трудных морей на самой высокой точке. Все это не было делом случая. Это было заложено в стратегических и географических условиях. Английская диспозиция использовала все их преимущества, и в результате испанская армия не только не могла даже двинуться с места, но и преимущество англичан в последнем сражении было настолько велико, что только удачная смена ветра спасла Армаду от полного уничтожения на голландских берегах.

В данном случае, конечно, было достаточно времени, чтобы принять необходимые меры. Будет полезно проследить за этим примером, в котором внезапность была настолько близка к полной, насколько это возможно себе представить, и где меры защиты пришлось импровизировать под влиянием момента.

Показательным примером была французская попытка 1744 года. В том году все было в пользу захватчика. Англия была подорвана якобитским мятежом; Шотландия была беспокойной и

угрожающей; военно-морской флот опустился до уровня, который все считают наихудшим с точки зрения духа, организации и командования; а правительство находилось в руках печально известной "Пьяной администрации". В течение трех лет мы безуспешно воевали с Испанией и поддерживали Марию Терезию на Континенте против Франции, в результате чего наша внутренняя оборона была ослаблена до минимума. Военно-морской флот тогда насчитывал 183 корабля - примерно столько же, сколько у Франции и Испании вместе взятых, — но из-за напряжения, вызванного войной в Средиземном море и трансатлантическими станциями, только сорок три, включая восемнадцать линейных, были доступны для плавания в домашних водах. Даже с учетом всех крейсерских кораблей "в пределах досягаемости", как тогда говорили, у правительства было под рукой едва ли четверть флота, чтобы справиться с кризисом. С сухопутными войсками дело обстояло немногим лучше. Значительно больше половины армии крайовой находилось за границей с королем, который помогал королеве-императрице в качестве курфюрста Ганновера. Однако между Францией и Англией войны не было. Летом король выиграл битву при Деттингене; осенью последовал официальный союз с Марией Терезией; Франция ответила тайным союзом с Испанией; и чтобы предотвратить дальнейшие действия Великобритании на Континенте, она решила нанести удар по Лондону в сочетании с восстанием якобитов. Это должно было стать "гром среди ясного неба" еще до объявления войны и в середине зимы, когда были заложены лучшие корабли флота метрополии. Операция планировалась по двум направлениям: армия должна была стартовать из Дюнкерка, флот прикрытия - из Бреста.

Сюрприз был великолепно продуман. Порт Дюнкерк был разрушен по Утрехтскому мирному договору 1713 года, и хотя французы некоторое время тайно восстанавливали его, он все еще был непригоден для приема транспортных судов. Несмотря на предупреждения сэра Джона Норриса, старшего адмирала на службе, скопление войск французской армии во Фландрии по соседству с ним могло быть принято только за отход на зимние квартиры, и чтобы не вызвать никаких подозрений, необходимые транспорты были тайно доставлены в другие порты под фальшивыми чартерными партиями и должны были собраться у Дюнкерка только в последний момент. С таким же мастерством была скрыта цель военно-морской мобилизации в Бресте. С помощью ложной информации, искусно переданной нашим шпионам, и демонстрации запасов продовольствия для длительного плавания британское правительство заставило поверить, что основной флот должен был присоединиться к испанцам в Средиземном море, в то время как отряд, предназначенный для сопровождения транспортов, был якобы снаряжен для рейда в Вест-Индию.

Что касается маскировки, то состав был идеальным. И все же в нем содержался роковой ингредиент. Армия должна была нанести удар по Темзе у Тилбери; но, несмотря на полную секретность, маршал Саксен, который должен был командовать, не мог совершить переход без сопровождения. На реке всегда было слишком много каперов и вооруженных торговых судов, не считая крейсеров, сновавших туда-сюда в целях защиты торговли. Следовательно, дивизия, которая, как мы предполагали, направлялась в Вест-Индию, должна была быть отделена от брестского флота после того, как он войдет в Ла-Манш, и должна была присоединиться к транспортам у Дюнкерка, в то время как "Маркиз де Рокфейль" с основными силами флота удерживал в Портсмуте те британские корабли, которые могли быть готовы к бою или блокаде.

Ничто не могло выглядеть проще или более уверенным в успехе. Британское правительство, казалось, совсем заснуло. Удар был нанесен в первую неделю января, и была середина

декабря, прежде чем они даже начали регулярно наблюдать за Брестом с крейсеров. Согласно отчетам этих крейсеров, были приняты меры по подготовке равной эскадры к выходу в море к новому году. К этому времени почти двадцать линейных кораблей были готовы или около того на "Норе", "Портсмуте" и "Плимуте", и было приказано укомплектовать их прессом. По разным причинам французам пришлось отложить свое предприятие. Наконец, только 6 февраля было замечено, что Рокфейль покидает Брест с девятнадцатью солдатами из линейного отряда. Новость достигла Лондона 12-го числа, и на следующий день Норрису было приказано поднять свой флаг в Спитхеде. Его инструкции заключались в том, чтобы "принять самые эффективные меры для предотвращения какого-либо вторжения в королевства". К этой предосторожности привело не что иное, как известие о том, что молодой претендент уехал из Рима во Францию. Правительство все еще не подозревало о том, что назревало в Дюнкерке. Только 20-го числа дуврский контрабандист сообщил информацию, которая наконец открыла им глаза.

Через день или два были замечены французские транспорты, направляющиеся в Дюнкерк, и их приняли за брестский флот. Впоследствии Норрису был отправлен приказ следовать за ними. Тщетно он протестовал против вмешательства. Он знал, что французы все еще были к западу от него, но его приказы повторили, и он должен был идти. Поднявшись вверх по Ла-Маншу против восточных ветров, он достиг Даунса и присоединился там к дивизии Нор 28-го числа. История обычно говорит об этом ложном движении как о счастливом случае, который спас страну от вторжения. Но это было не так. Саксен решил не встречаться с кораблями на Темзе без сопровождения. Их было достаточно, чтобы уничтожить его, если бы он это сделал. По правде говоря, шаг, к которому правительство вынудило Норриса, испортил кампанию и помешал ему уничтожить Брестский флот, а также остановить вторжение.

Рокфейль только что получил свои последние распоряжения перед стартом. Ему было поручено всеми возможными способами привести в действие основной британский флот или, по крайней мере, предотвратить дальнейшую концентрацию, в то время как он также должен был направить в Дюнкерк специальную дивизию из четырех линейных кораблей под командованием адмирала Баррейля для сопровождения транспортов. Фактически, это был неизбежный приказ, вызванный нашим превосходством над армией, разделить флот. Оба офицера, как обычно, начали расстраиваться, и, как и в случае с Медина-Сидонией, они решили составить компанию, пока не доберутся до острова Уайт, и оставаться там до тех пор, пока не смогут связаться с Саксом и лоцманами для пролива Дувр. Их охватила нервозность, которая, по-видимому, неотделима от этой формы работы. Рокфейль объяснил своему правительству, что невозможно сказать, какие корабли враг пропустил в Даунс, и что Баррейль, когда он прибудет из Дюнкерка, вполне может оказаться в невыгодном положении. Закончил он обычным образом, настаивая на том, что весь флот должен всем скопом выдвинуться к линии прохода. Однако по прибытии из Портсмута разведка в условиях плохой погоды привела его к выводу, что весь флот Норриса все еще там, и поэтому он отделил Баррейля, который благополучно добрался до Дюнкерка.

Не зная, что Норрис был в Даунсе, Саксен немедленно начал грузить свои войска, но плохая погода задержала операцию на три дня и таким образом спасла экспедицию, оказавшуюся незащищенной на открытых дорогах, от уничтожения в результате атаки, которую Норрис собирался нанести со своей флотилией брандеров и бомбовых судов.

Брестская эскадрилья имела столь же незначительный шанс спастись. Саксен и его штаб, до которых дошли слухи о движении Норриса к Даунсу, заболели морской болезнью, которая, кажется, всегда поражает армию, когда она готовится столкнуться с опасностями незапланированного перехода. Они тоже хотели, чтобы их сопровождал весь флот, и Рокфею был отправлен приказ поступить так, как он предложил. Совершенно не подозревая о присутствии Норриса в Даунсе с десятком более мощных защитников, чем у него самого, он вышел вперед с пятнадцатью, которые у него еще оставались, под своим флагом, чтобы приблизиться к Баррейлю. Норрису сообщили о его подходе, и именно сейчас он написал свою замечательную оценку, которую уже цитировал, за то, что разобрался с ситуацией.

"Как я думаю, - сказал он, - предотвращение высадки этих войск в любой части страны имеет огромное значение для службы его Величеству... преисполненный решимости встать на якорь вне песков Дюнкерка, где мы сможем наилучшим образом удержать их ". То есть он преисполнился решимости удерживать армию независимо от флота противника, и поскольку цель Сакса была не совсем определенной, он добился бы этого путем плотной блокады. "Но если, - продолжал он, - к несчастью, они выйдут ночью и направятся на север [то есть в Шотландию], я намерен выделить превосходящие силы, чтобы попытаться догнать и уничтожить их, а с остальной частью моей эскадры либо сразиться с французским флотом, находящимся сейчас в Ла-Манше, либо наблюдать за ними и прикрывать местность, насколько позволят наши обстоятельства; либо я буду продолжать погрузку [то есть следовать за транспортом] всеми своими силами ". Это означало, что он будет вести себя с армией противника наступательно, а с их флотом оборонительно, и его план был полностью одобрен королем.

Что касается того, какой из двух планов он примет, напрашивается вывод, что его выбор будет зависеть от силы противника, поскольку сообщалось, что эскадрилья Рошфора присоединилась к Рокфею. Сомнения быстро рассеялись. На следующее утро он услышал, что Рокфейль находится в Дандженессе всего с пятнадцатью людьми из очереди. В одно мгновение он воспользовался всеми преимуществами внутренней позиции, которые дала ему необходимость Рокфейля приблизиться к армии. С поразительной проницательностью он увидел, что есть время бросить все свои силы на флот противника, не теряя контроля над линией прохода армии. Движение было предпринято немедленно. В тот момент, когда французы были замечены, был подан сигнал "Генералу Чейзу", и Рокфейль был на волосок от того, чтобы быть застигнутым врасплох на своей якорной стоянке, когда затишье остановило атаку. Затишье сменилось другим яростным штормом, во время которого французы спаслись катастрофическим *спасением*, а флот транспортов был уничтожен. Результатом всего этого стал не только провал вторжения, но и то, что мы обеспечили себе господство в внутренних водах до конца войны.

Будет видно, что вся эта попытка, несмотря на все доводы в ее пользу, демонстрировала нормальный ход деградации. Несмотря на весь прекрасно составленный план и совершенный обман, присущие ему трудности, когда дело дошло до исполнения, как обычно, вынудили к неуклюжей концентрации боевого флота противника с его транспортом, и мы, со своей стороны, смогли предотвратить это со всеми преимуществами в нашу пользу простым приемом сосредоточения центральной массы на открытой и определенной линии прохода.

В следующем проекте, 1759 года, был разработан новый и очень хитроумный план преодоления трудности. Первая идея маршала Белля, как и идея Наполеона, состояла в том, чтобы собрать

армию в Амблетезе и Булони и избежать скопления транспортов, незаметно переправив их через пролив на плоскодонках. Но от этой идеи отказались еще до того, как она зашла очень далеко, ради чего-то гораздо более тонкого. Ложное преимущество короткого перехода было упущено, и армия должна была начать наступление из трех далеко отстоящих друг от друга пунктов, расположенных в более открытых водах — отвлекающий рейд из Дюнкерка и две более грозные силы из Гавра и Морбиана в Южной Бретани. Для обеспечения достаточного контроля над Брестом необходимо было сосредоточить флот из Средиземного моря и Вест-Индии.

Следует отметить, что новой особенностью было то, что наш флот прикрытия — то есть Западная эскадра у Бреста — должен был обеспечивать блокаду двумя крейсерами, по одному с каждой стороны от него. Какой бы сложной ни выглядела ситуация, она была решена старыми методами. Две дивизии французской армии в Дюнкерке и Морбиане удерживались эскадрильями крейсеров, способными преследовать их в открытом море, если им случайно удастся спастись, в то время как третья дивизия в Гавре, у которой не было ничего, кроме плоскодонок для транспортировки, удерживалась флотилией с хорошей поддержкой. Его положение было безнадежным. Он не мог двинуться с места без эскадрильи, чтобы освободить его, и никакое погодное везение не могло вывести эскадрилью из Бреста. Хоук, державший основную блокаду, мог быть отброшен, но он вряд ли мог не привести в действие любую эскадру, которая попыталась бы войти в Ла-Манш. С силами Морбиана дело обстояло иначе. В любой момент, когда "Хоук" был сбит, эскадра могла добраться до него из Бреста и прорвать блокаду крейсеров. Французское правительство фактически приказало части флота предпринять попытку. Конфлан, однако, командовавший войсками, возразил, что его силы были слишком слабы, чтобы разделить их, из-за провала запланированной концентрации. Боскавен поймал и разгромил средиземноморскую эскадру у Лагоса, и хотя вест-индская эскадра вошла туда, она оказалась, как и в великом плане сосредоточения сил Наполеона, непригодной для дальнейшей службы. Возникла старая ситуация, вызванная старым методом обороны; и в конце концов Конфлану ничего не оставалось, как отвести весь свой флот к морбианским транспортам. Хоук сразу же набросился на него, и результатом стал катастрофический день Киберона. Только Дюнкеркская дивизия освободилась, но малочисленность ее состава, позволившая ей ускользнуть от дозора, также не позволила ей причинить какой-либо вред. Его эскорт, после высадки горстки войск в Ирландии, был полностью уничтожен; и снова попытка французов вторгнуться по необитаемому морю не привела ни к какому результату, кроме потери их флота.

Проект 1779 года еще сильнее обозначил эти принципы, поскольку продемонстрировал, что они работают даже тогда, когда флот нашей метрополии значительно уступал флоту противника. В данном случае идея захватчика состояла в том, чтобы сформировать два экспедиционных корпуса в Шербуре и Гавре и под прикрытием подавляющего превосходства испанского и французского флотов объединить их на море и захватить Портсмут и остров Уайт. Это было в начале лета, когда мы пронюхали об этом плане, и две крейсерские эскадры и флотилии были немедленно сформированы на островах Даунс и Нормандия для наблюдения за побережьем Франции и предотвращения концентрации транспортов. Испания еще не объявила войну, но ее подозревали, и главному флоту под командованием ветерана сэра Чарльза Харди, который был заместителем Норриса в 1744 году, было приказано выйти из Бреста и не допустить появления любой испанской эскадры в этом порту. Французы, однако, перехитрили нас, выйдя в море до того, как Харди смог достичь своей станции, и соединившись с испанцами у Финистерре. Объединенный флот насчитывал около пятидесяти линейных кораблей, почти

вдвое больше нашего. Армия вторжения, начальником штаба которой был Дюмурье, насчитывала около 50 000 человек - силы, с которыми мы были не в состоянии встретиться на берегу. Таким образом, все говорило в пользу успеха, и все же во флоте, по крайней мере, преобладало чувство уверенности в том, что никакого вторжения не произойдет.

Мозгами морской обороны были лорд Бархэм (тогда сэр Чарльз Миддлтон) в Адмиралтействе и Кемпенфельт в качестве начальника штаба флота; и именно их переписке в то время мы обязаны некоторыми из самых ценных стратегических оценок, которыми мы располагаем. Идея французов состояла в том, чтобы войти в Ла-Манш своими превосходящими силами и, пока они уничтожали или удерживали Харди, выделить достаточную эскадру, чтобы прорвать блокаду крейсеров и сопроводить войска через него. Кемпенфельт был уверен, что этого сделать невозможно. Он был уверен, что громоздкая объединенная масса может быть обессилена его сравнительнооднородным и мобильным флотом, каким бы слабым он ни был, до тех пор, пока он сможет удерживать его в море и на западе. Оценка мощи маневренного флота низшего класса, о которой он писал в то время, уже была дана.²³ Когда худшая часть позиции была полностью известна, и поступило сообщение о противнике у устья Ла-Манша, он написал Миддлтону еще одно письмо. Его единственным сомнением было, обладает ли его флот необходимой сплоченностью и мобильностью. "Кажется, - сказал он, - мы недостаточно рассмотрели тот факт, что сравнительная мощь двух флотов во многом зависит от их плавания. Флот, который плывет быстрее всех, имеет большое преимущество, поскольку он может вступать в бой или нет по своему усмотрению, и поэтому всегда в своей власти выбрать благоприятную возможность для атаки. Я думаю, что могу смело рискнуть высказать мнение, что двадцати пяти линейных парусов, покрытых медью, было бы достаточно, чтобы беспокоить и дразнить эту огромную громоздкую объединенную армаду, чтобы помешать им что-либо предпринять, постоянно висящих над ними, готовых ухватиться за любую возможность отделения от ночи, шторма или тумана, броситься на отделившихся, отрезать идущие к ним конвои с провизией, и, если они попытаются вторгнуться, обязать весь их флот сопровождать транспорты, и даже тогда было бы невозможно полностью защитить их от такого активного и проворного флота".

Здесь мы имеем дело с написанным пером одного из величайших мастеров настоящим ключом к решению проблемы — силой, то есть возможностью заставить массу вражеского флота сопровождать транспорты. Харди, конечно, хорошо знал это по своему опыту 1744 года и действовал соответственно. Этот случай тем более поразителен, что защита от угрозы вторжения была не всей проблемой, которую ему предстояло решить. Это было осложнено инструкциями о том, что он также должен предотвратить возможный спуск на Ирландию и прикрывать прибытие больших конвоев. В ответ 1 августа он объявил о своем намерении занять станцию в десяти-двадцати лигах к юго-западу от Силли, "которая, по моему мнению, - сказал он, - является наиболее подходящей станцией для обеспечения безопасности торговли, ожидаемой из Ост- и Вест-Индии, и для встречи флотов противника, *если они попытаются войти в Ла-Манш*". Он подчеркнул последние слова, указывая, по-видимому, на свою уверенность в том, что они не рискнут сделать этого до тех пор, пока он сможет удерживать свой флот на западе непобежденным. По крайней мере, это он делал до тех пор, пока месяц спустя не счел необходимым зайти за припасами. Затем, все еще избегая противника, он побежал не к Плимуту, а прямо к острову Святой Елены. Это движение всегда рассматривалось как недостойное отступление, и в то время оно вызвало большое недовольство на флоте. Но следует отметить, что его поведение строго соответствовало принципу, который делает армию вторжения главной целью. Если флот Харди больше не был способен удерживать море без

пополнения, то подходящее место для поиска пополнения находилось на линии прохода захватчиков. Пока он был там, вторжение не могло состояться, пока он не был побежден. Союзники, это было правдой, теперь могли свободно присоединиться к своим транспортам, но перспектива такого перемещения не вызывала у адмирала беспокойства, поскольку это дало бы ему шанс сослужить службу своему врагу так, как это было сделано испанцам в 1588 году. "Я сделаю все, что в моих силах, - сказал он, - чтобы загнать их вверх по Ла-Маншу". Это старый принцип. В худшем случае, пока вы в состоянии направить флот прикрытия против транспортов, особенно в узких водах, вторжение становится операцией, выходящей за рамки терпимых рисков войны.

Так оно и оказалось. 14 августа граф д'Орвилье, главнокомандующий союзниками, захватил "Ящерицу" и в течение двух недель пытался подтолкнуть Харди к решительным действиям. Пока он этого не сделал, он не осмеливался ни войти в Ла-Манш со своим флотом, ни выделить эскадру для прорыва блокады крейсеров на базах вторжения. Его безрезультатные усилия истощили силы его флота, которые уже серьезно подорвало отдаленное сосредоточение в Финистерре, и он был вынужден бессильным вернуться в Брест, прежде чем что-либо было достигнуто. Союзники не смогли снова выйти к морю в ту кампанию, но даже если бы это было в их силах, Харди и Кемпенфельт могли бы вести свою оборонительную игру бесконечно и со все возрастающими шансами, по мере приближения зимы, нанести парализующий удар.

Реальных шансов на успех никогда не было, хотя Дюмуре действительно думал иначе. Он полагал, что предприятие могло бы увенчаться успехом, если бы основная часть флота была направлена против Ирландии и под прикрытием этого был бы нанесен *главный* удар по острову Уайт, "для чего, - сказал он, - шести или восьми линейных кораблей было бы достаточно". Но немыслимо, чтобы такие опытные мастера, как Харди и Кемпенфельт, могли так легко лишиться своей власти на линии прохода. Если бы такое подразделение было выделено вверх по Ла-Маншу от флота союзников, они, несомненно, согласно традиции, последовали бы за ним либо с превосходящими силами, либо со всей своей эскадрой.

Хорошо известные проекты Великой войны следовали тем же курсом. Под руководством Наполеона они реализовали весь спектр всех схем, которые когда-либо вызывали обманчивую надежду. С самого начала он намеревался переправить свою армию на плоскодонках, но столкнулся с обычной защитой флотилии. Затем появилась его единственная новая идея, которая заключалась в том, чтобы вооружить свою транспортную флотилию до такой степени, чтобы дать ей возможность самостоятельно прокладывать проход. Мы ответили усилением нашей флотилии. Убедившись экспериментальным путем, что его план теперь неосуществим, он решил прорвать блокаду внезапным вторжением летучей эскадрильи на расстоянии. С этой целью были разработаны различные правдоподобные схемы, но план за планом таяли в его руках, пока он не был вынужден столкнуться с неизбежной необходимостью подтянуть к своим транспортам превосходящие боевые силы. Опыт двух столетий ничему его не научил. Он верил, что сможет ослабить смертельную хватку своего врага путем более отдаленной концентрации, чем когда-либо предпринималось до этого. Единственным результатом было такое сильное истощение его флота, что он так и не смог справиться с реальными трудностями своей задачи, задачи, которая, как знал каждый адмирал на его службе, была не по силам имперскому флоту. Наполеон даже не приблизился к решению задачи, которую он перед собой поставил, — вторжению через необитаемое море. С нашей неприступной флотилией, прикрываемой автоматической концентрацией боевых эскадр у Ушанта, его армия никогда не смогла бы даже

выступить, если бы он не нанес нашему флоту прикрытия такого поражения, которое дало бы ему господство на море, а при абсолютном контроле над морем переправа армии не представляет трудностей.

У нас нет примера работы этих принципов в современных условиях. Получение свободы передвижения неизбежно должно изменить их применение, и с момента появления пара было только два вторжения по необитаемым морям — в Крым в 1854 году и в Маньчжурию в 1904 году — и ни один из этих случаев не имеет отношения к делу, поскольку ни в том, ни в другом не было никаких попыток морской обороны. Тем не менее, по-видимому, нет оснований полагать, что такая защита, применяемая старым способом, была бы менее эффективной, чем раньше. Флотилия была ее основой, и с момента появления торпедоносцев мощь флотилии значительно возросла. Его реальный и моральный эффект против транспортов, безусловно, должен быть больше, чем когда-либо, а возможности эскадр прорвать блокаду флотилии более ограничены. Мины, опять же, говорят почти полностью в пользу обороны, причем настолько, что делают быстрый *государственный переворот* против любого важного порта практически невозможным. В отсутствие всякого опыта именно к таким теоретическим соображениям мы должны обратиться в поисках света.

Теоретически говоря, успех нашей старой системы обороны зависел от четырех взаимосвязей. Во-первых, существует связь между быстротой, с которой силы вторжения могут быть мобилизованы и погружены на борт, и быстротой, с которой можно сообщать о беспокойстве в иностранных портах и *военных объектах*; иными словами, шансы на внезапность и уклонение равны скорости подготовки и скорости разведки.

Во-вторых, скорость конвоев зависит от скорости крейсеров и флотилии; иными словами, наша способность установить контакт с конвоем после его выхода в море и до того, как экспедиция сможет быть высажена, равна скорости наших крейсеров и флотилии по отношению к скорости конвоя.

В-третьих, существует связь между разрушительной мощью современных крейсеров и флотилий против конвоев без сопровождения или со слабым сопровождением и соответствующей мощью в дни плавания.

В-четвертых, существует взаимосвязь между скоростью конвоев и скоростью боевых эскадрилий, что имеет значение там, где транспорты противника, вероятно, будут подвергнуты сильному сопровождению. От этого соотношения зависит легкость, с которой боевая эскадрилья, прикрывающая нашу мобильную оборону, может обеспечить внутреннюю позицию, с которой она может нанести удар либо по боевой эскадрилье противника, если она двинется, либо по его конвою, прежде чем он сможет завершить свой переход и произвести высадку.

Все эти соотношения, по-видимому, были изменены современными разработками в пользу обороны. Что касается первого соотношения скорости мобилизации к скорости разведки, то это, очевидно, так. Хотя военная мобилизация все еще может быть относительно такой же быстрой, как мобилизация флотов, разведка опередила и то, и другое. Это верно как для получения, так и для передачи разведанных. Приготовления к морскому вторжению нелегко было скрыть из-за нарушения судоходства, которое они вызывали. Были приняты тщательно продуманные меры предосторожности для предотвращения коммерческой утечки

разведданных, но они так и не увенчались полным успехом. Однако раньше, в условиях сравнительной грубости, с которой тогда была организована международная торговля, скрываться было относительно легко, по крайней мере, на какое-то время. Но постоянно растущая чувствительность мировой торговли, когда о рыночных изменениях сообщается ежечасно, а не от недели к неделе, значительно увеличила сложность. И помимо скорости, с которой информация может собираться благодаря такому бдительному и тесному взаимодействию между обменами, существует еще более важный факт, что благодаря беспроводной связи скорость передачи военно-морских разведданных возросла в гораздо большем соотношении, чем скорость морского транзита.

Что касается соотношения скоростей крейсера и конвоя, от которого так сильно зависит уклонение, то оно такое же. В фрегатных днях это соотношение, по-видимому, составляло не более семи к пяти. Теперь, во всяком случае, в случае крупных конвоев, оно было бы почти вдвое больше.

О разрушительной мощи флотилии, растущей из года в год, уже было сказано достаточно. С появлением торпедоносцев и подводных лодок оно, вероятно, увеличилось в десять раз. В меньшей степени то же самое верно и для крейсеров. В прежние времена физическая способность крейсера нанести ущерб рассеивающемуся конвою была сравнительно невелика из-за его относительно небольшого превышения скорости и ограниченной дальности действия и разрушительной силы его орудий. Обладая более высокой скоростью, большей энергией и дальностью орудий, способность крейсеров разрезать конвой делает его практическое уничтожение почти неизбежным, если его однажды поймать, и, следовательно, обеспечивает моральный сдерживающий фактор против того, чтобы полагаться на уклонение сверх всего, что было известно ранее.

Увеличенное соотношение скорости боевого флота к скорости больших конвоев столь же бесспорно и не менее важно, поскольку легкость определения внутренних позиций, которая подразумевается под этим, лежит в основе старой системы. Пока наш боевой флот находится в положении, откуда он может прикрыть блокаду нашей флотилии или нанести удар по проходящему конвою противника, это вынуждает его боевой флот в качестве последнего средства приблизиться к конвою, а это, как указал Кемпенфельт, практически фатально для успеха вторжения.

Таким образом, с какой бы точки зрения мы ни рассматривали будущие шансы успешного вторжения в незамкнутое море, может показаться, что не только старая система хороша, но и все современные разработки, затрагивающие этот вопрос, справедливо претендуют на усиление результатов, на которые наша морская служба, по крайней мере, привыкла с такой уверенностью рассчитывать и которые она никогда не подводила.

II. НАПАДЕНИЕ И ЗАЩИТА ТОРГОВЛИ

Основную идею нападения и защиты торговли можно выразить в старой пословице: "Где туша, там и орлы соберутся вместе". Наиболее плодородные области всегда подвергались сильнейшему нападению и, следовательно, требовали сильнейшей защиты; и между плодородными и неплодородными областями можно было провести границу, которая для стратегических целей была определенной и постоянной. Плодородные районы были терминалами отправления и назначения, где торговля, как правило, была перенаселена, и во

второстепенной степени координационными центрами, где из-за особенностей рельефа местности торговля имеет тенденцию сходиться. Бесплодные районы были великими маршрутами, которые проходили через центральные пункты и соединяли конечные районы. Следовательно, атака на торговлю имеет тенденцию принимать одну из двух форм. Это может быть терминальная или пелагическая атака, причем терминальная атака является более выгодной, но требует большей силы и риска, а пелагическая атака является более неопределенной, но требует меньшей силы и риска.

Эти соображения непосредственно подводят нас к парадоксу, лежащему в основе постоянных неудач наших врагов в оказании решающего давления на нас посредством операций, направленных против нашей торговли. Дело в том, что там, где больше всего следует опасаться нападения, там легче всего защищаться. План войны, главной целью которого является уничтожение торговли, подразумевает для стороны, использующей его, неполноценность на море. Будь у него превосходство, его целью было бы превратить это превосходство в действующее командование путем сражения или блокады. Следовательно, за исключением редких случаев, когда противоборствующие силы равны, мы должны предположить, что воюющей стороне, которая ставит своей главной целью уничтожение торговли, придется иметь дело с превосходящим флотом. Так вот, это правда, что трудность защиты торговли заключается главным образом в протяженности моря, которое она охватывает. Но, с другой стороны, области, в которых он имеет тенденцию скапливаться и только в которых он серьезно уязвим, немногочисленны и узки, и могут быть легко заняты, если мы будем располагать превосходящими силами. За пределами этих районов эффективная оккупация невозможна, но так же невозможна и эффективная атака. Отсюда ключевой факт войны с торговлей: объект нападения означает объект обороны.

Рядом с этим фундаментальным принципом мы должны поместить другой, едва ли менее важный. Из-за общей природы морских коммуникаций нападение и защита торговли настолько тесно связаны, что одна операция почти неотличима от другой. Обе идеи реализуются при использовании общих коммуникаций. Самой сильной формой нападения является оккупация терминалов противника и установление коммерческой блокады портов, которые они содержат. Но поскольку эта операция обычно требует блокады соседнего военно-морского порта, она также представляет собой, как правило, оборонительную позицию для нашей собственной торговли, даже когда прибрежная территория противника не перекрывает нашу собственную. При занятии основными областями эти две идеи еще более неотделимы друг от друга, поскольку большинство, если не все, таких областей находятся на общих линиях связи. Поэтому будет достаточно рассмотреть общий аспект вопроса с точки зрения защиты.

Именно в соответствии с различием между плодородными и неплодородными районами была разработана наша старая система торговой защиты. Вообще говоря, эта система должна была обеспечивать надежность терминалов, а в важных случаях и координационных центров. С помощью боевой эскадры с полным комплектом крейсеров они были образованы защищенными районами, или "урочищами", как назывался старый термин, и торговля считалась безопасной, когда она заходила в них. Промежуточные торговые пути, как правило, оставались незащищенными. Таким образом, наши домашние терминалы удерживались двумя боевыми эскадрильями: Западной эскадрилей в устье Ла-Манша и Североморской, или Восточной, эскадрилей со штаб-квартирой обычно в Даунсе. К ним была добавлена эскадрилья крейсеров на ирландской базе, базирующейся в Корке, которая иногда

подчинялась Западной эскадрилье, а иногда была независимой организацией. Территория действия Западной эскадры во французских войнах простиралась, как мы видели, по всему Бискайскому заливу, выполняя двойную функцию, поскольку это касалось торговли: предотвращать нападения эскадр из портов противника и действовать наступательно против его атлантической торговли. Эта эскадра Северного моря простиралась до устья Балтийского моря и примерно до северного прохода. Его основной функцией во время крупных военно-морских коалиций против нас было сдерживать действия голландских эскадр или предотвращать вторжение французских эскадр на север, против нашей балтийской торговли. Как и Западная эскадра, она бросила дивизии, обычно расположенные в Ярмуте и Лейте, для защиты нашей прибрежной торговли от каперов и спорадических крейсеров, действующих из портов в пределах защищаемого района. Точно так же между Даунсом и Западной эскадрой обычно находилась одна или несколько небольших эскадр, в основном крейсеров, и обычно они располагались около Гавра и Нормандских островов, которые служили той же цели для нормандских и северобретонских портов. Для завершения системы были созданы патрули флотилии, действующие под началом адмиралов портов и делающие все возможное для контроля маршрутов прибрежного и местного сообщения, которые тогда имели давно утраченное значение. Домашняя система, конечно, отличалась в разное время, но она всегда была в этих общих чертах. Морская оборона была дополнена защищенными портами-убежищами, основные из которых находились на побережье Ирландии для защиты морской торговли, но другие в большом количестве были созданы в пределах защищенных районов от операций каперов, и руины батарей по всему британскому побережью свидетельствуют о том, насколько полной была организация.

Аналогичная система преобладала в колониальных районах, но там военно-морская оборона обычно состояла из крейсерских эскадр, усиленных одним или двумя линейными кораблями, главным образом с целью поднятия флага. Они были заняты боевыми эскадрильями только тогда, когда противник угрожал операциями аналогичной силы. Малая, или внутренняя, оборона от местных каперов была в значительной степени местной; то есть большая часть флотилии была оборудована шлюпами, построенными или нанятыми напрокат на месте, как наиболее приспособленными для этой службы.

Координационные пункты тогда не были столь многочисленными, какими они стали с развитием дальневосточной торговли. Самый важный из них, Гибралтарский пролив, рассматривался как защищенная территория. С точки зрения защиты торговли его удерживала средиземноморская эскадра. Эта эскадра, несущая наблюдение за Тулоном, прикрывала не только проливы, но и основные точки в море. У нее тоже были свои разветвленные подразделения, иногда до четырех: одно на подступах к Ливорно, одно в Адриатическом море, третье на Мальте, и четвертое в Гибралтаре. В случае войны с Испанией последняя была очень сильна, чтобы обезопасить центральную зону от Картахены и Кадиса. Действительно, однажды, в 1804-185 годах, как мы видели, она на короткое время была выделена в самостоятельный район с особой эскадрилей. Но в любом случае в районе Гибралтара имелась собственная внутренняя флотилия охраны под руководством адмирала порта для защиты от местных каперов и пиратов.

Общая теория этих защищаемых конечных и фокусных районов, как будет видно, заключалась в том, чтобы удерживать в силе те воды, которые сходящаяся торговля делала наиболее плодородными и которые, следовательно, представляли собой подходящее поле для действий рейдовых эскадр. Несмотря на сложную систему обороны, такие эскадрильи могли вторгаться

врасплох или скрытно, а иногда и вторгались, и тогда им удавалось бросить вызов как эскорту конвоя, так и форпостам крейсеров. Но, как показал опыт, система конечной обороны боевыми эскадрильями делала невозможным для таких рейдовых эскадрилий оставаться на земле достаточно долго, чтобы вызвать какие-либо серьезные помехи или нанести серьезный ущерб. Только регулярным флотом превосходящей силы система могла быть разрушена. Другими словами, оборона могла пасть только тогда, когда наши средства локального контроля были уничтожены в бою.

Вот и все о защищенных районах. Что касается больших маршрутов, которые их соединяли, было сказано, что они остались без защиты. Под этим подразумевается, что безопасность проходящих по ним судов обеспечивалась не патрулями, а эскортом. Была принята система конвоев, и теория этой системы заключается в том, что, пока суда находятся на больших маршрутах, они обычно подвержены только спорадическим нападениям, и, следовательно, они объединяются во флоты и обеспечиваются эскортом, достаточным для отражения спорадических нападений. Теоретически крейсерского сопровождения достаточно, но на практике было сочтено удобным и экономичным частично возложить эту обязанность на линейные корабли, которые отправлялись на соединение с эскадрой дальнего терминала или возвращались с нее для переоборудования или по какой-либо другой причине; другими словами, система иностранных послаблений была создана для работы в сочетании с системой дополнительного сопровождения. Там, где таких кораблей не было в наличии, а конвои представляли большую ценность, или было известно, что линейных кораблей противника нет в наличии, подобные подразделения были специально выделены для обслуживания конвоев, чтобы они отправлялись и возвращались, но такое использование боевых единиц было исключительным.

Такой метод борьбы с великими маршрутами является следствием идеи защищенных территорий. Поскольку эти районы были плодородны и, вероятно, привлекали эскадрильи рейдеров, великие маршруты были бесплодны, и ни один враг не мог позволить себе тратить на них эскадрильи. Очевидно, однако, что у системы была своя слабая сторона, поскольку сам факт прохождения конвоя по большому маршруту имел тенденцию привлекать эскадрилью, и сравнительная неприкосновенность этих маршрутов была утрачена. Опасность в значительной степени обеспечивалась тем фактом, что все порты противника, из которых могла выйти эскадра, находились в пределах защищаемых районов и наблюдались нашими собственными эскадрами. И все же охрану нельзя было сделать непроницаемой. Всегда существовал шанс, что эскадра ускользнет, и если она направится к важному торговому маршруту, за ней нужно будет проследить. Следовательно, были времена, когда система конвоев серьезно нарушала нашу диспозицию, как, например, во время кризиса Трафальгарской кампании, когда на короткое время наша цепь обороняемых районов была нарушена в результате бегства Тулонской эскадры. Это бегство в конечном итоге вынудило Западную эскадру сосредоточить все силы, но, помимо всех прочих соображений, считалось невозможным удерживать эту массу более двух дней из-за того, что приближались большие конвои из Ост- и Вест-Индии, и возвращение Вильнева в Ферроль с Мартиники подвергло их эскадренной атаке. Фактически, было невозможно сказать, не была ли месса навязана нам с этой особой целью.

В ответственности за отклонение от курса такого рода кроется самое серьезное стратегическое возражение против системы конвоев. Было предпринято усилие, чтобы свести это к минимуму, предоставив конвоям секретный маршрут, когда возникло опасение вмешательства со стороны

эскадрильи. Это было сделано в только что приведенном случае, но эта предосторожность, казалось, никоим образом не уменьшила тревогу. Возможно, это было потому, что в те дни медленной связи не могло быть такой уверенности в том, что секретный маршрут был получен, как сейчас.

Современные разработки и изменения в судоходстве и военно-морском снаряжении действительно настолько глубоко изменили все условия защиты торговли, что нет такой части стратегии, где историческая дедукция была бы более сложной или более подверженной ошибкам. Чтобы избежать такой ошибки, насколько это возможно, важно помнить об этих изменениях на каждом этапе. Наиболее важных из них три. Во-первых, отмена каперства; во-вторых, сокращение радиуса действия всех военных кораблей; и в-третьих, развитие беспроволочного телеграфа. Есть и другие, с которыми необходимо разобраться на их месте, но эти три ведут к корню всей проблемы.

Как ни трудно получить точную статистику торговых разрушений в старых войнах, одно кажется несомненным — основная масса захватов, которые исчислялись сотнями, а иногда даже тысячами, была вызвана действиями каперов. Кроме того, представляется несомненным, что, если исходить, по крайней мере, из цифр, большая часть ущерба была нанесена мелкими каперами, действовавшими вблизи своих баз, как домашних, так и колониальных, препятствуя прибрежному и местному судоходству. Жалобы торговцев, насколько они известны, относятся в основном к такого рода работам в Вест-Индии и внутренних водах, в то время как сообщения о серьезных захватах крупными каперами в открытом море сравнительно редки. Фактический ущерб, нанесенный роем небольших судов, возможно, и был невелик, но его моральные последствия были очень серьезными. Самые сильные правительства не могли игнорировать их, и следствием этого было хроническое нарушение более крупных стратегических диспозиций. В то время как эта диспозиция была достаточной для сдерживания действий крупных каперов, действующих так же, как обычные крейсера, более мелкие находили очень свободную игру среди ребер защитной системы, и с ними можно было справиться, только заполнив пространство роем небольших крейсеров, что наносило серьезный ущерб более крупным кораблям. Тем не менее, близость портов противника делала побег настолько легким, что репрессивная работа была очень неэффективной. Состояние дела действительно было почти идентичным народной войне. Обычные стратегические приемы не справились с этим так же, как широко спланированные методы Наполеона не справились с *партизанами* в Испании или как наши собственные так долго терпели неудачу в Южной Африке.

Таким образом, с отменой каперства, казалось бы, была устранена наиболее тревожащая часть проблемы. Конечно, неясно, насколько Парижская декларация будет действенной на практике. Даже участвующие в нем стороны по-прежнему могут в большей или меньшей степени обходить его ограничения, принимая торговые суда и вводя их в эксплуатацию в качестве обычных военных кораблей. Но маловероятно, что такие методы выйдут за рамки более крупных частных судов. Любая попытка возродить таким образом старые *плутовские* методы могла бы быть равносильна фактическому отказу от статутного международного права, что повлекло бы за собой возмездие. Более того, по крайней мере, в родных водах, условий, благоприятствовавших этой *плутовской* войне, больше не существует. Во время старых войн большая часть нашей торговли приходилась на Темзу, и оттуда большая ее часть распределялась на небольших каботажных судах. Именно в этом прибрежном судоходстве маленькие каперы, совершавшие рейсы на короткие расстояния, нашли свою возможность и свой самый богатый урожай. Но

теперь, когда появилось так много других крупных центров распространения и что основная часть распределения осуществляется по внутренним линиям связи, Канал больше не является единственной артерией, и старых неприятных помех можно избежать, не внося существенных изменений в нашу коммерческую систему.

Таким образом, существует вероятность того, что в будущем окажется, что вся проблема упрощена, и что работа по защите торговли будет в гораздо большей степени относиться к масштабному стратегическому подходу, чем это было когда-либо прежде, в результате чего будет установлено, что изменения в значительной степени говорят в пользу защиты и предотвращения нападения.

Сокращение радиуса действия едва ли менее важно. В старые времена крейсерское судно могло храниться в течение шести месяцев, и до тех пор, пока оно могло время от времени пополнять запасы топлива и воды, оно могло свободно перемещаться по морю за пределами защищаемых районов в течение всего этого периода с неизменной жизнеспособностью. Для таких пелагических операций ее передвижение было практически неограниченным. Она могла два или три дня убегать от превосходящего противника или преследовать его столько же времени без потери энергии, и она могла бесконечно ждать в подходящем месте или менять позицию, как того требовала опасность или надежда на добычу. Пока у нее оставались мужчины для охраны своих трофеев, ее способность проказничать была почти безграничной. Теперь все изменилось. Вместимость каждого рейса судна сегодня очень мала. Судно ограничено короткими заходами в стратегически защищенный район или, если оно нацелено на морские операции, вынуждено заходить так далеко в поисках незащищенных вод, что его угля едва ли хватит на фактическое плавание более чем на несколько дней. Пара погонь на высокой скорости в течение этого периода может вынудить ее немедленно вернуться, при условии только сомнительной возможности пополнить запасы угля из приза. Кроме того, ей приходится столкнуться с тем фактом, что призовые за укомплектование персоналом неизбежно снижают ее способность развивать скорость, которая так сильно зависит от полностью укомплектованного машинного отделения. Это, как правило, ставит под угрозу ее шансы на возвращение через защищаемые районы или вблизи них. Единственный выход из этой ситуации - потопить захваченный корабль. Но у этого курса есть возражения, едва ли менее весомые, чем у другого. Ни одна держава не рискнет потопить трофей со всем экипажем, а их перевозка на корабль захватчика требует времени, особенно в плохую погоду, и присутствие таких пленников на крейсере в любом количестве вскоре становится серьезной проверкой его боевой мощи. Более того, в случае с большими кораблями разрушительная работа - дело нелегкое. При наиболее благоприятных обстоятельствах это занимает значительное время и, таким образом, не только истощает выносливость крейсера, но и снижает его шансы на уклонение.

Из этих и подобных соображений очевидно, что возможности операций на великих торговых путях гораздо менее обширны, чем они были раньше, в то время как говорить о крейсерах, "наводняющих" эти маршруты, - явная гипербола. В современных условиях это едва ли более осуществимо, чем было бы поддерживать постоянную блокаду Британских островов. Для этого потребовался бы поток кораблей в таком количестве, о наличии которого не может помыслить ни одна страна, кроме нашей, и которое невозможно было бы поддерживать, не обеспечив сначала решительного перевеса на море. Таким образом, уменьшение радиуса действия, хотя и не увеличивает мощь защиты, ощутимо снижает мощь нападения при пелагических операциях.

Для значительного увеличения оборонительных возможностей мы должны обратиться к чрезвычайному развитию средств дистанционной связи. В прежних условиях крейсерское судно могло оставаться в течение нескольких дней на плодородном месте и совершить несколько захватов, прежде чем о его присутствии стало известно. Но поскольку большинство крупных торговых судов были оснащены беспроводными установками, теперь она не может атаковать ни одно из них, не опасаясь вызвать на себя противника. Более того, когда он будет обнаружен, каждый корабль в пределах беспроводной досягаемости может быть предупрежден о его присутствии и избегать его. Он должен широко и постоянно менять свое местоположение, тем самым еще больше снижая свою устойчивость. Таким образом, в целом, может показаться, что в той мере, в какой современные достижения влияют на проблему, они, безусловно, делают пелагические операции гораздо более сложными и неопределенными, чем они были раньше. На больших маршрутах сила нападения была уменьшена, а средства уклонения увеличились до такой степени, что потребовали полного пересмотра защиты торговли между терминалами. Казалось бы, задействована вся основа старой системы. Этой основой была система конвоев, и теперь становится сомнительным, достаточна ли дополнительная безопасность, которую обеспечивали конвои, чтобы перевесить их экономические недостатки и их способность вызывать стратегические беспорядки.

Помимо уже отмеченных соображений, есть еще три, все из которых способствуют безопасности нашей торговли, позволяя гораздо более широкий выбор маршрута. Первый заключается в том, что преобладающие ветры не вынуждают паровые суда придерживаться определенных курсов. Второй заключается в том, что усовершенствования в искусстве навигации больше не делают столь необходимым заход на хорошо известные берега во время перехода. Третье заключается в том, что увеличение числа наших крупных торговых портов разделило прежний основной поток торговли в Ла-Манш на ряд второстепенных потоков, которые охватывают гораздо более широкую территорию и требуют большего распределения сил для эффективной атаки. Очевидно, что совокупный эффект этих соображений заключается в еще большем увеличении шансов отдельных судов уклониться от крейсеров противника и уменьшении риска отказа от сопровождения.

Новые практические трудности, связанные со спорадическими операциями на больших маршрутах, также не являются единственными аргументами, которые сводят к минимуму ценность конвоев. Мы также должны помнить, что, хотя количество судов, торгующих через океан, чрезвычайно увеличилось с 1815 года, вряд ли возможно, даже если отмена каперства окажется безуспешной, что количество крейсеров, доступных для пелагических атак, может превышать или даже равняться количеству дней плавания. Это соображение, следовательно, также должно быть положено на чашу весов в отношении конвоев; ибо несомненно, что размер серьезного оперативного ущерба, который противник может нанести нашей торговле в результате морских операций, в основном определяется отношением имеющейся у него крейсерской силы к объему этой торговли. Этот аспект вопроса, однако, является частью гораздо более широкого, который касается связи объема нашей торговли с трудностью ее защиты, и это необходимо рассмотреть позже.

Сначала остается разобраться с последним звеном в старой системе защиты. Утверждение о том, что великие маршруты остались незащищенными, по-видимому, противоречит сложившемуся впечатлению, основанному на том факте, что фрегаты постоянно упоминаются как находящиеся "в кризисе". Предполагается, что они фактически патрулировали великие

маршруты. Но это было не так, и они бороздили моря не по своей воле. Они составляли определенную и необходимую часть системы. Хотя эта система была основана на различии между защищенными терминалами и незащищенными маршрутами, что было реальным стратегическим различием, было невозможно провести реальную черту, где начиналась одна сфера и заканчивалась другая. За пределами регулярно обороняемых районов лежал регион, который, поскольку маршруты начали сходиться, был сравнительно плодородным. В этом регионе вражеские крейсера и их более крупные каперы находили среднее между риском и прибылью. Здесь также конвои, когда они входили в зону, подвергались наибольшей опасности из-за страха, что их сопровождение будет подавлено. Следовательно, существовала практика, когда ожидалось приближение конвоев, бросать вперед из защищаемого района группы мощных крейсеров и даже дивизионы линейных кораблей, чтобы встретить их и усилить их сопровождение. Сопровождение конвоев, направляющихся за границу, было аналогичным образом усилено до тех пор, пока они не покинули опасную зону. Система регулярно использовалась как для внутренних, так и для колониальных территорий. Это ни в коем случае не означало патрулирование маршрутов. На практике и по замыслу это была система аванпостов, которая в периоды особого риска сводилась к расширению защищаемых районов в сочетании с усилением сопровождения конвоев. Менее важные пункты, такие как мысы Финистерре и Сент-Винсент, аналогичным образом удерживались одним или двумя мощными крейсерами, а при необходимости и эскадрой.

Как уже объяснялось, из-за особых условий моря и общего характера морских коммуникаций эти расположения были приняты как для нападения, так и для обороны, и плодородные районы, для защиты которых капитан фрегата отправлялся "в круиз", всегда могли принести ему богатое вознаграждение. Его миссия защиты заключалась в создании наилучших возможностей для атаки.

При полном развитии системы патрульные линии действительно существовали, но не на больших маршрутах. Они были созданы для связи прилегающих защищаемых районов и как более научная организация форпостов крейсера. Таким образом, в 1805 году Гибралтар и районы базирования были соединены патрульной линией, которая тянулась от мыса Сент-Винсент через центральную зону Финистерре до мыса Клир, а ответвление простиралось до стратегического центра у Ушанта. Новая система была введена в то время, когда у нас были основания ожидать, что французский и испанский флоты будут полностью посвящены операциям небольшими рейдерскими эскадрами против нашей торговли и колоний. Поэтому было необходимо принять специальные меры для определения местонахождения любых таких эскадрилий, которые могли бы ускользнуть от регулярных блокад, и обеспечения надлежащего преследования за ними. Фактически новые линии были в первую очередь разведывательными патрулями, хотя они также рассматривались как единственное средство эффективной защиты южного торгового пути, где он был окружен французскими и испанскими портами.²⁴

Следует отметить, что вся система, хотя и не противоречила главной цели приведения в действие вражеских флотов, повлекла за собой расходование сил и отвлечение внимания от таких задач, которые неизвестны в сухопутной войне. Большое количество крейсеров приходилось использовать иначе, чем в качестве глаз боевых эскадр, в то время как прибытие и уход конвоев вызывали периодические колебания в общем распределении.

Каким бы неловким ни было это коммерческое отклонение в старых войнах, по-видимому, преобладает впечатление, что в будущем оно должно быть гораздо более серьезным. Достаточно правдоподобно утверждается не только то, что наша торговля намного крупнее и богаче, чем была, но и то, что из-за определенных хорошо известных экономических изменений это в гораздо большей степени вопрос жизни и смерти для нации, чем в те дни, когда продовольствие и сырье не составляли основную часть нашего импорта. Ввиду новых условий считается, что мы сейчас более уязвимы в нашей торговле, чем раньше, и что, следовательно, мы должны уделять относительно больше внимания и сил ее защите.

Если бы это было правдой, очевидно, что война с сильным военно-морским объединением представляла бы трудности самого грозного рода, действительно большие, чем мы когда-либо испытывали; поскольку с современными разработками спрос на крейсера флота намного выше, чем раньше, возможности выделения крейсеров для защиты торговли относительно намного меньше.

Нельзя отрицать, что на первый взгляд вывод выглядит безукоризненным. Но при анализе выясняется, что он включает в себя два допущения, оба из которых весьма сомнительны. Первый заключается в том, что уязвимость морской державы в связи с ее морской торговлей определяется объемом этой торговли. Во-вторых, сложность защиты морской торговли заключается также в ее объеме — иными словами, чем больше объем торговли, тем больше должны быть силы, выделяемые на ее защиту. Эта идея действительно зашла так далеко, что нам часто предлагают установить стандарт нашей военно-морской мощи, сравнив его с соотношением военно-морской мощи других держав к их морской торговле.

Хотелось бы надеяться, что приведенный выше набросок нашей традиционной системы торговой защиты поможет вызвать сомнение в том, можно ли принять то или иное предположение без очень тщательного рассмотрения. В истории этой системы нет никаких указаний на то, что на нее влиял объем торговли, для защиты которого она была разработана. Также никому не удалось показать, что давление, которое враг мог оказывать на нас через нашу торговлю, увеличивалось фактически вместе с объемом нашей морской торговли. Общие указания на самом деле указывают на обратное — чем больше был объем нашей торговли, тем меньшее впечатление мог произвести на нее противник, даже когда он посвящал этому всю свою военно-морскую энергию. Не будет преувеличением сказать, что каждый раз, когда он выбирал этот курс, его собственная торговля сводилась к нулю, в то время как наша постоянно увеличивалась.

Могут возразить, что это произошло потому, что единственные периоды, когда он посвящал свои основные усилия уничтожению торговли, были, когда мы доминировали над его флотом, и, будучи больше не в состоянии оспаривать командование, он мог только вмешиваться в его действия. Но так должно быть всегда, независимо от того, доминировали мы над его флотом или нет. Если он попытается игнорировать наши боевые флоты и посвятит себя операциям против торговли, он не сможет оспорить командование. Какой бы ни была его сила, он должен оставить командование нам. Он не может делать и то, и другое систематически, и если он не будет

систематически атаковать нашу торговлю с помощью постоянных стратегических операций, он не может надеяться произвести какое-либо реальное впечатление.

Если теперь мы возьмем два допущения и проверим их с помощью применения элементарных принципов, то оба окажутся теоретически несостоятельными. Давайте сначала рассмотрим отношение уязвимости к объему. Поскольку целью войны является навязывание нашей воли врагу, единственный способ, которым мы можем ожидать, что война с торговлей послужит нашей цели, - это нанести ей такой ущерб, который заставит нашего врага предпочесть мир на наших условиях продолжению борьбы. Давление на его торговлю должно быть невыносимым, а не просто раздражающим. Это должно серьезно подорвать его финансы или серьезно угрожать задушить его национальную жизнь и деятельность. Если его общий товарооборот составит сто миллионов, а нам удастся уничтожить пять, он почувствует это не больше, чем обычные колебания, к которым он привык в мирное время. Однако, если мы сможем уничтожить пятьдесят миллионов человек, его торговое равновесие будет нарушено, и это сильно повлияет на исход войны. Другими словами, чтобы повлиять на проблему, впечатление, произведенное на trade, должно быть процентным или относительным. Мерой уязвимости страны в результате ее торговли является процент разрушений, которые может нанести враг.

Итак, верно, что величина ущерба, который воюющая сторона может нанести данной силой торговле противника, будет в некоторой степени зависеть от ее объема; ибо чем больше объем торговли, тем более плодородными будут незащищенные районы плавания. Но какими бы плодородными ни были такие районы, разрушительная мощь крейсера всегда была ограничена, и в будущем она должна быть еще более ограниченной. Это было ограничено тем фактом, что было физически невозможно получить более определенного количества призов за определенное время, и, по уже указанным причинам, этот лимит подвергся очень заметному ограничению. Когда этот предел возможностей данных вооруженных сил будет пройден, объем торговли не повлияет на проблему; и, учитывая, насколько низким должен быть этот потенциал в будущем и насколько огромен объем нашей торговли, предел разрушительной силы, по крайней мере, против нас самих, при условии, что у нас есть достаточно хорошо организованная система обороны, должен быть относительно низким. Фактически, он должен быть принят в процентном соотношении, которое находится в пределах того, что мы легко поддерживали в прошлом. Таким образом, есть основания полагать, что пока рассматриваемое предположение не соответствует действительности, реальная уязвимость морской торговли не прямо, а обратно пропорциональна ее объему. Другими словами, чем больше объем, тем сложнее добиться эффективного процентного показателя.

Аналогичным образом, следует отметить, что нагрузка на торговую защиту была пропорциональна не объему этой торговли, а количеству и открытости ее терминалов и координационных центров. Каким бы ни был объем торговли, их количество оставалось неизменным, и количество сил, необходимых для их защиты, менялось только в зависимости от силы, которую можно было легко пустить в ход против них. Она менялась в зависимости от распределения баз противника и численности его военно-морских сил. Таким образом, в войне 1812 года с Соединенными Штатами Вест-Индия и Северная Америка были гораздо более уязвимы, чем когда мы воевали только с Францией и когда американские порты не были открыты для нее в качестве баз. Они стали уязвимы не только для флота Соединенных Штатов, но и в гораздо большей степени для флота Франции, и, следовательно, силы, которые мы сочли необходимым выделить для защиты торговли в Северной Атлантике, были непропорциональны

военно-морской мощи новой воюющей стороны. Наши защитные силы пришлось значительно увеличить, в то время как объем нашей торговли остался точно таким же.

Такое отношение защиты торговли к конечным и фокусным районам имеет большое значение, поскольку именно в увеличении таких территорий на Дальнем Востоке заключается единственное радикальное изменение проблемы. Восточно-Индийские моря, конечно, всегда в какой-то степени рассматривались как защищаемый район, но проблема упрощалась частичным сохранением в этих регионах старого метода обороны. Примерно до конца семнадцатого века предполагалось, что торговля на большие расстояния будет защищаться сама по себе, по крайней мере, за пределами родной территории, и сохранение ост-индцами своего вооружения было последним пережитком этой практики. За пределами важного центрального района острова Святой Елены они полагались главным образом на свои собственные силы сопротивления или на такой эскорт, который могли предоставить корабли помощи ост-индской базы. Как правило, их эскорт отправлялся не дальше острова Святой Елены, откуда возвращался вместе с направляющимися домой судами, которые собирались там из Индии, Китая и китобойных угодий Южного моря. Идея системы состояла в том, чтобы обеспечить сопровождение на той части великого маршрута, которая подвергалась нападению с французских или испанских колониальных баз на африканском побережье и на прилегающих островах.

По очевидным причинам в будущем эту систему придется пересмотреть. Экспансия великих европейских держав изменила условия, для которых ее было достаточно, и в войну любой из них система защищаемых конечных и центральных районов потребовала бы значительного расширения на восток, поглощая значительную часть наших сил и влекла за собой сравнительно слабое продление нашей цепи сосредоточения. Таким образом, здесь мы должны отметить момент, когда защита торговли усложнилась, и есть еще один.

Хотя небольшие вражеские базы в пределах защищаемого района утратили большую часть своей угрозы для торговли, в качестве баз торпедоносцев они приобрели способность нарушать саму оборону. Пока существуют такие базы с мощной флотилией внутри них, очевидно, что фактическое обеспечение обороны не может быть таким простым делом, как это было раньше. Возможно, придется принять другие, более сложные меры. Тем не менее, принцип защищаемых районов, по-видимому, остается непоколебимым, и если мы хотим, чтобы он работал с прежней эффективностью, средства и расположение для обеспечения безопасности этих районов должны быть адаптированы к новым тактическим возможностям. Старые стратегические условия, насколько можно судить, остались неизменными, за исключением того, что реакция на современные материалы заставляет их говорить в пользу обороны, а не нападения.

Если мы захотим сформулировать принципы, на которых основывается этот вывод, мы найдем их в двух общих правилах, во-первых, что уязвимость торговли обратно пропорциональна ее объему, и, во-вторых, что возможность нападения означает возможность защиты. Последнее, которое всегда было верным, получает особое значение в современных разработках. Легкость атаки означает способность осуществлять контроль. Для осуществления контроля нам требуется не только численность, но также скорость и выносливость, качества, которые могут быть получены только двумя способами: это должно быть за счет доспехов и вооружения или за счет увеличения габаритов. Увеличивая численность, мы сразу теряем численность. Если,

жертвует вооружением и броней, мы стремимся сохранить численность и таким образом облегчить атаку, мы в то же время облегчаем оборону. Судя с низкой боевой мощью действительно не могут надеяться действовать в плодородных районах без поддержки, способной преодолеть оборону. Каждый мощный блок, отсоединенный для такой поддержки, освобождает блок с другой стороны, и когда этот процесс однажды начат, места для остановки уже нет. Вспомогательные подразделения, чтобы быть эффективными, должны размножаться в эскадрильи, и рано или поздно низшая Держава, стремящаяся заменить столкновение эскадрильей разрушением торговли, обрушит на себя эскадронную войну, при условии, что опять же превосходящая Держава примет разумно продуманную систему защиты. Так было всегда, и, насколько возможно проникнуть сквозь туман, который окутывает будущее, казалось бы, что при более высокой мобильности и более совершенных средствах связи стадия эскадрильи должна быть достигнута задолго до того, как спорадические действия торговых эсминцев смогут произвести какое-либо адекватное процентное впечатление. Поскольку такая война всегда была неэффективной в прошлом, до тех пор, пока не было создано главное командование, ее перспективы в будущем, если судить по старым устоявшимся принципам, менее обнадеживающие, чем когда-либо.

Наконец, при подходе к проблеме торговой защиты, и особенно при фактическом определении силы и распределения, которых она требует, необходимо иметь в виду доминирующее ограничение. Никакими мыслимыми средствами невозможно обеспечить абсолютную защиту торговли. Мы не можем приготовить омлет, не разбив яиц. Мы не можем вести войну, не потеряв корабли. Стремиться к такому уровню военно-морской мощи или стратегическому распределению, которое сделало бы нашу торговлю абсолютно неуязвимой, - значит идти к экономическому краху. Это означает подорвать нашу способность вести войну до успешного исхода и стремиться к позиции морского деспотизма, которая, даже если бы она была достижима, настроила бы против нас всех мужчин. Все эти беды обрушились бы на нас, а наша цель все еще была бы где-то далеко. В 1870 году вторая военно-морская держава в мире находилась в состоянии войны с врагом, которого вообще нельзя было считать военно-морской державой, и все же она теряла корабли из-за захвата. Никогда во времена нашего самого полного господства на морях наша торговля не была неуязвимой, и этого никогда не может быть. Стремиться к неуязвимости - значит впасть в стратегический порок стремления к превосходству повсюду, отказываться от достижения существенного из страха рисковать несущественным, основывать свои планы на предположении, что войну можно вести без потерь, что это, короче говоря, нечто такое, чего никогда не было и быть не может. От таких миролюбивых мечтаний следует решительно отказаться. Нашим стандартом должна быть экономическая мощь — линия, которая, с одной стороны, позволит нам подпитывать наши финансовые ресурсы на случай наступления злого дня, а с другой, когда этот день наступит, лишит врага возможности подорвать нашу финансовую мощь, в достаточной степени ограничив поток нашей торговли.

III. НАПАДЕНИЕ, ЗАЩИТА И ПОДДЕРЖКА ВОЕННЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Нападение и защита в зарубежных экспедициях в значительной степени определяются принципами нападения и защиты в торговле. В обоих случаях речь идет о контроле над коммуникациями, и в общем виде можно сказать, что если мы контролируем их для одной цели,

то мы контролируем их и для другой. Но в комбинированных экспедициях свобода прохода - не единственное соображение. Обязанности флота не заканчиваются защитой войск во время транзита, как в случае с конвоями, если только, как и в случае с конвоями, пунктом назначения не является дружественная страна. В обычном случае враждебного назначения, когда с начала операций следует ожидать сопротивления, на флот возлагаются дополнительные обязанности самого строгого характера. В целом их можно охарактеризовать как обязанности по оказанию поддержки, и именно введение этих обязанностей наиболее резко отличает военно-морские мероприятия для совместных операций от мероприятий по защите торговли. За исключением этого соображения, не должно быть никакой разницы в методе защиты. В каждом случае требуемая сила будет определяться опасностью вмешательства при транспортировке. Но в нынешнем виде этот стандарт не подходит для комбинированных экспедиций; какими бы незначительными ни были эти риски, меры защиты должны быть достаточно обширными, чтобы включать меры поддержки.

Прежде чем заняться этим, наиболее сложным аспектом вопроса, было бы неплохо отмахнуться от нападков. Со стратегической точки зрения его принципы несколько не отличаются от тех, которые уже были заложены для активного сопротивления вторжению. Независимо от того, будет ли экспедиция, угрожающая нам, небольшой или она будет иметь силу вторжения, основным правилом всегда было то, что основной целью флота должны быть транспорты, а не эскорт. Сопровождение, согласно старой практике, должно быть развернуто или сдержано, но никогда не рассматривалось как основная цель, за исключением случаев, когда и поворот, и сдерживание оказываются невыполнимыми. Нет необходимости повторять слова старых мастеров, в которых забальзамирован этот принцип. Редко можно встретить правило военно-морской стратегии, изложенное в точных технических терминах, но это - исключение. В старых командных инструкциях фраза "Транспорты противника должны быть вашей главной целью" стала чем-то вроде общепринятой формы.

Это правило также не применялось только к случаям, когда транспортные средства охранялись простым эскортом. Она действовала даже в исключительных случаях, когда вооруженные силы сопровождалась или охранялись всей имеющейся боевой мощью противника. Мы видели, как в 1744 году Норрис был готов при необходимости следовать за французскими транспортом со всеми своими силами, и как в 1798 году Нельсон организовал свой флот таким образом, чтобы сдерживать, а не уничтожать боевую эскадру противника, чтобы он мог обеспечить сокрушительную атаку на транспорты.

Из этого, как и из всех стратегических правил, могут быть сделаны исключения. Могли бы сложиться условия, при которых, если бы линейный флот противника сопровождал его транспорты, нам стоило бы, ради наших собственных скрытых целей, рискнуть ускользнуть с транспортом, чтобы воспользоваться возможностью уничтожить флот. Но даже в таком случае различие было бы не более чем академическим, поскольку наш наилучший шанс получить решающее тактическое преимущество над флотом противника обычно состоял бы в том, чтобы заставить его подчиняться нашим движениям, угрожая атакой транспортам. Хорошо известно, что именно в затруднении, возникающем из-за присутствия транспортов, кроется особая слабость флота, отвечающего за них.

Однако есть одно условие, которое радикально отличает сравнительно небольшие экспедиции от крупных вторжений, и это сила уклонения. Наш опыт неоспоримо доказал, что военно-

морской флот в одиночку не может гарантировать защиту от подобных экспедиций. Он не может быть уверен в том, что предотвратит их отплытие или нападет на них в пути, и это особенно в том случае, когда открытое море дает им свободный выбор маршрута, как в случае французских экспедиций против Ирландии. Именно по этой причине, хотя адекватного военно-морского флота всегда оказывалось достаточно для предотвращения вторжения, для защиты от экспедиций он должен быть дополнен армией крайовой. Чтобы усовершенствовать нашу оборону, или, другими словами, нашу атакующую мощь, такая армия должна быть достаточной, чтобы гарантировать, что все экспедиции, достаточно малые, чтобы ускользнуть от флота, не нанесут существенного вреда при высадке. Если численность, подготовка, организация и распределение войск достаточны для этой цели, враг не может надеяться повлиять на исход войны, кроме как увеличив численность своих экспедиций до уровня вторжения и, таким образом, оказавшись вовлеченным в проблему, которую еще никто не решал в условиях необитаемого моря.

Тем не менее, даже для экспедиций с численностью ниже, чем у вторжения, флот будет рассматривать армию только как вторую линию, и его стратегия должна предусматривать в случае уклонения сотрудничество с этой линией. Посредством справедливого распределения своей прибрежной флотилии он обеспечит установление контакта с экспедицией в самый ранний момент после объявления пункта ее назначения. Это доведет принцип достижения армией своей цели до предела с помощью самого мощного и энергичного крейсерского преследования, а с беспроводной связью и увеличенным коэффициентом крейсерской скорости такое преследование становится гораздо более грозным, чем когда-либо. Ни одна экспедиция в наши дни, каким бы успешным ни было ее уклонение, не может быть гарантирована от вмешательства флота в процесс высадки. Еще в меньшей степени она может быть гарантирована от военно-морского вмешательства в ее тыл или фланги, пока она защищает свой фронт от армии крайовой. Он может попытаться использовать большие транспортные средства, чтобы уменьшить их количество и обеспечить более высокую скорость, но, хотя это повысит его шансы на уклонение, это продлит критический период приземления. Если он попытается ускорить высадку с помощью небольших транспортов, это уменьшит его шансы на уклонение за счет снижения скорости и расширения морского пространства, которое он будет занимать при переходе. Фактически, все современные разработки, обеспечивающие защиту в случае вторжения в открытом море, также способствуют своевременному контакту с экспедицией, стремящейся действовать методом уклонения. Также нельзя забывать, поскольку проблема носит комплексный характер, что соответствующие события на берегу с несколько меньшей силой свидетельствуют в пользу обороняющейся армии. Таковы, по-видимому, общие принципы, которые управляют попытками противника действовать объединенными экспедициями в наших собственных водах, где, по гипотезе, мы располагаем достаточной военно-морской мощью, чтобы отказать ему в постоянном командовании на месте. Теперь мы можем обратиться к более широкому и сложному вопросу о проведении таких экспедиций, когда военно-морские условия меняются на противоположные.

Под поведением, следует помнить, мы подразумеваем не только их защиту, но и их поддержку, и по этой причине отправную точку нашего исследования следует искать, как указано выше, в противопоставлении комбинированных экспедиций конвоям. Конвой состоит из двух элементов — флота торговых судов и эскорта. Но объединенная экспедиция состоит не просто из армии и эскадры. Это организм одновременно более сложный и более однородный. Его структура состоит из четырех частей. Есть, во-первых, армия; во-вторых, транспортно-десантная

флотилия, то есть флотилия плоскодонок и пароходов для их буксировки, все из которых могут перевозиться на транспортах или сопровождать их; в-третьих, "эскадрилья, отвечающая за транспорты", как ее стали называть, которая включает собственно эскорт и вспомогательную флотилию более легких судов для работы на берегу; и, наконец, "эскадрилью прикрытия".

Такова, по крайней мере, объединенная экспедиция в логическом анализе. Но по сути это единый организм, что на практике эти различные элементы редко удается четко разграничить. Они могут быть переплетены самым замысловатым образом. Действительно, в большей или меньшей степени каждому из них всегда придется выполнять некоторые функции других. Таким образом, прикрывающая эскадрилья может не только быть неотличима от эскорта и поддержки, но и часто обеспечивать большую часть высаживающейся флотилии и даже часть сил высадки. Аналогичным образом, эскорт может также служить транспортом и частично обеспечивать не только силы поддержки, но и десантную флотилию. Таким образом, четырехстороннее построение в значительной степени теоретическое. Тем не менее, его использование заключается не только в том, что он служит для определения разнообразных функций, которые флот должен будет выполнять. По мере продвижения мы увидим, что он имеет практическое стратегическое значение.

С военно-морской точки зрения именно эскадра прикрытия требует рассмотрения в первую очередь из-за того, что ее необходимость подчеркивает не только различие между проведением объединенных экспедиций и проводкой коммерческих конвоев, но и тот факт, что такие экспедиции на самом деле представляют собой объединенные силы, а не просто армию в сопровождении флота.

В нашей системе защиты торговли прикрывающей эскадрилье не было места. Боевой флот, как мы видели, использовался для удержания определенных конечных районов и не имел органической связи с конвоями. У автоколонн не было никакой дополнительной защиты, кроме их собственного эскорта и подкрепления, которое встречало их по мере приближения к терминалам. Но там, где конвой транспортов, составляющий часть объединенной экспедиции, направлялся в страну противника и должен был преодолевать сопротивление настоящими объединенными операциями, всегда предоставлялась боевая эскадрилья прикрытия. В случае отдаленных целей могло случиться так, что эскадрилья прикрытия не была придана до тех пор, пока вся экспедиция не соберется на театре военных действий; во время перехода к этому театру транспорты могли сопровождаться только охраной торговли. Но как только операции начинались с точки сосредоточения, эскадрилья прикрытия всегда была на связи.

Только в тех случаях, когда пунктом назначения войск была дружественная страна, а линия прохода была хорошо защищена нашими постоянными блокадными заграждениями, можно было вообще обойтись без эскадрильи прикрытия. Таким образом, к нашим различным экспедициям на помощь Португалии относились точно так же, как к коммерческим конвоям, но в таких случаях, как экспедиция Вулфа в Квебек или Амхерста в Луисбург, или даже к любым из тех, которые постоянно предпринимались против Вест-Индии, боевая эскадра всегда предоставлялась в качестве неотъемлемой части на театре военных действий. Наши действия во время Крымской войны точно иллюстрируют эту мысль. Сначала наши войска были направлены для высадки в Галлиполи на дружественной территории и действий на этой территории в качестве наблюдательной армии. Это не была настоящая объединенная экспедиция, и транспортам не была придана эскадрилья прикрытия. Их переход был в

достаточной степени прикрыт нашим флотом Ла-Манша и Средиземноморья, занявшим выходы из Балтийского и Черного морей. Но как только первоначальный план войны оказался неэффективным и было принято решение о проведении комбинированных наступательных операций против Севастополя, средиземноморский флот утратил свой независимый характер, и с этого момента его первостепенной функцией стало обеспечение прикрытия эскадры, поддерживающей связь с войсками.

Учитывая, насколько важны вспомогательные функции таких сил, термин "эскадрилья прикрытия" может показаться неподходящим для их описания. Но он принят по двум причинам. Во-первых, это был тот, кто официально состоял у нас на службе в последнем упомянутом случае, который был нашей последней большой объединенной экспедицией. При подготовке высадки в Крыму сэр Эдмунд Лайонс, исполнявший обязанности начальника штаба сэра Джеймса Дандаса и отвечавший за объединенные операции, организовал флот в "Эскадрилью прикрытия" и "Эскадрилью, отвечающую за транспорты". Во-вторых, обозначение служит для того, чтобы подчеркнуть, в чем заключается его основная функция. Как бы ни было важно помнить о своих обязанностях по обеспечению, нельзя допустить, чтобы они затмевали тот факт, что его первостепенной функцией является предотвращение вмешательства в реальные совместные операции, то есть в высадку, поддержку и снабжение армии. Таким образом, в 1705 году, когда Шовель и Питерборо действовали против Барселоны, Шовель прикрывал десантную осаду французской эскадры в Тулоне. Питерборо потребовалась помощь морских пехотинцев на берегу, чтобы совершить *главный удар*, и Шовель согласился высадить их только при четком понимании того, что в тот момент, когда его крейсера передадут сигнал о выходе тулонской эскадры в море, их придется отозвать на флот, независимо от состояния сухопутных операций. И с этим Питерборо согласился. Как будет видно, задействованный принцип в точности соответствует термину Лайонса "Прикрывающая эскадрилья".

Цитирование чего-либо, произошедшего во время Крымской войны, в качестве прецедента без такой традиционной поддержки вряд ли покажется убедительным. На наш британский лад мы взрастили легенду о том, что с точки зрения организации и штабной работы война была не чем иным, как набором примеров утешения. Но на самом деле, как совместная операция, ее первое движение как по концепции, так и по организации было, пожалуй, самым смелым, блестящим и успешным из всех, что мы когда-либо делали. Поскольку экспедиция была задумана для оказания помощи союзнику в его собственной стране, ее внезапно призвали без какой-либо предварительной подготовки предпринять комбинированную операцию самого сложного рода против территории хорошо предупрежденного врага. Это включало высадку в конце года на открытом и штормовом побережье на расстоянии удара от военно-морской крепости, в которой находилась армия неизвестной силы и флот, ненамного уступающий в боевой мощи и непобежденный. Это была операция, сравнимая со взятием Луисбурга и высадкой японцев на полуострове Ляотун, но условия были гораздо более сложными. Обе эти операции были отрететированы несколько лет назад, и они долго готовились на основе самых полных знаний. В Крыму все было погружено в темноту; даже пар был недоказанным элементом, и все приходилось импровизировать. Французам пришлось практически демобилизовать свой флот для снабжения транспорта, и это предприятие казалось настолько опасным, что они сопротивлялись его осуществлению всеми военными доводами. На самом деле нам пришлось, помимо всех прочих трудностей, нести на своих спинах невольного союзника. И все же это было достигнуто, и, по крайней мере, в том, что касалось военно-морской части, методы,

позволившие добиться успеха, знаменуют собой кульминацию всего, чему мы научились за три столетия богатого опыта.

Первый из полученных уроков заключался в том, что для операций в море без охраны или с несовершенным управлением необходима эскадрилья прикрытия, отделенная от эскадрильи, отвечающей за транспорты. Его основная функция заключалась в обеспечении необходимого местного командования, будь то для транзита или для проведения реальных операций. Но, как правило, транзит обеспечивался нашими регулярными эскадрильями блокады, и, как правило, эскадрильи прикрытия собирались только на театре военных действий. Таким образом, когда театр военных действий находился в пределах защищаемого района аэродрома, как при наших высадках на северное и атлантическое побережья Франции, тогда эскадрильи обороны аэродрома обычно было достаточно и для защиты самих операций. Таким образом, она автоматически сформировала эскадру прикрытия и либо продолжила свою блокаду, либо, как в случае с нашей атакой на Сен-Мало в 1758 году, заняла позицию между эскадрой противника и линией действий экспедиции. Если, однако, театр военных действий находился не в пределах конечной зоны или лежал в отдаленной зоне, которая слабо удерживалась, экспедиции придавалась собственная эскадрилья прикрытия, в которую более или менее полностью включалась местная эскадрилья. Фактически, все, что было необходимо для обеспечения местного контроля, было сделано, хотя, как мы видели и должны сейчас рассмотреть более подробно, эта необходимость не всегда была стандартом, по которому измерялась численность прикрывающей эскадрильи.

Численность прикрывающей эскадрильи определена, следующий вопрос заключается в позиции или "участке", который она должна занять. Как и большинство других стратегических проблем, это "вариант трудностей". Поскольку эскадра предназначена для поддержки, то есть поддержки со стороны своих людей, лодок и орудий, будет желательно разместить ее как можно ближе к цели; но как эскадра прикрытия, на которую возложена обязанность предотвращать вторжение сил противника, она должна находиться как можно дальше, чтобы вступить в бой с такими силами в самый ранний возможный момент их попытки вмешаться. Существует также первостепенная необходимость в том, чтобы его позиция была такой, чтобы обеспечить благоприятный контакт с противником, если он попытается прервать его. Обычно такую уверенность можно обрести либо при контакте с военно-морской базой противника, либо при контакте с вашими собственными десантными силами. Там, где целью является местная военно-морская база противника, эти две точки, конечно, стратегически, как правило, идентичны, и положение прикрывающей эскадры становится вопросом тактическим, а не стратегическим. Но жизненно важный принцип независимого существования остается в силе, и независимо от того, насколько велика потребность в поддержке, эскадрилья прикрытия никогда не должна быть настолько тесно связана с силами высадки, чтобы быть неспособной высвободиться для действий в качестве чисто военно-морской единицы вовремя для выполнения своей военно-морской функции. Другими словами, она всегда должна быть способна действовать так же, как свободная полевая армия, прикрывающая осаду.

Если целью экспедиции не является местная военно-морская база, выбор позиции для прикрывающей эскадрильи будет зависеть главным образом от объема поддержки, которая, вероятно, потребуется армии. Если она не может действовать врасплох, и, следовательно, следует ожидать серьезного военного сопротивления, или когда береговая оборона слишком сильна, чтобы транспортная эскадра могла ее преодолеть, тогда чаша весов склонится к

позиции, близкой к армейской, хотя степень, в которой в современных условиях корабли в море могут с пользой выполнять деликатную операцию поддержки атаки пехоты ружейным огнем, за исключением обхода позиций противника, еще предстоит доказать. Аналогичный выбор будет указан там, где требуется сильная поддержка людей и лодок, например, когда транспорты и сопровождающая их эскадрилья не могут обеспечить достаточное количество плоскодонок и паровой буксировки; или опять же, когда местность такова, что, вероятно, потребуются десантные операции помимо фактической высадки, и необходима помощь большого количества лодок и моряков, действующих вместе с армией, чтобы придать ей десантную тактическую мобильность, которой в противном случае у нее не было бы. Такие случаи имели место в Квебеке в 1759 году, когда Сондерс повел свою боевую эскадрилью прикрытия прямо вверх по реке Святого Лаврентия, хотя ее функции прикрытия можно было бы выполнять еще лучше, находясь на позиции в нескольких сотнях миль от цели; и снова в 1800 году в Александрии, где лорд Кейт подвергся наибольшему риску для своих функций прикрытия, чтобы обеспечить снабжение армии генерала Аберкромби внутренними водами и обеспечить ему необходимую мобильность.

Если, с другой стороны, транспортная эскадрилья сможет оказать всю необходимую поддержку, эскадрилья прикрытия займет позицию как можно ближе к военно-морской базе противника и там будет действовать в соответствии с обычными законами блокады. Если ничего не желать, кроме как предотвратить вмешательство, его защита примет форму плотной блокады. Но если имеется вспомогательная цель использования экспедиции как средства вытеснения противника в море, будет использована открытая форма; как, например, в приведенном выше случае с Энсоном, когда он прикрывал экспедицию Сен-Мало не путем плотной блокады Бреста, а заняв позицию к востоку от острова Батц.

В японских операциях против Маньчжурии и полуострова Куантун эти старые принципы проявили себя с неослабевающей живучестью. Во время внезапных атак на Сеул и Такусан работа по поддержке была полностью возложена на транспортную эскадру, в то время как адмирал Того занял позицию прикрытия далеко в Порт-Артуре. Две части флота все это время держались порознь. Но в операциях по изоляции и последующей осаде Порт-Артура они были настолько тесно объединены, что часто казались неразличимыми. Тем не менее, насколько позволяла близость места приземления к цели, эти двое действовали независимо. Для фактической высадки Второй армии использовались катера прикрывающей эскадрильи, но она все это время оставалась живой морской единицей и никогда органично не смешивалась с транспортной эскадрой. Ее операции на всем протяжении проходили, насколько позволяли современные условия, на линии тесной блокады. Предотвращение вмешательства было его первостепенной функцией, не нарушаемой, насколько мы можем судить, какой-либо вспомогательной целью - подтолкнуть противника к решительным действиям.

Однако на протяжении всех операций ощущалось новое влияние, которое имело тенденцию искажать точность старых методов. Излишне говорить, что это были торпеда и мина. Их сдерживающее давление было любопытным. В наших собственных операциях против Севастополя, с которыми наиболее близко можно сравнить дело Порт-Артура, старые правила все еще действовали. По традиционному принципу, восходящему к нападению Дрейка на Сан-Доминго в 1585 году, было выбрано место высадки, которое обеспечивало среднее междугосударственным переворотом и свободой от сопротивления; то есть оно было выбрано

в ближайшей практически возможной точке к цели, которая не была защищена батареями и находилась вне досягаемости основной армии противника.

Командуя эскадрой прикрытия, адмирал Дандас, главнокомандующий, возложил на нее двойную функцию. После объяснения состава транспортной эскадрильи он говорит: "Остальная часть моих сил ... будет действовать как эскадрилья прикрытия и, где это практически возможно, окажет помощь в общей высадке". Имея в виду эти две цели, он занял позицию достаточно близко к месту высадки, чтобы поддержать армию своими орудиями, если ей окажут сопротивление, но все еще в поле зрения своих крейсеров перед Севастополем и на таком расстоянии, чтобы при первых признаках движения русских у него было время добраться до порта и вступить с ними в бой до того, как они смогут выйти в море; то есть он занял позицию настолько близко к армии, насколько это было совместимо с предотвращением вмешательства, или, можно сказать, его позиция была настолько близко к базе противника, насколько это было совместимо с поддержкой высадки. С любой точки зрения позиция фактически была одинаковой, и ее выбор не представлял сложности, главным образом благодаря тому, что steam впервые упростил факторы времени и расстояния.

В случае с Японией применить эти принципы было не так-то просто. При выборе ближайшего незащищенного пункта для высадки необходимо было учитывать не только батареи или даже армию в Порт-Артуре, или войска, рассредоточенные на Ляотунском полуострове, но, скорее, как это всегда должно быть в будущем, мины и мобильную торпедную оборону. Местом, которое они выбрали, была ближайшая практически не заминированная бухта. Он не был строго вне зоны действия мобильной обороны, но так случилось, что он располагался за островами, которые позволяли создавать стационарные оборонительные сооружения, и, таким образом, соответствовал всем признанным условиям. Но поскольку оборона могла быть прорвана русским флотом, была необходима прикрывающая эскадра, и трудность выбора позиции для нее осложнялась тем фактом, что целью объединенных операций был не только сам Порт-Артур, но и находящаяся в нем эскадра. Следовательно, было необходимо не только задержать эту эскадру, но и предотвратить ее бегство. Это указывало на тесную блокаду. Но для плотной блокады необходима позиция вне досягаемости ночных торпед, и ближайшая точка, где такая позиция могла быть обеспечена, находилась за оборонительными сооружениями, прикрывавшими высадку. Следовательно, несмотря на то, что диктовали стратегические условия, прикрывающая эскадрилья была более или менее постоянно вынуждена отступать к армии и ее вспомогательным силам, даже когда поддержка боевой эскадрильи больше не требовалась.

В тех условиях, которые существовали, ничего не было потеряно. Линии японской постоянной обороны находились так близко к базе противника, что, минировав вход в порт, адмирал Того гарантировал, что выход противника будет достаточно медленным, чтобы он мог быть уверен в установлении контакта со своей защищаемой якорной стоянкой до того, как русские смогут уйти далеко в море. Что произошло бы в случае, когда такая позиция не могла бы быть обеспечена, - это другой вопрос. Место высадки и база снабжения сухопутных войск должны быть защищены от торпедной атаки, и принцип концентрации усилий предполагает, что средства обороны не должны ослабляться путем предоставления прикрывающей эскадре защищенной якорной стоянки в другом месте. Таким образом, может показаться, что, если географические условия не позволяют эскадрилье прикрытия использовать одну из своих национальных баз, ход последних событий будет заключаться в том, что она будет возвращена армии и, таким образом, будет

иметь тенденцию смешивать ее обязанности с обязанностями транспортной эскадрильи. Отсюда возросшая важность четкого понимания разницы в функциях между двумя эскадрильями.

Чтобы подчеркнуть принцип действия прикрывающей эскадрильи, эти два случая можно сравнить с эпизодом в Лиссе в конце австро-итальянской войны 1866 года. В том случае им полностью пренебрегли, что привело к катастрофическим результатам. Австрийский адмирал Тегетхофф с более слабым флотом по вышестоящему приказу действовал повсюду в обороне и все еще находился в Поле, ожидая возможности контрудара. Персано с превосходящим итальянским флотом находился в Анконе, где он практически господствовал над Адриатикой. В июле итальянцы из-за неудачи армии оказались перед перспективой быть вынужденными заключить мир на невыгодных условиях. Чтобы улучшить положение, Персано было приказано овладеть австрийским островом Лисса. Без каких-либо попыток организовать свой флот по ортодоксальному британскому принципу он приступил к проведению операции всеми своими силами. Практически вся она была задействована в десантных работах, и как только Персано был таким образом привлечен, Тегетхофф вышел в море и застал его врасплох. Персано не смог вовремя выделить достаточные силы, чтобы отразить атаку, и, не имея компактной эскадры, пригодной для самостоятельных морских действий, он был решительно разбит превосходящим по численности противником. Согласно британской практике, это был очевидный случай, когда, если бы операция вообще была предпринята, независимой эскадре прикрытия следовало бы дать указание либо удерживать Тегетхоффа в Поле, либо своевременно привести его в действие, в зависимости от того, был ли остров или австрийский флот основной целью. Причина, по которой это не было сделано, может заключаться в том, что Персано не было предоставлено надлежащих сил высадки, и он, похоже, посчитал, что для успешного захвата цели необходима вся мощь его флота. Если это так, то это лишь еще одно доказательство правила, согласно которому независимо от того, какая поддержка флота может потребоваться для десантных операций, ее никогда не следует оказывать в море с несовершенным командованием до такой степени, чтобы исключить возможность того, что эскадра прикрытия останется свободной для независимых морских действий.

Продолжительность выполнения вспомогательных функций флота всегда будет деликатным вопросом. Предположение о том, что на ее мощь должна влиять потребность армии в людях для флота или его лодок, что подразумевает также и ее людей, покажется еретическим. Мы говорим, что боевая эскадра предназначена для борьбы с боевой эскадрой противника, а ее люди - для борьбы с кораблями, и разум восстает при мысли о том, что численность эскадры определяется какими-либо другими стандартами. Теоретически ничто не может показаться более верным, но это идея мира и учебы. Атмосфера войны породила более широкий и практичный взгляд. Люди старых войн знали, что когда эскадра присоединяется к объединенной экспедиции, это нечто иное, чем чисто военно-морское подразделение. Более того, они знали, что армия, действующая за морем против враждебной территории, представляет собой неполный организм, неспособный нанести свой удар наиболее эффективным образом без помощи людей флота. Таким образом, задачей военно-морской части вооруженных сил была не только защита поражающей части организма, но и восполнение ее недостатков и придание ей силы для нанесения удара. В одиночку и без посторонней помощи армия не может рассчитывать на то, что ей удастся высадиться на берег, она не может обеспечить себя продовольствием, она не может обеспечить свое отступление и не может воспользоваться высшими преимуществами десантных войск - внезапной сменой

базы или операционного направления. Все это флот должен сделать для него, и он должен сделать это со своими людьми.²⁵

Авторитетность этой точки зрения огромна. Например, в 1800 году, когда генералу Мейтленду было поручено организовать экспедицию против Беллайла, ему было предложено указать, какие военно-морские силы ему потребуются. Ему было трудно определить это с точностью. "Однако, говоря в общих чертах, - писал он, - мне кажется, что трех или четырех линейных кораблей и четырех или пяти действующих фрегатов вполне достаточно для предлагаемой службы. Фрегаты к блокаде". (Имеется в виду, конечно, блокада цели и предотвращение подхода к ней подкреплений с материка, что всегда является одной из вспомогательных функций эскадры, приданной транспортам.) "Линейные корабли, - добавляет он, - чтобы обеспечить нас количеством людей, необходимым для наземных операций". В данном случае наши постоянные блокадные эскадрильи обеспечивали прикрытие, и Мейтланд имел в виду, что линкоры, о которых он просил, должны были быть добавлены к транспортной эскадрилье не для сопровождения, а для поддержки. Сент-Винсент, который в то время был первым лордом, не только одобрил его просьбу, но и предоставил ему для высадки на берег на один линейный корабль больше, чем он просил. В то время наше общее господство на море было полностью обеспечено, и у нас было достаточно военно-морских сил, чтобы использовать их для учений. Будет полезно сравнить это со случаем, в котором обстоятельства были иными.

Когда в 1795 году готовилась экспедиция в Вест-Индию под командованием адмирала Кристиана и генерала Аберкромби, адмирал совместно с Джервисом составили меморандум о требуемых военно-морских силах.²⁶ Сила, о которой он просил, была значительной. И он, и Джервис считали, что эскорт и местное прикрытие должны быть очень сильными, потому что было невозможно рассчитывать на эффективное закрытие Бреста или Тулона блокадой. Но это была не единственная причина. План операций предусматривал три отдельные высадки, и для каждой потребовалось бы по меньшей мере два линейных корабля, а возможно, и три, "не только в качестве защиты, но и как средство, с помощью которого должны быть укомплектованы экипажи плоскодонок, высажены пушки и выполнены другие необходимые работы по переутомлению". Кристиану также потребовались необходимые фрегаты и три или четыре брига "для прикрытия [то есть поддержки] операций небольших судов [то есть десантных флотилий, выполняющих береговые работы]". Для главного удара потребовалось бы по меньшей мере четыре линейных корабля и семь фрегатов, а также пропорционально распределенные брига и шхуны. По его мнению, линейные корабли [фрегаты, которые "используются иным образом"] должны были бы предоставить десантные группы численностью 2000 человек "для плоскодонок, высадки и перемещения орудий, воды и провизии", и это было бы их повседневной задачей. Военная сила, которую должны были обслуживать эти десантные группы, составляла около 18 000 человек.

Следует сказать, что лорд Бархэм, который в качестве сэра Чарльза Миддлтона был тогда первым морским лордом, возражал против требований как чрезмерных, особенно в отношении сильного эскорта, поскольку считал, что транзит может быть обеспечен особой бдительностью со стороны постоянных блокирующих эскадр. Необходимость высадки больших групп на берег он, по-видимому, проигнорировал. Его мнение, однако, не совсем убедительно, поскольку с самого начала он занял антагонистическую позицию по отношению ко всей идее экспедиции. Он считал политику, которая это диктовала, радикально несостоятельной и, естественно, стремился ограничить силы, которые должны были быть потрачены на это. Его оппозиция

основывалась на широких и дальновидных принципах, которые были характерны для его стратегии. Он считал, что ввиду угрожающего отношения Испании правильным курсом было бы организовать военно-морской флот таким образом, чтобы довести его до уровня двух держав в предстоящей борьбе и сохранить его сосредоточенным для решающих военно-морских действий в тот момент, когда Испания покажет свои силы. Короче говоря, он решительно осудил политику, которая влекла за собой серьезное распыление военно-морских сил на второстепенные цели до того, как было обеспечено реальное господство на море. На самом деле именно приготовления к этой экспедиции вынудили его уйти в отставку до того, как приготовления были завершены. Но следует отметить, что его возражения против этого плана на самом деле были вызваны не принципом его организации, а тем, что у нас недостаточно сил, чтобы оказать ему адекватную морскую поддержку без ущерба для более высокого рассмотрения всей нашей позиции на море.²⁷

Очевидно, что вышеприведенные соображения, помимо уже отмеченных стратегических реакций, будут иметь еще одно первостепенное значение, поскольку они должны повлиять на выбор места высадки. Интерес армии всегда будет заключаться в том, чтобы закрепить его как можно ближе к цели, насколько это совместимо с высадкой без сопротивления. Идеальным был марш-бросок за одну ночь, но этого редко удавалось достичь, за исключением очень небольших экспедиций, которые могли быстро высадиться на закате дня и продвигаться в темноте. В более крупных экспедициях цель состояла в том, чтобы произвести высадку достаточно далеко от цели, чтобы помешать гарнизону этого места или местным силам противника оказать сопротивление до того, как будет обеспечен плацдарм. Военно-морской флот обычно стремится в противоположном направлении; поскольку обычно, чем дальше они могут высадить армию от сил противника, тем больше они уверены в том, что смогут защитить ее от морского вмешательства. Их идеальным местом будет место, достаточно удаленное, чтобы быть вне досягаемости торпед и дать им возможность действовать прикрывающей и транспортной эскадрильям в условиях надежной стратегической независимости.

Чтобы свести эти расхождения к средству эффективности, необходим своего рода объединенный штаб, и для обеспечения его бесперебойной работы не менее желательно установить, насколько это возможно, принципы и метод, на основе которых он должен действовать. В лучших недавних прецедентах процесс заключался в том, что армейский штаб представлял границы береговой линии, в пределах которой должна произойти высадка, чтобы операция имела желаемый эффект, и указывал известные практически осуществимые пункты высадки в том порядке, в каком они предпочли бы их видеть. Затем военно-морской штаб должен будет сказать, насколько близко к взглядам армии они готовы действовать. Их решение будет зависеть от трудностей защиты и основных особенностей места высадки с точки зрения погоды, течений, пляжа и т.п., А также, во второстепенной мере, от того, в какой степени рельеф побережья позволит оказывать тактическую поддержку ружейным огнем и ложными маневрами. Если штаб Военно-морских сил не желает соглашаться с пунктом или пунктами, которых их коллеги желают больше всего, ставится вопрос о балансе рисков, который должен скорректировать вышестоящий Объединенный штаб. В обязанности штаба ВМС будет входить откровенно и четко изложить все морские риски, которые влечет за собой предложение армии, и, по возможности, предложить альтернативу, с помощью которой риск военно-морского вмешательства может быть уменьшен, не возлагая слишком тяжелого бремени на армию. Сопоставляя эти риски с теми, которые заявлены армией, вышестоящий штаб должен решить, какой линии следует придерживаться, и затем каждая служба сделает все возможное, чтобы

свести к минимуму трудности, с которыми ей приходится сталкиваться. Склонится ли вышестоящий штаб к военно-морской или военной точке зрения, будет зависеть от того, с моря или с суши может возникнуть большая опасность.

Там, где военно-морские условия достаточно хорошо известны, направление операций может быть определено таким образом с большой точностью. Но если, как это обычно бывает, вероятные действия противника на море не могут быть предсказаны с достаточной приблизительностью, то, предполагая серьезную возможность военно-морского вмешательства, окончательный выбор в пределах ограниченного района должен быть оставлен за адмиралом. Практика заключалась в том, чтобы давать ему инструкции, которые определяют в порядке заслуг те баллы, которые желает получить армия, и предписывают ему выбрать тот, который в данных обстоятельствах, как он их находит, он считает в пределах разумного риска войны. Аналогичным образом, если опасность военно-морского вмешательства невелика, а местные условия на берегу недостаточно известны, окончательный выбор будет за генералом, при условии только практических возможностей выбранного им места высадки.

В лучший период наших старых войн редко возникало каких-либо трудностей с тем, чтобы наладить бесперебойную работу на этих направлениях. После первой бесславной неудачи при Рошфоре в 1757 году существовала практика, когда допускалась такого рода осмотрительность, когда два главнокомандующих производили совместную береговую разведку на одном судне и мирно улаживали вопрос на месте.

С тех пор проведение наших совместных операций всегда строилось исходя из этих принципов. Со времен Питта-старшего у нас никогда не было практики отдавать объединенные экспедиции под командование военно-морского или военного главнокомандующего и позволять ему выбирать между военно-морскими и военными потребностями. Опасность возможных трений между двумя главнокомандующими стала рассматриваться как незначительная по сравнению с опасностью того, что один из них допустит ошибки из-за незнания ограничений службы, к которой он не принадлежит.

Система обычно работала хорошо, даже когда возникали вопросы, которые, по сути, были вопросами к объединенному вышестоящему персоналу. Исключений действительно очень мало. Прекрасный пример того, как подобные трудности могут быть разрешены, когда есть желание, произошел в Крыму. Военно-морские трудности, как мы уже видели, были настолько велики, насколько это было возможно, если не считать того, что вся эта попытка была доведена до безумия. Когда дело дошло до казни, был проведен совместный военный совет, на котором присутствовали штабы союзных войск обеих стран. Столь велики были расхождения во мнениях между французским и британским генералами и столь несовершенно была известна местность, что они не могли сколь-нибудь точно указать место высадки. Все, что адмиралы знали, это то, что это должно быть на открытом побережье, которое они не смогли разведать, где погода могла в любой момент прервать сообщение с берегом, и где они могли подвергнуться нападению силами, которые, пока их собственные корабли не будут очищены от войск, не будут уступать. Все эти возражения они изложили Генеральному совету. Затем лорд Раглан сказал, что армия теперь прекрасно понимает риск и готова на него пойти. На что адмиралы союзников ответили, что они готовы действовать и сделать все возможное, чтобы высадить армию на берег и поддержать ее в любой точке, которая будет выбрана.

Остается форма поддержки, которая еще не рассматривалась, и это отвлекающие движения или финты флота, направленные на отвлечение внимания противника от места высадки. Естественно, это будет функцией прикрывающей боевой эскадры или сопровождающих ее крейсеров и флотилий. Это устройство фигурирует в нападении Дрейка на Сан-Доминго в 1585 году, нападении, которое можно рассматривать как наш самый ранний прецедент в наше время и как образец, которому соответствовали все последующие операции подобного рода, насколько позволяли обстоятельства. В этом случае, в то время как Дрейк высадил войска в ночном переходе от этого места, основная часть флота двинулась перед ним, держала его в тревоге всю ночь, а на рассвете продемонстрировала с помощью лодок высадку прямой наводкой под прикрытием своих орудий. В результате гарнизон выдвинулся навстречу угрозе и был застигнут врасплох настоящим десантом с фланга. Переходя от этого простого случая к самому сложному в наших анналах, мы обнаруживаем, что Сондерс делает то же самое в Квебеке. Готовясь к ночной высадке Вулфа, он продемонстрировал приготовления к бомбардировке позиций Монкальма под городом, а утром с помощью катеров флота начал демонстрацию высадки своих морских пехотинцев. С помощью этого устройства он удерживал Монкальма подальше от места приземления Вулфа до тех пор, пока не была получена надежная опора. Аналогичные демонстрации были проведены над городом, и общим результатом стало то, что Вулф смог беспрепятственно проникнуть в центр французской позиции.

Такая работа, конечно, относится к области тактики, а не стратегии, но устройство использовалось с таким же эффектом и в стратегическом плане. Скрытность, а также мобильность десантных войск настолько велики, что противнику чрезвычайно трудно отличить настоящую атаку от ложного маневра. Даже в последний момент, когда высадка действительно происходит, защитники не могут сказать, что все войска высаживаются в одной точке, если демонстрация проходит в другом месте. В Квебеке, только когда Монкальм оказался лицом к лицу с Вульфом, он понял, что ему придется иметь дело со всеми британскими войсками. Еще в меньшей степени со стратегической точки зрения мы можем быть уверены, представляет ли собой конкретная высадка авангард или это отвлекающая операция для маскировки более крупной высадки в другом месте. Это представляет особую трудность, когда в случае крупных операций десантная армия прибывает эшелонами, как Вторая японская армия. В этом случае морской маневр был использован стратегически и, по-видимому, с заметным эффектом. Русские всегда опасались, что японцы нанесут удар по Ньючуангу в устье залива Пе-чи-ли, и по этой причине генералу Штакельбергу, командовавшему войсками на полуострове, не разрешили сконцентрироваться для эффективных действий в его южной части, где японцы наметили место высадки. Адмирал Того, несмотря на нагрузку на свой флот при осуществлении и обеспечении высадки сухопутных войск, выделил эскадру крейсеров для демонстрации в Персидском заливе. Точный эффект этого финта на российский персонал не может быть измерен с уверенностью. Все, что мы знаем, это то, что Штакельберга так долго сдерживали от сосредоточения, что он не смог нанести удар по японской армии до того, как она вышла на поле боя, и смог нанести ей ошеломляющий контрудар.

Эта способность беспокоить противника ложными маневрами, конечно, присуща особым атрибутам объединенных экспедиций, легкости, с которой их направление действий может быть скрыто или изменено, и, кажется, нет причин, по которым в будущем оно должно быть меньше, чем в прошлом. Хорошее железнодорожное сообщение на театре спуска, конечно, уменьшит эффект финтов, но, с другой стороны, средства их выполнения увеличились. На минно-тральных судах, например, есть новое орудие, которое в русско-японской войне доказало свою

способность производить очень сильное впечатление при небольших затратах для флота. Если флотилия таких судов появится в любой практически возможной части побережья, находящегося под угрозой, и устроит демонстрацию его зачистки, игнорировать демонстрацию будет почти морально невозможно.

Таким образом, в целом, при условии соблюдения старых методов, может показаться, что при разумном военно-морском перевесе возможности проведения таких операций в открытом море не меньше, чем это было до сих пор. Скорость и точность паровой тяги, возможно, делают эту мощность более высокой, чем когда-либо. В любом случае, было бы трудно найти в прошлом параллель блестящему наступлению на Сеул, которым японцы начали войну в 1904 году. Это правда, что русские в последний момент решили по политическим причинам разрешить оккупацию без сопротивления, но японцам это было неизвестно, и их меры были приняты исходя из предположения, что их противник воспользуется имеющимися в его распоряжении мощными средствами, чтобы воспрепятствовать операции. Риск был принят, умело измерен и адекватно обеспечен на принципах, идентичных принципам британской традиции. Но, с другой стороны, не было ничего, что указывало бы на то, что там, где противник имеет действующее господство на море, опасность таких предприятий была бы снижена. Против действующего противника, контролирующего линию прохода, хорошо испытанные методы прикрытия и защиты морской экспедиции сегодня будут работать не больше, чем в прошлом. Пока его власть не будет сломлена чисто морскими действиями, совместная работа остается за пределами любого законного риска войны.

ПРИЛОЖЕНИЕ

"ЗЕЛЕНАЯ БРОШЮРА"

КУРС НА ВОЙНУ

Стратегические термины и определения , используемые в лекциях по
военно - морской истории

ДЖУЛИАН С. КОРБЕТТ, ЭСКВАЙР, Л.Л.М.

ВОЕННО-МОРСКАЯ СТРАТЕГИЯ

Вступительное слово.

Военно-морская стратегия не существует как отдельная отрасль знаний. Это всего лишь раздел раздела военного искусства.

Курс обучения офицеров - "Военное искусство", специализация - военно-морская стратегия.

Следовательно, истинный метод ведения войны состоит в том, чтобы овладеть общей теорией войны и таким образом установить точную взаимосвязь военно-морской стратегии с целым.

Теория войны.

Война - это форма политических отношений, продолжение внешней политики, которая начинается, когда для достижения наших целей применяется сила.

Объекты.

Мы добиваемся своих целей, направляя силу на определенные объекты, которые могут быть скрытыми или непосредственными.

Непосредственные объекты (также называемые "Первичными") являются целями определенных операций или движений. Но следует помнить, что каждый первичный объект имеет также и свою скрытую цель; то есть каждую операцию следует рассматривать не только с точки зрения ее особой цели, но и как шаг к завершению кампании или войны.

Стратегия - это искусство направлять силу на достижение поставленных целей.

Классифицируется по объекту: Основная стратегия, имеющая дело со скрытыми объектами; Второстепенная стратегия, имеющая дело с первичными объектами.

Это также означает, что каждую операцию армии или флота следует рассматривать в двойном свете, *т.е.* она должна планироваться и проводиться в связи (1) с общим ходом войны; (2) с целью, на которую она непосредственно направлена.

Основная стратегия.

Основная стратегия (всегда касающаяся скрытой цели) имеет своей областью план войны и включает в себя: (1) Выбор непосредственных или первостепенных объектов, на которые следует нацелиться для достижения скрытой цели; (2) Выбор сил, которые будут использоваться, *т.е.*, она определяет относительные функции военно-морских и вооруженных сил.

ПРИМЕЧАНИЕ.— Основная стратегия в самом широком смысле также предполагает использование всех ресурсов нации для ведения войны. Это отрасль государственной мудрости. Он рассматривает Армию и флот как части одной силы, которыми следует управлять сообща; они являются инструментами войны. Но он также должен постоянно иметь в виду политико-дипломатическую позицию страны (от которой зависит эффективное действие инструмента), а также ее коммерческое и финансовое положение (благодаря которому поддерживается энергия для работы инструмента). Противоречие между этими двумя соображениями присуще войне, и мы называем это отклонением стратегии от политики. Обычно это рассматривается как болезнь. На самом деле это жизненно важный фактор в любой стратегической проблеме. Можно принять за общее правило, что ни один

вопрос о большой стратегии не может быть решен отдельно от дипломатии, и наоборот. Ибо направление действий или цель, которые являются целесообразными с точки зрения стратегии, могут быть воспрепятствованы дипломатическими соображениями, и наоборот. Решать вопрос о большой стратегии без учета ее дипломатического аспекта - значит принимать решение только по половине факторов. Ни стратегия, ни дипломатия никогда не начинаются с чистого листа. Командующие должны воспринимать это взаимодействие как часть неизбежных "трений войны". Хорошим примером является отказ Питта послать флот в Балтийское море для оказания помощи Фридриху Великому во время Семилетней войны из-за боязни поставить под угрозу наши отношения со скандинавскими державами.

Второстепенная стратегия.

Второстепенная стратегия имеет для своей провинции планы операций. Она имеет дело с—

- (1) Выбор "целей", то есть конкретных сил противника или стратегических пунктов, с которыми предстоит иметь дело, чтобы обезопасить объект конкретной операции.
- (2) Руководство силами, выделенными для проведения операции.

Второстепенная стратегия может быть трех видов:—

- (1) Военно-морской, когда непосредственная цель должна быть достигнута только флотом.
- (2) Военный, когда непосредственная цель должна быть достигнута только армией.
- (3) Комбинированный, когда непосредственная цель должна быть достигнута армией и флотом совместно.

ПРИМЕЧАНИЕ.—Будет видно, что то, что обычно называют военно-морской стратегией или стратегией флота, является лишь подразделением раздела стратегии, и что, следовательно, стратегию нельзя изучать только с точки зрения военно-морских операций.

ПРИМЕЧАНИЕ.—Военно-морская стратегия, являясь лишь частью Общей стратегии, подвержена тем же трениям, что и Основная стратегия, хотя и в меньшей степени. Отдельным командирам часто приходится принимать решение независимо от центрального правительства или штаб-квартиры; поэтому они должны всегда иметь в виду возможные скрытые последствия любого направления действий, которое они могут предпринять, стараясь быть уверенными, что то, что является стратегически целесообразным, не является нецелесообразным с дипломатической точки зрения.

ПРИМЕР. — Нападение Боскавена на Де ла Мотта накануне Семилетней войны.

ПРИРОДА ОБЪЕКТА

Характер объекта. Наступательный и оборонительный.

Решение любой стратегической проблемы, будь то Крупная или Второстепенная стратегия, зависит в первую очередь от природы поставленной цели.

Все объекты, скрытые или нет, могут быть положительными или отрицательными.

Позитивный объект - это то место, где мы стремимся утвердить или приобрести что-то для себя.

Негативный объект - это когда мы стремимся отказать врагу в чем-то или помешать ему получить что-то.

Там, где цель позитивна, Стратегия наступательна.

Там, где объект негативен, Стратегия защитная.

ПРИМЕР.—Когда Того атаковал Рожесвенский, его основной целью было наступление, *т.е.* Захватить или уничтожить российский флот. Его скрытой целью было поддержание оборонительной функции, которая была возложена на японский флот.

ПРИМЕЧАНИЯ. — Это хороший пример настоящей обороны; то есть операции Того, хотя и были резко наступательными по своей сути, все были строго в рамках отведенной ему стратегической оборонительной сферы.

[стр. 310]

Отношение наступления к обороне.

Наступление, будучи позитивным по своей цели, естественно, является более эффективной формой войны (*т.е.* оно более непосредственно ведет к окончательному решению) и, как правило, должно приниматься более сильной державой.

Оборона, будучи негативной по своей цели, естественно, является более сильной формой войны; *т.е.* Она требует меньше силы и, как правило, принимается более слабой державой.

ПРИМЕЧАНИЕ. — Общая истинность этого утверждения не зависит от очевидных исключений, когда кажется, что верно обратное.

Наступление не следует путать с Инициативой. При определенных условиях можно перехватить инициативу, заняв оборонительную позицию, с которой противник неизбежно вытеснит нас или откажется от операции.

В большинстве случаев, когда более слабая сторона успешно переходит в наступление, это происходит благодаря тому, что она делает это до завершения мобилизации или сосредоточения противника, в результате чего атакующие силы могут последовательно иметь дело с локально уступающими силами противника.

Преимущества Наступления хорошо известны.

Его недостатками являются:—

- (1) Что он становится слабее по мере продвижения, продлевая свои связи.
- (2) Что это приводит к действиям на незнакомой местности.
- (3) Что это постоянно увеличивает трудности отступления.

Преимущества защиты заключаются главным образом в следующем:—

- (1) Близость к базе.
- (2) Знакомая местность.
- (3) Средство для организации внезапной контратаки.

ПРИМЕЧАНИЕ.—В современной морской войне эти преимущества, то есть преимущества ведения боевых действий на своей территории, особенно велики, поскольку дают больше возможностей для использования мин и торпед.

Недостатки в основном морального характера или когда цель или направление операций противника не могут быть установлены, но этот недостаток может быть нейтрализован, когда есть возможность обеспечить внутреннюю позицию.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАЩИТНИКА.

Настоящая защита означает ожидание шанса нанести удар.

ПРИМЕЧАНИЕ. — Когда голландцы сожгли наши корабли в Чатеме, мы действовали не в обороне, мы заложили их и вообще ничего не делали.

Сила и суть защиты заключается в контрударе.

Хорошо продуманная защита всегда будет угрожать нападению или маскировать его.

Общая оборонительная политика может состоять из серии незначительных наступательных операций.

Принцип таков: если вы недостаточно сильны, чтобы перейти в наступление, переходите к обороне, пока не станете настолько...

(1) Либо побуждая противника ослабить себя атаками или иным образом;

(2) Либо увеличивая свои собственные силы, создавая новые силы или привлекая союзников.

Кроме как в качестве подготовки или прикрытия для наступательных действий, защита редко или вообще никогда не приносит никакой пользы; ибо одной только обороной мы никогда ничего не добьемся, мы можем только помешать добытию врага. Но там, где мы слишком слабы, чтобы перейти в наступление, часто необходимо переходить к обороне и выжидать, ожидая, что время склонит чашу весов в нашу пользу и позволит нам накопить силы, относительно превосходящие силы противника; тогда мы переходим к наступлению, подготовкой к которому была наша оборона.

В качестве прикрытия или поддержки наступления оборона позволит нам усилить атаку; ибо, заняв оборону на одном или нескольких второстепенных театрах военных действий, мы можем свести наши силы на этих театрах к минимуму и максимально сконцентрировать для наступления на самом важном театре.

НАСТУПАТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ С ОБОРОНИТЕЛЬНЫМИ НАМЕРЕНИЯМИ

(А) контратаки.

(Б) Диверсии.

А) *контратаки* - это те, которые наносятся противнику, который выставляет себя напоказ в любом месте театра своих наступательных операций. Именно эта форма атаки составляет то, что Клаузевиц называет "преимуществом внезапности в обороне".

(В) *Диверсии* - это аналогичные операции, проводимые против противника за пределами его театра наступательных операций.

Диверсии предназначены для того, чтобы запутать его стратегию, отвлечь его внимание и отвлечь его силы от главного удара. При правильном планировании они должны отвлекать силы, превосходящие их собственные. Следовательно, они должны быть небольшими. Чем ближе они осознают важность реальной атаки, тем меньше вероятность того, что они отвлекут на себя силы, превосходящие их собственные.

Только их способность отвлекать или сдерживать большую силу, чем их собственная, оправдывает нарушение закона концентрации, которое они влекут.

Эта сила зависит главным образом от внезапности и подвижности, и эти качества наиболее высоко развиваются в совместных экспедициях.

ПРИМЕЧАНИЕ.—*Диверсии* следует тщательно отличать от *эксцентричных атак*. *Эксцентричные атаки* - это настоящие наступательные движения. У них есть позитивная цель, т.е. Они стремятся что-то приобрести у врага; тогда как диверсии имеют негативную цель, т.е. они направлены на то, чтобы помешать врагу что-то сделать или приобрести. Находясь в категории более слабой формы войны, эксцентричные атаки обычно проводятся с большей силой, чем диверсии.

ПРИМЕРЫ.—*Диверсия.*—Наш рейд на Вашингтон в 1815 году. Десантный отряд, около 4000 человек. Объект, согласно официальным инструкциям, "диверсия на побережье Соединенных Штатов Америки в пользу армии, задействованной в обороне Канады"; т.е. Намерение было негативным—превентивно—оборонительным.

2. Эксцентричная атака.— Операции против Нового Орлеана в 1815 году. Предполагаемая численность от 15 000 до 20 000 человек. Цель: "получить командование над амбушюром на Миссисипи и, во-вторых, занять какое-нибудь важное и ценное владение, путем восстановления которого можно было бы улучшить условия мира и т.д."; т.е. намерение было положительным — приобрести. Сравните экспедицию Рошфора (диверсия) и Беллайла (эксцентричная атака) во время Семилетней войны.

Примечание 2. Это различие дает тройственную классификацию объединенных экспедиций, использовавшуюся елизаветинскими стратегами.

Рейды = Диверсии.

Вторжения = Эксцентричные атаки.

Вторжения = Истинное прямое оскорбление.

Сравните их с классификацией сэра Джона Ардага (Отчет Королевской комиссии по резервным силам, 1904):—

"Рейды" численностью не более 10 000 человек.

"Небольшие экспедиции" численностью не более 50 000 человек.

"Опасное вторжение" численностью не более 150 000 человек.

ПРИРОДА СКРЫТОГО ОБЪЕКТА

Ограниченные и неограниченные войны.

Исходя из природы скрытой цели, мы получаем важную классификацию войн в зависимости от того, является ли такая цель *ограниченной* или *неограниченной*.

(1) Война с *ограниченной целью* ("ограниченная война") - это когда мы просто стремимся отнять у врага какую-то определенную часть его имущества или интересов; *например*, испано-американская война, целью которой было освобождение Кубы.

(2) Война с *неограниченной целью* - это когда мы стремимся полностью сокрушить врага, чтобы спасти себя от уничтожения, он должен согласиться выполнять нашу волю (стать подчиненным); *например*, франко-германская война.

ПРИМЕЧАНИЕ.—Скрытые объекты не обязательно совпадают по своей природе с непосредственными (первичными или вторичными) объектами, которые ведут к ним; *например*, скрытые объекты могут быть наступательными, в то время как один или несколько непосредственных объектов могут быть защитными, и *наоборот*.

ПРИМЕР 1.—Позиция Японии в конце войны. Скрытая цель войны (изгнать русских из Маньчжурии) была наступательной (позитивной). Функция или скрытая цель флота (прикрытие вторжения) была оборонительной (негативной). Его основной целью для осуществления этого была атака и уничтожение военно-морских сил России. Это было оскорбительно (позитивно).

ПРИМЕР 2.—В испано-американской войне скрытой целью войны (для американцев) было изгнание испанского правительства с Кубы. Это было оскорбительно. Скрытой целью флота было помешать испанцам отправить подкрепление или помешать предполагаемому американскому вторжению. Это было оборонительное действие. Основной целью флота было привести испанский флот в действие. Это было оскорбительно.

СИСТЕМА ОПЕРАЦИЙ

Определив характер войны по характеру ее объекта (т. е. Является ли она наступательной или оборонительной, ограниченной или неограниченной), стратегия должна определиться с системой операций или "планом войны".

Это зависит от:—

(1) Театр военных действий.

(2) Средства, находящиеся в нашем распоряжении.

1. *Театр военных действий*.— Обычно определяется как "вся территория, на которой враждебные стороны могут нападать друг на друга". Этого недостаточно. Для островной державы театр военных действий всегда будет включать морские районы. Более точное

определение: "географические районы, в пределах которых находятся скрытые цели войны и второстепенные объекты, ведущие к ним".

"Театр военных действий" может содержать несколько "театров военных действий".

2. *Театр военных действий*.— Обычно используется в операциях только одной воюющей стороны.

"Операция" - это любое значительное стратегическое мероприятие.

"Театр военных действий" обычно определяется как охватывающий всю территорию, которую мы стремимся захватить или защищать.

Более точное определение звучит так: "территория, будь то морская или сухопутная, или и та, и другая, в пределах которой враг должен быть побежден, прежде чем мы сможем обеспечить безопасность объекта конкретной операции".

Следовательно, поскольку характер войны зависит от объекта, она может быть оборонительной на одном театре военных действий и наступательной на другом.

Там, где операции носят оборонительный характер, любое специальное движение или подвижки могут носить наступательный характер.

ЦЕЛЬ

Цель

Цель - это "любая точка или сила, против которых направлено наступательное движение". Таким образом, там, где *цель* на любом театре военных действий состоит в том, чтобы получить контроль над определенным морем, в котором противник содержит флот, этот флот обычно будет *целью*.

НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Направления деятельности.

Оперативное направление - это "участок суши или моря, через который мы действуем с нашей базы или отправной точки для достижения наших целей".

Направления деятельности могут быть внешними или внутренними. Говорят, что мы удерживаем внутренние рубежи, когда мы занимаем такую позицию относительно театра военных действий, что можем достичь его главных целей или сил быстрее, чем противник может двинуться на свою защиту или помощь. Такое положение называется внутренним положением. "Внешние линии" и "Внешнее положение" являются обратными им.

ЛИНИИ СВЯЗИ

Линии связи.

Это выражение используется для обозначения трех разных вещей:—

(1) *Линии снабжения*, идущие от базы операций до точки, которой достигли действующие силы.

(2) *Линии боковой связи*, по которым несколько сил, задействованных на одном театре военных действий, могут взаимодействовать друг с другом и перемещаться на поддержку друг друга.

(3) *Линии отступления*, которые представляют собой обратные пути снабжения, т.е., ведущие обратно на базу.

Эти три идеи лучше всего описываются термином "линии прохода и сообщения", который мы использовали в конце восемнадцатого века.

На берегу линиями прохода и сообщения являются автомобильные, железные дороги, водные пути и т.д.

В море они могут рассматриваться как те воды, по которым проходит обычный курс судов, следующих от базы к цели или силам, подлежащим снабжению.

В земельной стратегии подавляющее большинство проблем - это проблемы коммуникации. Морская стратегия никогда не рассматривалась как зависящая от коммуникаций, но, вероятно, она делает это даже в большей степени, чем Сухопутная стратегия, как явствует из рассмотрения морских коммуникаций и того, в какой степени они являются основным объектом военно-морских операций.

МОРСКИЕ КОММУНИКАЦИИ

К различным видам морских коммуникаций, в интересах или против которых флоту, возможно, придется действовать, относятся:—

(1) Свои собственные коммуникации или коммуникации противника (которые соответствуют коммуникациям армий, действующих на берегу). Их стратегическое значение, как правило, возрастает по мере растущего дефицита современных флотов (в угле, боеприпасах и т. Д.).

(2) Коммуникации армии, действующей с передовой зарубежной базы, то есть связь между передовой и основной базой.

(3) Торговые пути, то есть коммуникации, от которых зависят национальные ресурсы и снабжение основных баз, а также "боковые" или соединительные коммуникации между различными частями владений воюющих сторон.

Примечание. Такие "линии прохода и коммуникации" являются предметом озабоченности военно—морской стратегии; иными словами, проблемы военно-морской стратегии могут быть сведены к терминам "проход и коммуникация", и это, вероятно, лучший метод их решения.

ВОЕННО - МОРСКАЯ СТРАТЕГИЯ РАССМАТРИВАЕТСЯ КАК ВОПРОС ПРОХОДА И КОММУНИКАЦИИ

Под "Военно-морской стратегией" мы подразумеваем искусство руководства операциями флота. Такие операции всегда должны иметь своей целью "проход и сообщение"; то есть флот в основном занят охраной наших собственных коммуникаций и захватом коммуникаций противника.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО I.—Дедуктивное.—Мы говорим, что цель военно-морской стратегии - получить господство на море. Что это значит? Это нечто совершенно отличное от военной идеи оккупации территории, поскольку море не может быть предметом политического господства или собственности. Мы не можем существовать за счет этого (как армия на завоеванной территории), и мы не можем исключить из этого нейтралов. Таким образом, теория адмирала Колумба о "завоевании водной территории" предполагает ложную аналогию и небезопасна в качестве основы стратегической системы. Какова же тогда ценность моря в политической системе мира? Его ценность заключается в качестве средства коммуникации между государствами и частями государств. Следовательно, "командование на море" означает контроль над коммуникациями, в которых воюющие стороны имеют неблагоприятные последствия.

СЛЕДСТВИЕ. Господство на море никогда не может быть, подобно завоеванию территории, скрытой целью войны, если только это не чисто морская война, какой были примерно наши войны с голландцами в 17 веке, но оно может быть первичной или непосредственной целью и даже скрытой целью конкретных операций.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО II.—Индуктивное, из истории или прошлого опыта. История показывает, что фактические функции флота (за исключением чисто морских войн) были тройственными.

1. Предотвращение или закрепление союзов (*т.е.* сдерживание или убеждение нейтральных стран в необходимости участия в войне).

ПРИМЕРЫ.—Операции Рука в первые годы войны за испанское наследство, 1702-04, по обеспечению присоединения Савойи и Португалии к Великому альянсу. Операции Нельсона по поддержанию союза Неаполитанского королевства.

В первом случае наступил кризис, когда было важнее продемонстрировать Савойе и Португалии, что они могут потерять, присоединившись к Людовику XIV, чем немедленно выступить против Тулонского флота. Во втором случае Неаполитанский союз был необходим для наших операций в Восточном Средиземноморье; уничтожение Тулонского флота - нет.

2. Защита или уничтожение коммерческой деятельности.

3. Содействие или воспрепятствование военным операциям на берегу.

ПРИМЕЧАНИЕ.— Приведенное выше является наилучшим рабочим "Определением военно-морской стратегии", поскольку подчеркивает ее тесную связь с дипломатическими, финансовыми и военными аспектами основной стратегии.

Эти функции могут выполняться двумя способами: —

(1) Путем прямых территориальных нападений, которыми угрожают или которые осуществляются (бомбардировка, высадка десанта, рейдерские группы и т.д.).

(2) Получив командование на море, *т.е.* утвердившись в таком положении, чтобы мы могли контролировать морские коммуникации всех заинтересованных сторон, так что мы можем действовать морем против их территории, торговли и союзников, а они не могут действовать против наших.

ПРИМЕЧАНИЕ.— Мощь второго метода, заключающегося в контроле коммуникаций, несоизмерима с первым - прямой атакой. Действительно, первое редко может быть выполнено с каким-либо серьезным эффектом без второго. Таким образом, и с этой точки зрения ясно, что военно-морская стратегия - это в основном вопрос коммуникаций.

Но не полностью. Возникли обстоятельства, когда Флот должен выполнить часть своих функций путем прямых действий, прежде чем появится время получить общий контроль над коммуникациями. (То есть политические и военные соображения могут помешать нормальному функционированию Военно-морской стратегии.)

ПРИМЕР. — Захват Руком Гибралтара в 1704 году перед лицом непоколебимого Тулонского флота. Японское вторжение в Маньчжурию.

ГОСПОДСТВО НА МОРЕ

Господство на море существует только в состоянии войны. Если мы говорим, что у нас есть командование на море в мирное время, это риторическое выражение, означающее, что у нас есть (а) адекватные военно-морские позиции; (b) достаточный флот для обеспечения командования, когда разразится война.

РАЗЛИЧНЫЕ УСЛОВИЯ КОМАНДОВАНИЯ

1. Это может быть (а) общее; (б) местное.

(а) *Общее командование* обеспечивается, когда противник больше не в состоянии опасно действовать против нашей линии прохода и коммуникаций или защищать свою собственную, или (другими словами) когда он больше не в состоянии серьезно вмешиваться в нашу торговлю или наши военные или дипломатические операции.

Это условие существует практически тогда, когда противник больше не в состоянии посылать эскадры в море.

ПРИМЕЧАНИЕ. Господство на море не означает, что противник абсолютно ничего не может сделать, но что он не может *серьезно* вмешиваться в предприятия, с помощью которых мы стремимся обеспечить цель войны, или навязывать ему нашу волю.

(b) *Местное командование* подразумевает такое положение вещей, при котором мы способны не допустить вмешательства противника в наш проход и коммуникации на одном или нескольких театрах военных действий.

2. Как местное, так и общее командование может быть (а) временным; (b) постоянным.

(а) *Временное командование* - это когда мы в состоянии помешать противнику помешать нашему проходу и коммуникациям на всех или некоторых театрах военных действий в течение периода, необходимого для достижения поставленной цели (т.е. цели конкретной операции или конкретной кампании). Это условие существовало после первого действия Того.

(b) *Постоянное командование* возникает тогда, когда время перестает быть жизненно важным фактором в ситуации, т.е., когда возможность восстановления противником своих морских

позиций слишком мала, чтобы принимать ее во внимание на практике. Такое состояние существовало после Цусимы.

3. Командование, будь то общее, местное или временное, может находиться в трех различных состояниях:—

(a) С нами.

(b) С врагом.

(c) Оспаривается.

В случае возникновения спора может оказаться, что:—

(1) У нас есть перевес.

(2) У нашего врага перевес.

(3) Ни одна из сторон не имеет перевеса.

ОСПАРИВАЕМАЯ КОМАНДА

Состояние конфликта является наиболее важным для практической стратегии, поскольку это нормальное состояние, по крайней мере, на ранних стадиях войны, а часто и на всем ее протяжении.

Состояние спора продолжается до принятия окончательного решения, *т.е.* До тех пор, пока одна из сторон больше не сможет отправить эскадру в море.

В интересах превосходящего военно-морского флота положить конец спорному состоянию путем принятия решения. Отсюда французская традиция, как правило, избегать решительных действий во время войны с Англией.

Истинность этого вытекает из того факта, что *общее командование на море не является необходимым для всех международных операций.*

В спорном состоянии преобладающая Держава может сконцентрироваться на одном театре военных действий и таким образом обеспечить местное или временное командование, достаточное для достижения поставленной особой цели. Более слабая мощность может воспользоваться такой локальной концентрацией для безопасной работы в другом месте.

Правило 1. До тех пор, пока состояние спора может заставить доминирующую силу сконцентрироваться, действовать путем уклонения, возможно, могут более слабые.

Правило 2. В состоянии спора, хотя более слабая держава может быть не в состоянии воспрепятствовать проходу и общению более сильной, она может быть в состоянии защитить свою собственную.

ПРИМЕРЫ.—Это условие спора существовало в течение первых трех лет Семилетней войны, пока Хоук и Боскавен не добились решения, победив Конфлана и Де ла Клу; также в Великой войне вплоть до Трафальгара.

ДОЛЖНО ЛИ ГОСПОДСТВО На МОРЕ ВСЕГДА БЫТЬ ГЛАВНОЙ ЦЕЛЬЮ?

Когда превосходящая Держава терпит неудачу или пренебрегает получением командования (т.е. Оставляет главное командование под вопросом), невыгодным для нее является не столько опасность для его собственных операций, сколько возможности, предоставляемые противнику для проведения контропераций в другом месте.

Следовательно, при определенных условиях поиск флота противника и его уничтожение может оказаться не основной функцией флота, потому что общее командование может быть спорным, в то время как местное командование может быть на нашей стороне, и политические или военные соображения могут потребовать от нас операции, для которой достаточно такого местного командования, и которую нельзя откладывать до тех пор, пока мы не получим окончательного решения.

Из вышесказанного следует, что "командование на море" - слишком расплывчатое выражение для обсуждения стратегии. Для практических целей следует заменить "*контролем прохода и связи*".

Таким образом, вопрос при рассмотрении любой предлагаемой операции или направления операций будет заключаться не в том, обладаем ли мы господством на море?" но "Можем ли мы обезопасить необходимые линии связи от препятствий со стороны противника?"

МЕТОДЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНТРОЛЯ

1. *Постоянный общий контроль* может быть обеспечен только практическим уничтожением флота противника успешными действиями.

2. *Местный и временный контроль* может быть обеспечен:—

(a) Защитное действие, не обязательно полностью успешное (сдерживающее).

(b) Принуждение противника к сосредоточению в другом месте (отвлекающий маневр).

(c) превосходящая концентрация, чтобы сделать бессильными силы противника, имеющиеся на особом театре военных действий (маскировка или сдерживание).

БЛОКАДА

Согласно обзору объекта, блокады бывают двух видов. Объектом могут быть:—

(d) Блокада.

i. *Плотная блокада* для предотвращения выхода противника в море. Целью обычно является обеспечение локального или временного контроля.

ii. *Наблюдательная блокада*, чтобы вынудить противника выйти в море путем занятия общих линий коммуникаций (см. ниже). В этом случае вы ищете решение как шаг к общему контролю.

Оба характера представляют собой операции на линиях прохода и коммуникаций, но в случае (1) основное намерение - оборона, обеспечение безопасности нашей собственной линии; в

случае (2) основное намерение - наступление, захват линии противника и принуждение его обнажиться в попытке вернуть ее.

ОБЩИЕ ПРАВИЛА ПРОВЕДЕНИЯ БЛОКАД

В случае (1) (оборонительное намерение) блокада должна быть настолько плотной, насколько это совместимо с защитой от торпедной атаки.

В случае (2) (наступательное намерение) оно должно быть настолько отдаленным, насколько это совместимо с привлечением противника к активным действиям, если он выйдет.

Примеры:—*Случай (1)*: Первый этап блокады Порт-Артура Того.

Случай (2): Нельсон у берегов Тулона.

Путаница между ними: попытка Сэмпсона закрыть Сантьяго одновременно с попыткой вытеснить Сервера в море.

ОСОБЕННОСТЬ МОРСКИХ КОММУНИКАЦИЙ

Поскольку вся идея господства на море и вся теория блокады основаны на контроле коммуникаций, ни то, ни другое не может быть полностью понято без глубокого понимания природы морских коммуникаций.

На берегу соответствующие линии коммуникаций каждой воюющей стороны, как правило, проходят более или менее приблизительно в противоположных направлениях, пока не пересекутся на театре военных действий или в пункте назначения.

На море дело обстоит наоборот, ибо в морской войне крупные линии коммуникаций обеих воюющих сторон, как правило, проходят примерно параллельно, если, конечно, они не идентичны.

Таким образом, в случае войны с Германией, цель которой лежала в Восточном Средиземноморье, или в Америке, или Южной Африке, наши соответствующие линии связи были бы идентичны.

Это также имело место во всех наших имперских войнах с Францией.

Этой особенностью является контролирующее влияние морской войны. Почти все наши нынешние принципы военно-морской стратегии можно проследить по тому давлению, которое она оказывает на военно-морскую мысль.

Это лежит в основе фундаментального различия между военной и морской стратегией и позволяет объяснить многие стратегические ошибки и путаницу, возникшие в результате применения принципов ведения сухопутной войны на море без учета антагонистических условий коммуникаций и операций против них в каждом конкретном случае.

На суше главная причина, по которой не всегда удается сразу нанести удар по коммуникациям противника, заключается в том, что, как правило, мы не можем сделать это, не обнажив свои собственные.

Напротив, на море, поскольку крупные рубежи являются общими для обоих, мы не можем защищать свои, не нанося ударов по позициям противника.

Следовательно, на море очевидным выходом является размещение вашего флота в таком положении, чтобы он контролировал общие линии, если только его не разгромят или не уклонятся.

ПРИМЕР. — Обычно это делалось в наших старых войнах с Францией, когда мы выводили флот из Бреста до того, как французы могли отплыть.

Отсюда максима "надлежащее место для наших флотов - у берегов противника", "побережье противника - наша истинная граница" и тому подобное.

Но эти максимы не всегда верны, о чем свидетельствует стратегия Того против Рожесвенского, когда он честно оставался на своем собственном берегу.

Возьмем еще раз максиму о том, что главной целью флота является поиск флота противника и его уничтожение.

И здесь практика Того была обратной максиме.

Истинная максима гласит: "Основная цель флота - обеспечить безопасность коммуникаций, и если флот противника в состоянии сделать их небезопасными, он должен быть выведен из строя".

Флот противника обычно находится в таком положении, но не всегда.

ПРИМЕР. — Начало войны за испанское наследство. Операции 1702 года заключались в том, чтобы захватить какой-либо пункт (Кадис, Гибралтар или Ферроль) на испанских торговых коммуникациях, французских боковых коммуникациях и наших собственных путях прохода в Средиземное море, где должен был быть наш главный театр военных действий. Эти последние две строки были идентичны. 1703.—Целью главного оперативного управления было обеспечить союз Савойи и, в частности, Португалии, и с той же целью официальные инструкции Рука предписывали игнорировать французский флот, если он не угрожает нашим коммуникациям.

РЕЗУЛЬТАТ. — К 1704 году мы заняли военно-морскую позицию, с которой Франция не могла нас вытеснить, и она отказалась от борьбы за морские коммуникации.

Но в девяти случаях из десяти принцип поиска флота противника и т. Д. Звучит здраво и применимо: —

(a) Потому что для *нашего* *постоянного* *командования* обычно важно для окончательного успеха, а этого нельзя добиться, не уничтожив флот противника.

(b) Потому что обычно флот противника начинает с попытки *контролировать общие коммуникации*.

(c) Потому что обычно функции флота настолько сложны (*т.е.* Обращений к нему так много), что он будет стремиться нанести удар, который разрешит все трудности; *например*, решение проблемы сэром Палмсом Фейрборном в 1703 году (*Англия в Средиземном море*, том II., стр. 234).

Также следует помнить, что в девяти случаях из десяти наиболее эффективным способом "обнаружения флота противника" (*т.е. навязывания ему действий*) является захват позиции, которая контролирует коммуникации, жизненно важные для его плана кампании.

Именно это и произошло в 1704 году. Рук не смог разыскать тулонский флот, но, захватив Гибралтар, он заставил его прийти к нему (не намеренно, а в силу неизбежного стратегического закона).

Сравните стратегию Того и американцев в 1898 году.

Практически все крупные военно-морские операции проводились таким образом, то есть они были результатом попытки очистить важные коммуникации от флота противника, *например*, Гравелины, Ла-Хог, Киберон, Трафальгар, Цусима.

Точно так же великие действия старых голландских войн были вызваны тем, что наше географическое положение ставило нас верхом на голландских торговых коммуникациях, и они были вынуждены искать решения против нашего флота.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

Применяя принцип "поиска флота противника", следует иметь в виду:—

(1) Что если вы будете искать его с превосходящими силами, вы, вероятно, найдете его в месте, где вы не сможете уничтожить его, кроме как дорогой ценой.

(2) Учитывая, что оборона является более сильной формой войны, чем наступление, *на первый взгляд* лучшей стратегией является заставить врага прийти к вам, чем идти к нему и добиваться решения на его собственной территории.

КУРС НА ВОЙНУ

Замечания по стратегии

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ

ВВОДНЫЙ

Военно-морская стратегия - это раздел военного искусства.

Предметом изучения для офицеров является военное искусство, которое включает в себя военно-морскую стратегию.

Война - это применение силы для достижения политических целей.

ОСНОВНЫЕ И ВТОРОСТЕПЕННЫЕ СТРАТЕГИИ

Мы добиваемся своих целей, направляя силу на определенные объекты, которые могут быть скрытыми или первичными.

Первичные объекты - это особые объекты определенных операций или перемещений, которые мы предпринимаем для достижения скрытой цели кампании. Следовательно, необходимо помнить, что каждую конкретную операцию или передвижение следует рассматривать не только с точки зрения их особой цели, но и как шаг к завершению кампании или войны.

Стратегия - это искусство направлять силу на достижение поставленных целей. Существует два вида— основная стратегия, имеющая дело со скрытыми объектами; Второстепенная стратегия, имеющая дело с первичными объектами.

Каждая операция армии или флота должна планироваться и проводиться в соответствии (1) с общим планом войны; (2) с целью, на которую она непосредственно направлена.

Основная стратегия, всегда касающаяся скрытой цели, имеет в своей компетенции план войны и включает в себя: (1) Выбор непосредственных или первостепенных объектов, на которые следует нацелиться для достижения скрытой цели; (2) Выбор сил, которые будут использоваться, *т.е.* Определяет относительные функции военно-морских и вооруженных сил. Основная стратегия в самом широком смысле имеет дело со всеми ресурсами нации для ведения войны. Это отрасль государственной мудрости, которая рассматривает Армию и флот как части одной силы, которыми следует управлять вместе как инструментом войны. Но он также должен поддерживать постоянную связь с политической и дипломатической позицией страны (от которой зависит эффективное действие инструмента), а также с коммерческим и финансовым положением (благодаря которому поддерживается энергия для работы инструмента). Трения, вызванные этими соображениями, присущи войне и называются политическим отклонением от стратегии. Обычно это рассматривается как болезнь. На самом деле это жизненно важный фактор в любой стратегической проблеме. Можно принять за общее правило, что ни один вопрос о крупной стратегии не может быть решен отдельно от дипломатии, *инаоборот*. Ибо направление действий или цель, которые являются целесообразными с точки зрения стратегии, могут быть воспрепятствованы дипломатическими соображениями, и *наоборот*. Решать вопрос о Большой стратегии без учета ее дипломатического аспекта - значит принимать решение только по половине факторов. Ни стратегия, ни дипломатия никогда не начинаются с чистого листа. Это взаимодействие должно быть принято как часть неизбежных "трений войны". Хорошим примером является отказ Питта послать флот в Балтийское море для оказания помощи Фридриху Великому во время Семилетней войны из-за боязни поставить под угрозу наши отношения со скандинавскими державами.

Второстепенная стратегия имеет для своей провинции планы операций. Она имеет дело с—

(1) Выбор "целей", то есть конкретных сил противника или стратегических пунктов, с которыми необходимо иметь дело, чтобы обезопасить объект конкретной операции.

(2) Направление сил, назначенных для проведения операции.

Таким образом, второстепенная стратегия может быть трех видов:—

(1) Военно-морской, когда непосредственная цель должна быть достигнута только флотом.

(2) Военный, когда непосредственная цель должна быть достигнута только армией.

(3) Комбинированный, когда непосредственная цель должна быть достигнута армией и флотом совместно.

Таким образом, будет видно, что то, что обычно называют военно-морской стратегией или Стратегией флота, является лишь подразделом Стратегии, и что, следовательно, стратегию нельзя изучать только с точки зрения военно-морских операций. Военно-морская стратегия, являясь частью Общей стратегии, подвержена тем же трениям, что и Основная стратегия, хотя и в меньшей степени. Отдельным командирам часто приходится принимать решение независимо от центрального правительства или штаб-квартиры; поэтому они должны всегда иметь в виду возможные скрытые последствия любого направления действий, которое они могут предпринять, стараясь быть уверенными, что то, что является стратегически целесообразным, не является нецелесообразным с дипломатической точки зрения.

Пример.—Возьмем, к примеру, нападение Боскавена на Де ла Мотта накануне Семилетней войны в 1755 году. Его приказ состоял в том, чтобы не допустить попадания войск и военных припасов, которые вывозил Де ла Мотт, в Канаду. С дипломатической точки зрения открывать военные действия было нецелесообразно; но если бы Боскавену это удалось, результат стоил бы тех дипломатических последствий, которые это повлекло бы за собой. Он пропустил экспедицию, но захватил два изолированных судна; таким образом, нанеся первый удар таким образом, чтобы нанести максимальный ущерб при минимально возможной пользе.

НАСТУПЛЕНИЕ И ОБОРОНА

Природа объекта

От природы объекта зависит фундаментальное различие между *наступлением* и *обороной*, на котором должны основываться все стратегические расчеты. Следовательно, решение любой стратегической проблемы, будь то Крупной или Второстепенной стратегии, зависит в первую очередь от характера рассматриваемой цели.

Все объекты, скрытые или нет, могут быть положительными или отрицательными.

А Позитивный объект - это то место, где мы стремимся утвердить или приобрести что-то для себя.

А Негативный объект - это когда мы стремимся отказать врагу в чем-то или помешать ему получить что-то.

Там, где цель позитивна, Стратегия наступательна.

Там, где объект негативен, Стратегия носит оборонительный характер.

Это единственный достоверный тест, с помощью которого мы можем решить, является ли та или иная операция наступательной или оборонительной.

Скрытые объекты не обязательно совпадают по своей природе с первичными или второстепенными объектами, которые ведут к ним; *например*, скрытые объекты могут быть наступательными, в то время как один или несколько первичных объектов могут быть защитными, и *наоборот*. Например, в русско-японской войне скрытая цель войны (изгнать русских из Маньчжурии) была наступательной (позитивной). Скрытая цель флота (прикрыть вторжение) была оборонительной (негативной). Его основной целью для осуществления этого была атака и уничтожение военно-морских сил России. Это было оскорбительно (позитивно).

Отношение наступления к обороне

Наступление, будучи позитивным по своей цели, естественно, является более эффективной формой войны и, как правило, должно приниматься более сильной державой. Оборона, будучи негативной по своей цели, является более длительной формой войны, поскольку для удержания того, что есть у одного, требуется меньше силы, чем для отнятия того, что принадлежит другому, и, как правило, ее применяет более слабая Держава. В большинстве случаев, когда более слабая сторона успешно переходит в наступление, это происходит благодаря тому, что она делает это до завершения мобилизации или сосредоточения противника, в результате чего атакующие силы могут последовательно иметь дело с локально уступающими силами противника.

Преимущества Наступления хорошо известны.

Его недостатками являются:—

Что он становится слабее по мере продвижения, продлевая свои связи, и что он склонен действовать на незнакомой местности.

Преимущества защиты заключаются главным образом в следующем:—

Близость к базе снабжения и ремонтным станциям, знакомая местность, возможность организовать внезапную контратаку и способность организовываться заранее.

Недостатки Защиты в основном моральные. Однако они становятся реальными и практическими, когда цель или направление операций противника не могут быть установлены, поскольку тогда нам приходится рассредоточивать или ослаблять наши силы, чтобы охватить все вероятные цели, но этот недостаток может быть нейтрализован, когда удастся обеспечить внутреннюю позицию.

Функции и характеристики защитных средств

Настоящая защита означает ожидание шанса нанести удар.

Переход к обороне не обязательно означает, что мы не чувствуем себя достаточно сильными для атаки. Это может означать, что мы видим свой путь, используя оборону, чтобы заставить противника совершать определенные движения, которые позволят нам нанести более сильный удар.

Хорошо продуманная защита всегда будет угрожать нападению или маскировать его. Если она не сделает этого, она не изменит стратегию противника в нашу пользу. Таким образом, в 1756 году французы, заняв оборону в Ла-Манше, угрожали нападением на наши берега и скрыли свое нападение на Менорку.

Эта мощь, присущая обороне, особенно сильна в морской войне, поскольку мобильность флотов позволяет им мгновенно переходить от обороны к наступлению без какого-либо предупреждения. Когда мы переходим к обороне, потому что мы слишком слабы для наступления, мы все равно не отказываемся от атаки. Вся сила и суть защиты - в контрударе. Его основная идея состоит в том, чтобы вынудить противника атаковать нас в положении, когда он подставит себя под контрудар.

Типичным примером, на основании которого обычно осуждается военно-морская оборона, является сожжение голландцами наших кораблей в Чатеме. Но в том случае мы вообще не *защищались*. Мы оставили наш боевой флот и ничего не предпринимали. Мы были чисто пассивны в ожидании мира. Это действительно пример успешного использования обороны *голландцами*. Будучи уже недостаточно сильными для общего наступления, они перешли к обороне и вынудили нас оставить наши корабли и таким образом подставить себя под контрудар. Это был контрудар проигравшей стороны с целью добиться лучших условий мира.

Защита настолько далека от исключения идеи нападения, что может полностью состоять из серии второстепенных наступательных операций. Клаузевиц называет это "щитом от ударов". Его часто называют *наступательно-оборонительным*, или *активной обороной*. Ни один из этих терминов на самом деле не является необходимым. Ибо оборона, исключая идею нападения или активных действий, вообще не является войной - по крайней мере, на море. Старый елизаветинский термин *Превентивный* наиболее точно выражает эту идею.

Наиболее важной функцией обороны является прикрытие, подкрепление и усиление основной атаки. Ни один план кампании, каким бы сильным ни было наступательное намерение, не является совершенным, если не предусматривает использования обороны. Без определенного использования обороны кардинальный принцип концентрации редко может быть реализован в полной мере. Чтобы развить максимально возможную степень концентрации на главном объекте или задаче, везде необходимо занимать оборонительную позицию. Потому что только используя оборону на второстепенных или менее важных театрах военных действий, силы на этих театрах могут быть сведены к минимуму безопасности и, таким образом, может быть достигнута максимальная концентрация на главном театре.

Рассматривая оборону как общий план кампании, исходим из максимы: если вы недостаточно сильны, чтобы перейти в наступление, переходите к обороне, пока не станете настолько...

- (1) Либо побуждая противника ослабить себя атаками, либо иным образом;
- (2) Или увеличивая свои собственные силы, развивая новые силы или привлекая союзников.

Всегда следует помнить, что, кроме как в качестве подготовки или прикрытия для наступательных действий, оборона редко или вообще никогда не приносит никакой пользы; ибо продолжающимся использованием только обороны ничего нельзя добиться, хотя противнику можно помешать что-либо приобрести. Но там, где мы слишком слабы, чтобы перейти в наступление, часто необходимо переходить к обороне и выжидать, ожидая, что время склонит чашу весов в нашу пользу и позволит нам накопить силы, относительно превосходящие силы противника; затем мы переходим к наступлению, подготовкой к которому была наша оборона. На море у нас было мало поводов для обороны как общего плана. Но это не повод пренебрегать ее изучением. Презирая оборону в себе, мы последовательно игнорировали силу, которую она дает нашим врагам. Большая часть нашей военно-морской истории - это история о том, как мы были сбиты с толку нашими врагами, занявшими оборону на море в поддержку своего наступления на суше. Нам редко удавалось успешно относиться к такому отношению, и мы можем надеяться на это, только изучая способы защиты.

Наступательные операции, используемые с оборонительными намерениями

- (А) контратаки.
- (Б) Диверсии.

Контратаки - это те, которые наносятся противнику, который выставляет себя напоказ в любом месте театра своих наступательных операций. Именно эта форма атаки составляет то, что Клаузевиц называет "преимуществом внезапности в обороне".

Диверсии - это аналогичные операции, проводимые против противника за пределами его театра наступательных операций.

Диверсии предназначены для того, чтобы запутать его стратегию, отвлечь его внимание и отвлечь его силы от главного удара. При правильном планировании они должны отвлечь силы, превосходящие их собственные. Следовательно, они должны быть небольшими. Чем ближе они осознают важность реальной атаки, тем меньше вероятность того, что они отвлекут на себя силы, превосходящие их собственные.

Диверсии влекут за собой нарушение закона концентрации, и только их способность отвлекать или сдерживать большую силу, чем их собственная, оправдывает их использование.

Эта сила зависит главным образом от внезапности и подвижности, и эти качества наиболее высоко развиваются в совместных экспедициях.

Диверсии следует тщательно отличать от *эксцентричных атак*. *Эксцентричные атаки* - это настоящие наступательные движения. У них есть позитивная цель, т.е. Они стремятся что-то приобрести у врага; тогда как диверсии имеют негативную цель, т.е. они направлены на то, чтобы помешать врагу что-то сделать или приобрести. Эксцентричные атаки обычно предпринимаются с большей силой, чем диверсии.

Примеры.—Диверсия.—Наш рейд на Вашингтон в 1815 году. Десантный отряд, около 4000 человек. Объект, согласно официальной инструкции, "диверсия на побережье Соединенных Штатов Америки в пользу армии, задействованной для защиты Канады"; т.е. Намерение было негативным—превентивно—оборонительным. *Эксцентричная атака*.—Операции против Нового Орлеана в 1815 году. Предполагаемая численность от 15 000 до 20 000 человек. Цель:

"овладеть устьем Миссисипи и, во-вторых, занять какое-нибудь важное и ценное владение, путем восстановления которого можно было бы улучшить условия мира и т.д."; т.е. намерение было положительным — приобрести. Сравните экспедицию Рошфора (отвлекающий маневр) с экспедициями против Мартиники и Беллиля (эксцентричные нападения) во время Семилетней войны.

Это различие дает тройственную классификацию объединенных экспедиций, использовавшуюся елизаветинскими стратегами, а именно: рейды, вторжения и инвазии. Это соответствует нашим современным отвлекающим маневрам, эксцентричным атакам и настоящему прямому наступлению.

ОГРАНИЧЕННЫЕ И НЕОГРАНИЧЕННЫЕ ВОЙНЫ

Исходя из природы скрытой цели, мы получаем важную классификацию войн в зависимости от того, является ли такая цель *ограниченной* или *неограниченной*.

(1) *Война с ограниченной целью* ("ограниченная война") - это когда целью является просто отнять у противника какую-то определенную часть его имущества или интересов; например, испано-американская война, целью которой было освобождение Кубы.

(2) *Война с неограниченной целью* - это когда целью является полное поражение противника, чтобы спасти себя от уничтожения, он должен согласиться выполнять нашу волю (стать подчиненным); например, франко-германская война.

ВОЕННЫЕ ПЛАНЫ

Система операций

Определив характер войны по характеру ее объекта (т. е. является ли она наступательной или оборонительной, ограниченной или неограниченной), Стратегия должна определиться с системой операций или "планом войны".

Помимо имеющихся в нашем распоряжении средств, план войны зависит главным образом от...

(1) Театр военных действий.

(2) Различные театры действий, доступные в нем.

1. *Театр военных действий*.— Обычно определяется как "Вся территория, на которой враждебные стороны могут нападать друг на друга". Этого недостаточно. Для Островной державы театр военных действий всегда будет включать морские районы. Более точное определение: "Географические районы, в пределах которых должны проводиться операции, необходимые для достижения скрытых целей войны и второстепенных целей, которые ведут к ним".

"Театр военных действий" может содержать несколько "театров военных действий".

2. *Театр военных действий*.— Обычно используется в операциях только одной воюющей стороны.

"Операция" - это любое значительное стратегическое мероприятие.

"Театр военных действий" обычно определяется как охватывающий всю территорию, которую мы стремимся захватить или защищать.

Более точное определение звучит так: "Район, будь то морской или сухопутный, или и тот, и другой, в пределах которого враг должен быть побежден, прежде чем мы сможем обеспечить безопасность объекта конкретной операции".

Следовательно, поскольку характер войны зависит от объекта, она может быть оборонительной на одном театре военных действий и наступательной на другом.

Там, где операции носят оборонительный характер, любое специальное движение или подвижки могут носить наступательный характер.

Как план войны определяет театры военных действий на театре военных действий, так и на каждом театре военных действий он определяет *операционные направления и цели*.

Цель

Цель - это "любая точка или сила, против которых направлено наступательное движение". Таким образом, там, где *цель* на любом театре военных действий состоит в том, чтобы получить контроль над определенным морем, в котором противник поддерживает флот, этот флот обычно будет *целью*.

"Цель" в обычном употреблении часто путают с "объектом". В целях обсуждения стратегии желательно проводить четкое различие между ними. *Цель* - это завершение какого-либо конкретного движения или операции, и это особая забота командующего офицера. *Объект* является завершением системы операций и является предметом особой заботы генерального штаба или руководителя войной. *Цель* - это какая-то определенная точка, которую мы хотим получить от врага или предотвратить его оккупацию, или какая-то часть его сил, которую мы хотим уничтожить. Неправильно использовать термин для обозначения чего-либо, чем мы уже обладаем. Таким образом, часто говорят, что *целью* Рождественского был Владивосток. Строго говоря, это был всего лишь его *пункт назначения*. Достичь его и сосредоточиться со своими подразделениями уже там было *главной целью* вверенных ему операций. Перед ним не было никакой истинной *цели*, кроме флота Того.

Ан *Цель* всегда подчинена некоторому *объекту*. Это шаг к достижению этой цели.

Направления деятельности

Оперативное направление - это "участок суши или моря, через который мы действуем с нашей базы или отправной точки для достижения наших целей".

Направления деятельности могут быть *внешними* или *внутренними*. Говорят, что мы удерживаем *внутренние* рубежи, когда занимаем такую позицию относительно театра военных действий, что можем достичь его главных целей или сил быстрее, чем противник может двинуться на свою защиту или помощь. Такое положение называется *внутренним положением*. "Внешние линии" и "Внешние положения" являются обратными им.

Линии связи

Это выражение используется для обозначения трех разных вещей:—

(1) *Линии снабжения*, идущие от базы операций до точки, которой достигли действующие силы.

(2) *Линии боковой связи*, по которым несколько сил, задействованных на одном театре военных действий, могут взаимодействовать друг с другом и перемещаться на поддержку друг друга.

(3) *Линии отступления*, которые обычно представляют собой обратные линии снабжения, т.е. ведущие обратно на базу.

Для военно-морских целей эти три идеи лучше всего описываются термином "линии прохода и коммуникации", которые использовались в конце 18 века, и их можно рассматривать как те воды, по которым проходит обычный курс судов, следующих от базы к цели или силам, подлежащим снабжению.

Морские коммуникации

К различным видам морских коммуникаций, в интересах или против которых флоту, возможно, придется действовать, относятся:—

(1) Свои собственные коммуникации или коммуникации противника (которые соответствуют коммуникациям армий, действующих на берегу). Их стратегическое значение значительно возросло в связи с возросшей зависимостью современных флотов от регулярных поставок угля, складов, боеприпасов и т.д.

(2) Коммуникации армии, действующей с передовой зарубежной базы, то есть связь между передовой и основной базой.

(3) Торговые пути, то есть коммуникации, от которых зависят национальные ресурсы и снабжение основных баз, а также "боковые" или соединяющие коммуникации между различными частями владений воюющих сторон.

В земельной стратегии подавляющее большинство проблем - это проблемы коммуникации. Морская стратегия никогда не рассматривалась как зависящая от коммуникаций, но, вероятно, это так и есть, как явствует из рассмотрения морских коммуникаций и того, в какой степени они являются главной заботой военно-морских операций; иными словами, все проблемы военно-морской стратегии могут быть сведены к терминам "проход и коммуникация", и это, вероятно, лучший метод их решения.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВОЕННО - МОРСКАЯ СТРАТЕГИЯ РАССМАТРИВАЕТСЯ КАК ВОПРОС ПРОХОДА И КОММУНИКАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНА ВОЕННО-МОРСКАЯ СТРАТЕГИЯ

Под "Военно-морской стратегией" мы подразумеваем искусство проведения крупных операций флота. Целью таких операций является "проход и коммуникация", то есть флот в основном занят охраной наших собственных коммуникаций и захватом коммуникаций противника.

Мы говорим, что цель Военно-морской стратегии - получить господство на море. Это означает нечто совершенно отличное от военной идеи оккупации территории, поскольку море не может быть предметом политического господства или собственности. Мы не можем существовать за счет этого (как армия на завоеванной территории), и мы не можем исключить из этого нейтралов. Значение моря в политической системе мира заключается в том, что оно является средством коммуникации между государствами и частями государств. Следовательно, "командование на море" означает контроль над коммуникациями, в которых воюющие стороны имеют неблагоприятные последствия. Господство на море никогда не может быть, подобно завоеванию территории, скрытой целью войны, если только это не чисто морская война, как это было примерно в наших войнах голландцами в 17 веке, но это может быть основной или непосредственной целью и даже скрытой целью конкретных операций.

История показывает, что фактические функции флота (за исключением чисто морских войн) были тройственными:—

1. Содействие или воспрепятствование военным операциям на берегу.
2. Защита или уничтожение коммерческой деятельности.
3. Предотвращение или закрепление союзов (*т.е.* сдерживание или убеждение нейтральных стран в необходимости участия в войне).

ПРИМЕРЫ.—Операции Рука в первые годы войны за испанское наследство, 1702-04, по обеспечению присоединения Савойи и Португалии к Великому альянсу. Операции Нельсона по поддержанию союза Неаполитанского королевства.

В первом случае наступил кризис, когда было важнее продемонстрировать Савойе и Португалии, что они могут потерять, присоединившись к Людовику XIV, чем немедленно действовать против Тулонского флота. Во втором случае Неаполитанский союз был необходим для наших операций в Восточном Средиземноморье; уничтожение Тулонского флота - нет.

Таким образом, мы получаем *Определение Цели военно-морской стратегии*, выраженное в терминах фактических функций флота. Для практических целей это определение будет сочтено наиболее полезным, поскольку подчеркивает тесную связь военно-морской стратегии с дипломатическими, финансовыми и военными аспектами Большой стратегии.

Эти функции автопарка могут выполняться двумя способами:—

- (1) Путем прямых территориальных нападений, которыми угрожают или которые осуществляются (бомбардировка, высадка десанта, рейдерские группы и т.д.).

(2) Получив господство на море, т.е. утвердившись в таком положении, чтобы мы могли контролировать морские коммуникации всех заинтересованных сторон, чтобы мы могли действовать морем против территории, торговли и союзников противника, а они не могли действовать против нас.

Мощь второго метода, заключающегося в контроле коммуникаций, несоизмерима с мощностью первого - прямой атаки. Действительно, первое редко может быть выполнено с каким-либо серьезным эффектом без второго. Таким образом, и с этой точки зрения ясно, что военно-морская стратегия - это в основном вопрос коммуникаций.

Но не полностью. Возникли обстоятельства, когда флот должен выполнить часть своих функций путем прямых действий против территории, прежде чем появится время установить общий контроль над коммуникациями. (То есть политические и военные соображения могут нарушить нормальное функционирование Военно-морской стратегии.)

ПРИМЕРЫ. — Захват Рук Гибралтара в 1704 году перед лицом непоколебимого Тулонского флота. Взятие Холмсом Эмдена в 1758 году.

Тем не менее, факт остается фактом: ключом к эффективному выполнению обязанностей флота почти всегда является обеспечение безопасности коммуникаций в кратчайшие возможные сроки с помощью боя.

ГОСПОДСТВО НА МОРЕ

Господство на море существует только в состоянии войны. Если мы говорим, что у нас есть командование на море в мирное время, это риторическое выражение, означающее, что у нас есть адекватные военно-морские позиции и достаточный флот для обеспечения командования, когда разразится война.

Господство на море не означает, что противник абсолютно ничего не может сделать, но что он не может *серьезно* вмешиваться в мероприятия, с помощью которых мы стремимся обеспечить цель войны и навязать ему нашу волю.

Различные условия командования

1. Это может быть (а) общее; (б) местное.

(а) *Общее командование* обеспечивается, когда противник больше не в состоянии опасно действовать против нашей линии прохода и коммуникаций или использовать или защищать свои собственные, или (другими словами) когда он больше не в состоянии серьезно вмешиваться в нашу торговлю или наши военные или дипломатические операции.

Это условие существует практически тогда, когда противник больше не в состоянии посылать эскадры в море.

(б) *Местное командование* подразумевает такое положение вещей, при котором мы способны не допустить вмешательства противника в наш проход и коммуникации на одном или нескольких театрах военных действий.

2. Как общее, так и местное командование может быть (a) временным; (b) постоянным.

{

a

)

Временное командование

- это когда мы в состоянии предотвратить вмешательство противника в наш проход и коммуникации на всех или некоторых театрах военных действий в течение периода, необходимого для достижения поставленной цели (

т.е.

, объект конкретной операции или кампании). Это условие существовало после первого действия Того. Именно к этому стремился Наполеон в своих инструкциях Вильневу в 1805 году.

(b) *Постоянное командование* возникает, когда время перестает быть жизненно важным фактором в ситуации, *т.е.*, когда возможность восстановления противником своих морских позиций слишком мала, чтобы принимать ее во внимание на практике. Такое состояние существовало после Цусимы.

Оспариваемая команда

Состояние конфликта является наиболее важным для практической стратегии, поскольку это нормальное состояние, по крайней мере, на ранних стадиях войны, а часто и на всем ее протяжении.

Состояние спора продолжается до принятия окончательного решения, *т.е.* До тех пор, пока одна из сторон больше не сможет отправить эскадру в море.

В интересах превосходящего военно-морского флота положить конец спорному состоянию путем принятия решения. Отсюда французская традиция, как правило, избегать решительных действий во время войны с Англией.

Следует помнить, что *общее командование на море не является необходимым для всех международных операций.*

В спорном состоянии преобладающая Держава может сконцентрироваться или быть вынуждена сконцентрироваться на одном театре военных действий и таким образом обеспечить местное или временное командование, достаточное для достижения поставленной цели, в то время как более слабая Держава воспользуется такой локальной концентрацией для безопасной операции в другом месте.

Таким образом, в состоянии спора, хотя более слабая держава может быть не в состоянии воспрепятствовать прохождению и общению более сильной, она может быть в состоянии защитить свою собственную.

ПРИМЕРЫ.—Такое состояние спора существовало в течение первых трех лет Семилетней войны, пока Хоук и Боскавен не добились решения, победив Конфлана и Де ла Клу; также в Великой войне вплоть до Трафальгара.

Когда превосходящая Держава терпит неудачу или пренебрегает получением командования (*т.е.* Оставляет главное командование под вопросом), невыгодным для нее является не столько опасность для его собственных операций, сколько возможности, предоставляемые противнику для проведения контропераций в другом месте.

МЕТОДЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНТРОЛЯ.

1. *Постоянный общий контроль* может быть обеспечен только практическим уничтожением флота противника успешными действиями.

2. *Местный и временный контроль* может быть обеспечен путем—

(a) Действие, не обязательно полностью успешное (содержащее).

(b) Побуждение противника сконцентрироваться в другом месте (отвлекающий маневр).

(c) превосходящая концентрация, чтобы сделать бессильными силы противника, имеющиеся на особом театре военных действий (маскировка или сдерживание).

(d) Блокада.

Действия флота у порта Противника

Воюющий флот у порта противника может выполнять три различные операции для определенных целей; каждая из них совершенно не связана с другими и предназначена для получения совершенно иного результата:—

(1) *Плотная блокада.*— Это делается для предотвращения выхода боевых кораблей противника в море. В данном случае цель состоит в обеспечении местного контроля для какой-либо цели, которая не является чисто военно-морской, такой, какая была осуществлена японцами у Порт-Артура в 1904 году, чтобы позволить их транспортам пересекать Желтое море, не опасаясь преследования со стороны любого из русских кораблей в Порт-Артуре. Поскольку крейсера во Владивостоке смогли выйти (этот порт не был блокирован), операция не была завершена, и опасность вмешательства всегда существовала.

Этот метод блокады в настоящее время осуществить гораздо сложнее, чем раньше; из-за существования подводных лодок и торпедных аппаратов корабли блокады должны оставаться дальше от порта; должны быть внутренние линии крейсеров, разведчиков и эсминцев; и быстрое сосредоточение требует больше времени из-за большего пространства, покрываемого силами блокады, и по той же причине требуется больше кораблей любого назначения.

Требуется все большая и большая бдительность, чем в прежние дни, потому что корабли противника могут выйти в море независимо от погоды (благоприятная погода была бы для них благоприятной возможностью), и наиболее важно, чтобы ни одному судну, от линкора до торпедного катера, не было позволено спастись.

Этот метод блокады включает торговую блокаду, и все страны будут проинформированы о ее установлении.

(2) *Торговая блокада.*— Для предотвращения захода торговых судов в блокированную гавань или выхода из нее. Силы блокады не были бы достаточно мощными, чтобы помешать эскадре линкоров или крейсеров войти в блокированный порт или покинуть его; и они не были бы созданы за пределами укрепленного военного порта или порта, содержащего сильные военно-морские силы. Но это было бы в состоянии помешать разведчикам и торпедным аппаратам войти в систему или вынырнуть, за исключением случаев, когда их было бы очень много; и если бы это было невозможно, они предупредили бы об их побеге и направлении, в котором они движутся.

При обеих этих формах блокады обычно из вежливости разрешается входить и выходить нейтральным вооруженным судам, принадлежащим иностранным военно-морским силам, для их собственных целей, предположительно связанных с подданными их собственной страны, которые находятся в блокированном порту. Это, однако, не является правом, и страна, которой принадлежат корабли блокады, имеет право отказаться от этого и подкрепить свой отказ силой.

Все страны должны быть уведомлены о введенной надлежащим образом торговой блокаде в соответствии с Международным соглашением.

(3) *Наблюдение за портом.*— Это, с сопутствующими операциями, должно проводиться таким образом, чтобы побудить противника выйти в море, причем целью наблюдения за портом является в первую очередь военно-морская, а именно, подтолкнуть его к решительным действиям.

Основные силы наблюдения (состоящие из линкоров и крейсеров) были бы либо в составе одной эскадры, либо нескольких, при условии, что они находились бы в пределах досягаемости друг друга и располагались таким образом, чтобы иметь возможность отрезать флот противника при выходе из наблюдаемого порта до того, как он сможет опасно приблизиться к своей вероятной цели, и в то же время достаточно далеко, чтобы обеспечить сражение до того, как он сможет вновь укрыться в своих собственных портах. Также стоит отметить, что сражение должно, по возможности, вестись таким образом, чтобы поврежденным кораблям противника было трудно укрыться в гаванях дружественного нейтрального государства до того, как они будут захвачены.

За наблюдаемым портом необходимо внимательно наблюдать, чтобы можно было немедленно сообщить о выходе противника; и это должно быть сделано небольшими крейсерами, разведчиками и эсминцами, которые должны быть достаточно сильными и многочисленными, чтобы атаковать любое торпедное судно, пытающееся выйти в море.

Чтобы побудить основные силы противника выйти в море, важно использовать все средства, чтобы он не узнал, что наш флот наблюдает за портом, или, если это невозможно, не предпринимать ничего, что заставило бы его предположить, что за его портом наблюдают.

Эта операция не является блокадой.

Вспомогательные операции, направленные на то, чтобы побудить флот противника выйти в море, могут принимать форму диверсии на побережье противника или против какой-либо важной части его морской торговли, проводимой либо наблюдающим флотом, либо связанными с ним силами, либо любыми морскими перемещениями, рассчитанными на серьезное вмешательство в военный план противника.

Концентрация

Руководящей чертой современной подготовки к войне является готовность к быстрым действиям. На море верно даже больше, чем на суше, что от первых движений зависит инициатива, способность контролировать стратегию противника и заставлять его приспосабливаться к нашим движениям. Такая готовность к быстрым действиям будет зависеть от надлежащего распределения автопарка таким образом, чтобы соответствовать всем требованиям.

В распределении флота должна доминировать идея концентрации, но необходимо четко понимать, что означает концентрация. Клаузевиц говорит: "Лучшая стратегия — это всегда быть достаточно сильной, сначала в целом, затем в решающий момент. Следовательно, нет более высокого или простого закона стратегии, чем этот — держите свои силы вместе".

Принцип "Держите свои силы вместе", однако, не обязательно означает, что все они должны быть сосредоточены в одной массе, скорее, они должны быть расположены таким образом, чтобы они могли легко объединяться по своему желанию. На море труднее, чем на суше, предсказать, где будет решающий пункт; но поскольку на море сосредоточить силы в каком-либо конкретном пункте быстрее и легче, чем на суше, применяя это правило для наших целей, правилом должно быть размещение сил на море таким образом, чтобы иметь возможность вовремя сосредоточить их в решающем пункте, как только этот пункт будет определен, а также таким образом, чтобы скрыть от противника, что предполагается сделать решающим пунктом.

Если силы правильно распределены в надлежащих пределах, может быть обеспечен адекватный контроль над всеми линиями прохода и коммуникаций, и если противник предпримет какие-либо операции, должна быть возможность обеспечить своевременную концентрацию достаточных сил для поражения его объекта. С другой стороны, если силы сосредоточены в одной массе, шансов обмануть или сбить противника с толку может быть мало, в то время как это дает ему возможность успешно провести какую-либо операцию путем уклонения.

ОСОБЕННОСТЬ МОРСКИХ КОММУНИКАЦИЙ

Поскольку вся идея господства на море основывается на контроле коммуникаций, она не может быть полностью понята без глубокого понимания природы морских коммуникаций.

На берегу соответствующие линии коммуникаций каждой воюющей стороны, как правило, имеют тенденцию проходить более или менее приблизительно в противоположных направлениях, пока не пересекутся на театре военных действий или в пункте назначения.

На море часто происходит обратное; ибо в морской войне крупные линии коммуникаций любой из воюющих сторон часто имеют тенденцию проходить примерно параллельно, если, конечно, они не идентичны.

Таким образом, в случае войны с Германией, цель которой лежала в Восточном Средиземноморье, или в Америке, или Южной Африке, наши соответствующие линии связи были бы идентичны.

Так было и во всех наших имперских войнах с Францией.

Эта особенность заключается в контролирующем влиянии морской войны. Почти все наши нынешние принципы военно-морской стратегии можно проследить по тому давлению, которое она оказывает на военно-морскую мысль.

Это лежит в основе фундаментального различия между военной и военно-морской стратегией и позволяет объяснить многие стратегические ошибки и путаницу, возникшие в результате применения принципов ведения сухопутной войны на море без учета антагонистических условий на коммуникациях и операций против них в каждом конкретном случае.

На суше главная причина того, что мы не всегда наносим удары по коммуникациям противника сразу, заключается в том, что, как правило, мы не можем сделать этого, не обнажив свои собственные. Напротив, на море, когда большие рубежи являются общими для обоих, мы не можем защищать свои, не нанося ударов по позициям противника.

Следовательно, на море очевидный выход - поставить наш флот в такое положение, чтобы он контролировал общие линии, если только его не разгромят или не укроют. Обычно это делалось во время наших старых войн с Францией, когда мы пытались вывести флот из Бреста до того, как французы смогут отплыть.

Отсюда максимы "Надлежащее место для наших флотов - у берегов противника", "Побережье противника - наша истинная граница" и тому подобное.

Но эти максимы не универсальны; посмотрите на стратегию Того против Рожезвенского, когда он оставался верен своему собственному побережью.

Возьмем, опять же, максимум о том, что главной целью флота является поиск флота противника и его уничтожение. И здесь практика Того была обратной максиме.

Истинная максима гласит: "Главной целью флота является обеспечение безопасности коммуникаций, и если флот противника в состоянии сделать их небезопасными, он должен быть выведен из строя".

Флот противника обычно находится в таком положении, но не всегда.

ПРИМЕР.— Начало войны за испанское наследство. Операции 1702 года заключались в том, чтобы захватить какой-либо пункт (Кадис, Гибралтар или Ферроль) на испанских торговых коммуникациях, французских боковых коммуникациях и наших собственных путях прохода в Средиземное море, где должен был быть наш главный театр военных действий. Эти последние две линии были идентичны. В 1703 году целью главных операций было обеспечение союза Савойи и, в частности, Португалии. Официальные инструкции Рука предписывали игнорировать французский флот, если только он не угрожает общим коммуникациям.

РЕЗУЛЬТАТ.— К 1704 году мы заняли военно-морскую позицию, с которой Франция не могла нас вытеснить, и она отказалась от борьбы за морские коммуникации.

Но в девяти случаях из десяти принцип поиска флота противника и т. Д. Звучит здраво и применимо —

(a) Потому что для нас *общее постоянное командование* обычно необходимо для достижения окончательного успеха, а этого нельзя добиться, не уничтожив флот противника.

(b) Потому что обычно флот противника начинает с попытки *оспорить контроль над общими коммуникациями*.

(c) Потому что обычно функции флота настолько сложны (*т.е.* Количество обращений к нему столь велико), что он будет стремиться нанести удар, который решит все трудности; *например*, сэрс. Решение этой проблемы Палмсом Фэрборном в 1703 году.

Также следует помнить, что в девяти случаях из десяти наиболее эффективным способом "обнаружить флот противника" (*то есть* навязать ему боевые действия) является захват позиции, которая контролирует коммуникации, жизненно важные для его плана кампании.

Именно это и произошло в 1704 году. Рук не смог разыскать Тулонский флот, но, захватив Гибралтар, он заставил его прийти к нему (не намеренно, а в силу действия стратегического закона).

Практически все крупные военно-морские операции проводились таким образом, то есть они были результатом попытки очистить важные коммуникации от флота противника; *например*, Гравелины, Ла-Хог, Киберон, Трафальгар, Цусима.

Точно так же великие действия старых голландских войн были вызваны тем, что наше географическое положение ставило нас верхом на голландских торговых коммуникациях, и они были вынуждены искать решения против нашего флота.

Применяя принцип "поиска флота противника", следует иметь в виду, что если вы будете искать его превосходящими силами, вы, вероятно, найдете его в месте, где вы не сможете его уничтожить, разве что очень дорогой ценой. Гораздо лучше сделать так, чтобы это пришло к вам, и часто это делалось простым использованием общих средств связи.

Опять же, если вы будете искать флот противника, не будучи уверены в установлении контакта, вы можете просто помочь ему ускользнуть от вас и позволить ему занять позицию на ваших собственных коммуникациях, выбить его с которой может обойтись очень дорого. Именно по этой причине елизаветинское правительство сохранило флот в своих водах в 1588 году. Сэмпсону во время испано-американской войны фактически было позволено совершить эту ошибку. Отправившись на поиски Сервера, не будучи уверенным в контакте, он оставил ему прямой путь в Сьенфуэгос или даже Гавану, предотвратить который было главной задачей флота. Капитан Мэхан с тех пор изменил этот принцип следующим образом: "Ищите флот противника, если вы уверены в установлении контакта". Более верной максимой, по-видимому, было бы "Стремитесь установить контакт с флотом противника самым надежным и благоприятным способом, который доступен для вас". Искать флот противника - это только один из способов сделать это, и не всегда лучший. Следует помнить, что при прочих равных условиях

сражаться в своих водах, а не в водах противника, является очевидным преимуществом и с большей вероятностью гарантирует, что поражение противника будет решающим.

ВОЕННЫЙ КОЛЛЕДЖ ПОРТСМУТА

ЯНВАРЬ 1909 ГОДА

Сноски.

1 Клаузевиц, *О войне*, стр. ix. Ссылки даны на перевод третьего немецкого издания полковника Грэма, но его формулировки не всегда соблюдаются в точности.

2 Клаузевиц, *О войне*, Книга viii, глава ii

3 Там же, Подготовительное уведомление, стр. vii.

4 Там же, стр. viii

5 Мнение Веллингтона о существенном факторе было высказано контр-адмиралу Мартину, которого Адмиралтейство направило в Испанию для переговоров с ним в сентябре 1813 года. "Если кто-нибудь, - сказал он, - пожелает узнать историю этой войны, я скажу им, что наше превосходство на море дает мне возможность содержать мою армию, в то время как противник не в состоянии этого сделать". (*Письма сэра Т. Байама Мартина*) [Общество военно-морских архивов], ii, стр. 499.

6 *Корреспонденция Наполеона*, xix, 421, 4 сентября.

7 *Развитие стратегической науки*.

8 Стратегической целью, с которой был направлен Балтийский флот, безусловно, было предотвращение контрудара - то есть его основная функция в нашем военном плане была негативной. Его позитивная функция была незначительной и имела лишь отвлекающий характер. У него также была политическая цель - продемонстрировать дальнейшие наши усилия по формированию балтийской коалиции против России, которые полностью провалились. Общественное мнение, ошибочно оценивая всю ситуацию, ожидало от этого флота прямых положительных результатов, даже захвата Санкт-Петербурга. Такая операция превратила бы войну из ограниченной в неограниченную. Это означало бы "свержение врага", задачу, совершенно неподвластную союзникам без помощи прибалтийских держав, и даже в этом случае их помощь не оправдала бы изменения характера войны, если бы и Швеция, и Россия не были готовы вести неограниченную войну и ничто не было дальше от их намерений.

9 Отдавая должное Веллингтону, следует сказать, что его жалобы были вызваны ложными сообщениями, которые преувеличили пару незначительных захватов до серьезного перерыва.

10 Но не без аналогичного прецедента. В позднем Средневековье на небольшие суда возлагалась боевая функция - пытаться заклинивать рули больших кораблей или пробивать пробоины между ветром и водой. См. Боевые инструкции (Военно-морское архивное общество), стр. 13.

11 Давлуи, *Доклад о военно-морской войне*, том i, стр. 27, примечание.

12 Махан, *Война 1812 года*, i, 316.

13 Считалось, что у голландцев было шестнадцать линейных — один семьдесят четвертый, семь шестьдесят восьмой, а остальные при шестидесяти орудиях. В эскадрилье Росса были один трехпалубный и два восьмидесятипалубных.

14 См. сообщение, стр. 222-24.

15 Нельсон- Бархэм, 29 августа 1805 года.

16 Капитан Филип Паттон сэру Чарльзу Миддлону, 27 июня 1794 года. *Документы Бархэма*, ii, 393. У Паттона, вероятно, был больший военный опыт, чем у любого жившего тогда офицера. Считалось, что он обладает особыми знаниями личного состава, и в качестве вице-адмирала стал вторым морским лордом при Бархэме в 1804 году.

17 *Документы Бархэма*, i, 302.

18 Эвану Непину, 4 сентября 1801 года. Николас, *Депеши Нельсона*, iv, 484.

19 Окончательные взгляды Бархэма, 1805 год, см. В *Документах Бархэма*, iii, 90-93.

20 Деларбр, *Турвиль и морская пехота времен*, стр. 339.

21 *Документы Бархэма*, i, 292.

22 *Письма секретаря адмиралтейства*, 537, 8 августа 1803г.

23 *Выше*, стр. 222.

24 Следует сказать, что Корнуоллис не рассматривал эту систему как новую, за исключением расширения от Финистерре до Сент-Винсента, которое посоветовал Нельсон. Подтверждая приказ Ушанта, он написал: "Инструкции ... почти такие же, как обычно давались. Поэтому я могу только догадываться, почему копия приказа была отправлена мне". — *Адмиралтейство, Письма*, 129, 28 сентября 1805 г.

25 Японцы в конце войны пытались выполнить эту работу с помощью высокоорганизованного армейского штаба по высадке, но, похоже, за исключением идеальных погодных условий и местности, это не сработало должным образом, и почти во всех случаях была вызвана помощь военно-морского флота.

26 Сэр Хью Клоберри Кристиан был выдающимся офицером с замечательным послужным списком. Он служил вторым капитаном "Хоу" незадолго до своего повышения до флагманского

ранга в 1795 году и умер в качестве главнокомандующего на мысе Кейп в раннем возрасте пятидесяти одного года.

27 На аналогичных основаниях почти каждый военный критик осудил политику этой катастрофической экспедиции как связанную с рассредоточением наших незначительных вооруженных сил в то время, когда все требовало их концентрации в Европе.
